Эх!!! А жить хочется!!!

Эх!!! А жить хочется!!!

(фронтовые дневники, воспоминания, письма)

Правительство Свердловской области

Управление архивами Свердловской области

Государственное казенное учреждение Свердловской области
«Государственный архив административных органов Свердловской области»

С Б О Р Н И К А Р Х И В Н Ы Х Д О К У М Е Н Т О В

«ЭХ!!! А ЖИТЬ ХОЧЕТСЯ!!!»

(фронтовые дневники, воспоминания, письма)

Екатеринбург
2022

Дорогие друзья!

Вы держите в своих руках уникальный сборник архивных документов о событиях Великой Отечественной войны, которые запечатлены в дневниках, мемуарах и фронтовых письмах уральцев.

С каждым годом мы все острее чувствуем потребность в укреплении связи между поколениями, в сбережении нашего историко-культурного наследия, воинской славы и доблести, а самое главное – правды о том, каким неимоверным трудом, ежедневными подвигами на фронте и в тылу ковалась Великая Победа, сколько испытаний преодолел наш народ, чтоб мы с вами могли жить в свободной стране.

Письма с фронта, дневниковые записи, воспоминания свидетелей военных лет – это и есть та правда, которую мы должны сохранить и передать нашим потомкам, чтобы и они помнили, кто принес мир на нашу землю, и берегли этот бесценный дар.

Уверен, что этот сборник внесет вклад в наше общее дело. Он позволит увековечить память об уральских героях, послужит патриотическому воспитанию молодежи, укреплению духовно-нравственных ценностей и традиций, станет стимулом для более вдумчивого и осмысленного изучения истории Свердловской области и всей России.

Губернатор
Свердловской области
Е. В. Куйвашев

Уважаемые друзья!

В соответствии с поручением Губернатора Свердловской области Евгения Владимировича Куйвашева о реализации Послания Президента Владимира Владимировича Путина Федеральному Собранию Российской Федерации 15 января 2020 года Управление архивами Свердловской области при непосредственном участии архивных учреждений Свердловской области организует подготовку комплекса оцифрованных архивных документов, кино- и фотоматериалов, посвященных Второй мировой войне. С 2020 года областными архивами начата работа по выявлению и публикации архивных документов, связанных с увековечением Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов.

Одной из вех реализации проекта является сборник архивных документов «Эх!!! А жить хочется!!!», который вы держите в руках. Сборник невероятно актуален в наши дни: он обнажает боль и тревогу за Отечество, взывает к человечности и патриотическим чувствам. Название ему дали строки, написанные карандашом на краешке фронтового дневника командира 2-го отделения связи 336-го артиллерийского полка 178-й стрелковой дивизии Александра Пряхина: «Эх!!! А жить хочется!!!». В них не только естественная жажда жизни молодого бойца, но еще более сильное желание – жажда жизни во имя победы. Эта тема является сквозной для всех документов, представленных в сборнике.

Мир и война, радость и скорбь, доблесть и страх – в книге собраны подлинные свидетельства участников Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) и детей войны. События переданы сквозь призму документов личного происхождения, находящихся на хранении в Государственном архиве административных органов Свердловской области: фронтовых дневников, воспоминаний военнопленных, которые пережили ужас фашистских лагерей, писем с фронта.

Искренне надеюсь, что сборник будет интересен не только старшему, но и молодому поколению, которое только еще постигает историю Отечества. Я рад, что благодаря деятельности архивистов юные граждане могут делать это, опираясь на первоисточники, в том числе – на личные документы непосредственных участников тех героических событий.

Начальник Управления архивами
Свердловской области
Р. С. Тараборин

ГКУСО «Государственный архив административных органов Свердловской области»

Государственный архив административных органов Свердловской области (далее – ГААОСО, ГКУСО «ГААОСО») создан в соответствии с постановлением Главы Администрации Свердловской области «Об образовании Государственного архива административных органов Свердловской области» от 29 июня 1992 года № 118. С момента своей организации в 1992 году Государственный архив административных органов комплектовался документами органов государственной безопасности. Начиная с 1996 года стал пополняться документами правоохранительных, правоприменительных органов, органов юстиции, суда, прокуратуры, военных комиссариатов, таможен.

В настоящее время в ГААОСО на постоянное хранение сдают свои документы 178 организаций, расположенных на территории Свердловской области. Среди них Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Свердловской области; военные комиссариаты; органы прокуратуры; следственные органы; Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации по Свердловской области; Управление Судебного департамента в Свердловской области; суды общей юрисдикции; арбитражные суды; Департамент по обеспечению деятельности мировых судей Свердловской области; органы охраны правопорядка, органы таможенной службы.

Помимо организаций в ГААОСО сдают документы из частных и семейных архивов жители Свердловской области. Эти документы пополняют личные фонды и многочисленные архивные коллекции. Сегодня ГААОСО насчитывает 210 фондов, в которых хранится 133 тысячи 979 единиц хранения. Многие из них содержат документы периода Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.).

На протяжении трех десятков лет Государственный архив административных органов Свердловской области ведет культурно-просветительскую деятельность, основываясь на источниковой базе архивных документов. Эта работа призвана способствовать торжеству исторической правды.

Предисловие

В 2022 году отмечается 77-я годовщина окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, самой страшной и кровопролитной войны в истории нашего Отечества. В результате вероломного нападения фашистской Германии на СССР почти в каждую семью в нашей стране пришло горе.

Погибли, пропали без вести на фронте, попали во вражеский плен, скончались от ран в медсанбатах и госпиталях, умерли от болезней и лишений на оккупированных немецко-фашистскими захватчиками территориях и в тылу, от голода в блокадном Ленинграде миллионы граждан нашего государства. Свидетельства о тех трагических событиях и их участниках должны оставаться в памяти соотечественников.

Настоящий сборник имеет целью ознакомить читателя с документальными свидетельствами жителей Свердловской области об их участии в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, хранящимися в ГКУСО «ГААОСО».

Документы, вошедшие в сборник, относятся к категории документов личного происхождения, их объединяет нарративный характер. Это личная переписка, дневники и воспоминания, созданные по инициативе и замыслу частных лиц. В зарубежных социальных науках такие документы именуются «эго-документами», что буквально можно перевести как «я – свидетельство», и эта трактовка термина как нельзя лучше объясняет актуальность сведений, содержащихся в документах личного происхождения. «Эго-документы» дополняют имеющиеся в архивах документальные свидетельства новыми неизвестными подробностями повседневной жизни наших соотечественников, позволяют изучить быт, настроения, мысли, характеризующие ту часть общества, к коей принадлежат авторы документов. Наконец, документы личного происхождения позволяют познакомиться с лексическими особенностями языка, свойственными той или иной общественно-социальной группе.

При этом, как всякий субъективный источник, «эго-документы» требуют осторожного обращения, тщательного изучения условий, в которых они создавались, изучения самой личности, их создававшей. Только тогда появляется возможность адекватной трактовки информации, содержащейся в документальных источниках.

В состав сборника «Эх!!! А жить хочется!!!» (фронтовые дневники, воспоминания, письма) вошли документы следующих фондов ГКУСО «ГААОСО»:

- фонд Р-204 «Коллекция документов участников Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), детей войны, детей участников войны, тружеников тыла»;
- фонд Р-3 «Коллекция документов граждан, пострадавших от политических репрессий после 1917 г., а также бывших военнопленных и мирных

граждан, насильственно депортированных в Германию в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»;
- фонд Р-11 «Коллекция документов бывших советских военнопленных, находившихся в плену в немецких концлагерях во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»;
- фонд Р-1 «Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Свердловской области».

Сборник представляет собой издание научно-популярного типа и состоит из четырех частей:
- дневники участников Великой Отечественной войны 1941–1945 годов;
- воспоминания участников Великой Отечественной войны 1941–1945 годов;
- воспоминания детей участников Великой Отечественной войны 1941–1945 годов;
- письма участников Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, их близких и друзей.

Предваряют публикацию документов обращения к читателям Губернатора Свердловской области, Начальника Управления архивами Свердловской области и предисловие.

Сборник снабжен фотоиллюстрациями с изображением личных документов граждан, страниц дневников, писем, рисунков и копиями фотодокументов из архивных дел, хранящихся в фондах ГААОСО.

1. Дневники участников Великой Отечественной войны 1941–1945 годов

В первой части сборника представлены дневниковые записи участников Великой Отечественной войны 1941–1945 годов Александра Васильевича Пряхина и Розы Григорьевны Мезеновой. Документы раскрывают читателю мир двух советских граждан: командира отделения Красной армии и девушки-курсантки военного училища. Записи выполнены карандашом или чернилами на тетрадных листах.

Фронтовой дневник командира отделения 54-го корпусного артиллерийского полка (КАП) Александра Васильевича Пряхина был выявлен архивистами в Фонде Р-1. Оп. 2. «Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Свердловской области» при изучении архивно-следственного дела А. В. Пряхина (Документ № 1)[1]. Появление фронтового дневника в архивно-следственном деле объясняется негласным запретом

1 ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 34136.

на ведение дневников, существовавшим в Красной армии во время Великой Отечественной войны. Именно дневник послужил причиной ареста А. В. Пряхина 12 декабря 1941 года. Но уже 13 февраля 1942 года дело было закрыто, а лейтенант отправлен обратно на фронт.

Простая «общая» тетрадь, выпущенная Каменской писчебумажной фабрикой имени С. М. Кирова, хранит мысли 28-летнего лейтенанта. В своем дневнике Александр Васильевич Пряхин оставлял ежедневные записи о службе в действующей армии. Среди них встречаются заметки об отсутствии боеприпасов и обмундирования, о перебоях с питанием. На некоторых страницах дневника в дни особого душевного отчаяния критически оценивается роль военного руководства страны в связи с отступлением Красной армии вглубь страны.

А. В. Пряхин вел дневник не тайком, но никого с содержанием не знакомил. Так, на вопрос сотрудника НКВД во время допроса 14 декабря 1941 года, не видел ли кто-нибудь из бойцов, что он вел дневник, А. В. Пряхин отвечал: «О том, что я пишу дневник, знали командир нашего взвода мл. лейтенант Крамской, помкомвзвода Смышляев, мл. командиры и бойцы нашего взвода. А также знал и отсекр нашего взвода управления коммунист Контрич»[2]. Таким образом, дневник Пряхина интересен потомкам еще и тем, что в нем упоминаются красноармейцы, служившие с ним в одном подразделении. В списке 2-го отделения связи КАП 3-го дивизиона десять фамилий, включая Александра Васильевича Пряхина. В списке содержится следующая информация: № п/п, фамилия, имя и отчество, образование, партийность, год рождения, семейное положение, гражданская специальность, последнее место жительства[3].

Среди военнослужащих – жители Фастовского района Киевской области Украинской ССР, Шатровского района Челябинской области (в настоящее время Курганской области), Суксунского района Молотовской области (в настоящее время Пермского края), Ачитского, Нижнесергинского районов, городов Асбеста и Первоуральска Свердловской области.

Много строчек в дневнике посвящено любимому сыну. Александр Пряхин мечтал о том, чтобы его сын Артур (Арик – в тексте дневника) стал инженером-электриком. В своей записи на первой обложке дневника он просит переслать данную тетрадь в Первоуральск жене Юлии Александровне Блохиной «На память сынуле».

На последней странице дневника записано следующее: «…Жаль умирать не потому, что жить хочется, а потому, что хочется увидеть, что же будет после такой войны, а надо полагать, что будет хорошо… Сбереги тетрадь Арику на память. А. Эх!!! А жить хочется!!!»[4].

2 ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 34136. Л. 11.
3 ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 34136. Л. 62.
4 ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 34136. Л. 62об.

Уроженка Екатеринбурга Роза Григорьевна Мезенова, участница Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, оставила потомкам свои военные дневники, рассказывающие об учебе в Пензенском минометном училище артиллеристов и минометчиков в период с декабря 1942 года по июль 1943 года (Документ № 2)[5]. В документах – восторженные строчки девятнадцатилетней уральской девушки о призыве на фронт, о посещении московского метро, о встречах с братом и его женой, о суровых буднях и учебе в училище, о дорогих подружках, любимых фильмах и о стихах Ивана Бунина, о радостных и грустных моментах жизни.

Р. Г. Мезенова 29 мая 1943 года записала в дневнике, что ее дневник прочитал лейтенант, командир подразделения. «Ну и пусть, если что не нравится из записей, на меня не пеняет, т. к. я пишу для себя, а совсем не для того, чтобы еще кто-нибудь читал»[6]. Дневник оставался у своей владелицы до конца ее жизни, копия была передана в ГААОСО в 2017 году дочерью Розы Григорьевны Еленой Георгиевной Мезеновой, пополнив Фонд Р-204 «Коллекция документов участников Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), детей войны, детей участников войны, тружеников тыла».

2. Воспоминания участников Великой Отечественной войны 1941–1945 годов

В сборнике представлены воспоминания участника Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, уроженца Ульяновской области Александра Яковлевича Грузкова (Документ № 3)[7].

А. Я. Грузков в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов работал на авиационном заводе в городе Куйбышеве (в настоящее время Самара). Затем служил по призыву в рядах Красной армии. После тяжелого ранения А. Я. Грузков учился в Ленинградском артиллерийском зенитном училище (ЛАТУЗА), эвакуированном в 1941 году из Ленинграда в Томск. С февраля 1945 года А. Я. Грузков вновь в действующей армии, в составе 3-го Украинского фронта воевал в Венгрии и Австрии.

Воспоминания А. Я. Грузкова были записаны им собственноручно в 2011–2014 годах, поступили в архив в 2015 году в виде фонодокумента продолжительностью 11 час. 23 мин. 28 сек. В публикацию вошли расшифрованные воспоминания А. Я. Грузкова о периоде жизни с 1941 по 1945 гг.

5 ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 50.
6 ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 50.
7 ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 1. Ед.хр. 1. Ед.уч. 1. Фонодокумент. Общая продолжительность записи – 11 ч. 23 мин. 28 сек. В сборник включены эпизоды, касающиеся времен Великой Отечественной войны.

Во вторую часть сборника также вошли воспоминания бывших узников фашистских лагерей смерти (Документы № 4[8] и № 5[9]). В описи № 1 архивного фонда Р-1 «Управление Федеральной службы безопасности по Свердловской области» хранятся фильтрационно-проверочные дела советских граждан, уроженцев или жителей Свердловской области, призванных в армию в годы Великой Отечественной войны, попавших в германский плен, освобожденных из плена и прошедших фильтрационную проверку органами контрразведки «СМЕРШ». При изучении фильтрационно-проверочного дела Анатолия Леонидовича Лузина архивистами была выявлена тетрадь с отчетом об антифашистской работе в лагере для военнопленных офицеров «Кальвария» (Литва). А. Л. Лузин был призван в ряды Красной армии Свердловским городским военкоматом в августе 1941 года. Служил командиром взвода и старшим адъютантом командира батальона 688-го мотострелкового полка 103-й мотострелковой дивизии 24-й армии. Попал в плен 4 октября 1941 года в районе города Ельня Смоленской области. Участник антифашистской организации в лагере «Кальвария». После отправки в Германию продолжал заниматься подпольной деятельностью.

Подробный отчет о работе антифашистской подпольной организации советских военнопленных в лагерях «Кальвария» (Литва), «Нейбург» и «Нюрнберг» (Германия) был написаны А. Л. Лузиным в апреле 1945 года на Нюрнбергском сборном пункте после освобождения узников лагеря частями американской армии. Воспоминания записаны в книжку в коричневой обложке размером 15 на 20,5 сантиметров.

После окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 годов Анатолий Леонидович Лузин работал преподавателем в средних специальных и высших учебных заведениях города Свердловска, в том числе Уральского государственного университета имени А. М. Горького и Свердловского института народного хозяйства.

Житель города Березовского Свердловской области Георгий Илларионович Копылов передал в 1997 году в Фонд Р-11 «Коллекция документов бывших советских военнопленных, находившихся в немецких концлагерях во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» свои воспоминания о пребывании в годы Великой Отечественной войны в плену на территории Эстонии. Машинописный сборник с авторской правкой «Плен» создавался им с 1980 по 1989 годы. На страницах сборника описываются страшные подробности жизни советских военнопленных в фашистском плену, рассказывается об обстоятельствах неудавшегося побега из лагеря, об отношении охраны концлагерей и местного гражданского населения к советским военнопленным.

---

8 ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 36316. Л. 16-27.
9 ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 34136. Л. 11-62.

3. Воспоминания детей участников Великой Отечественной войны 1941–1945 годов

В третью часть сборника вошли воспоминания жителей Екатеринбурга, ветеранов труда и военной службы супругов Александры Тимофеевны и Владимира Александровича Наумовых (Документы № 6[10] и № 7[11]), составленные и переданные в архив в мае 2015 года.

А. Т. Наумова в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов проживала в Москве недалеко от Ярославского вокзала. В тяжелые годы военных испытаний ученицу 5 класса избрали командиром школьной тимуровской команды. Школьники брали под свое крыло маленьких детей, чьи отцы воевали на фронте, а матери работали на промышленных предприятиях. Тимуровцы выступали с концертами в военных госпиталях перед ранеными воинами Красной армии, работали на уборке урожая и заготавливали дрова.

В. А. Наумов в сентябре 1941 года пошел в первый класс школы № 17 города Свердловска. Отец служил на фронте, мать работала на военном заводе. В. А. Наумов оставил воспоминания о работе школьников помощниками в упаковочном цехе кроватной фабрики на улице Щорса, где выпускались ручные гранаты РГ-1, о сборе макулатуры и металлолома для нужд фронта, о встрече с военнопленными германской армии в поселке Мезенский Свердловской области.

4. Письма периода Великой Отечественной войны 1941–1945 годов

В завершающей, четвертой части сборника публикуются письма периода Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

30 июня 1941 года жительница Верхнего Тагила Свердловской области Анна (фамилия неизвестна) написала письмо в действующую армию своему знакомому Владимиру Алексеевичу Глинских, призванному в РККА в 1940 году Кировградским райвоенкоматом (Документ № 8)[12].

10 ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 3. Л. 11-13.
11 ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 3. Л. 11-10.
12 ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 43829. Л. 90.

В своем сообщении Анна (в письме – Нюся) писала В. А. Глинских о том, как разворачиваются события первой недели войны в двух уральских городах: Верхнем Тагиле и Кировграде. Письмо носит еще достаточно беззаботный тон: упоминаются танцы, добровольцы, желающих идти в Красную армию, обязательная военная подготовка для комсомольцев и новости о бракосочетании подруг и друзей.

Также в фондах ГААОСО хранятся фронтовые письма Героя Советского Союза Андрея Михайловича Крутошинского с фронта в адрес сестры своего институтского друга А. А. Покровского Е. А. Покровской, проживавшей в городе Свердловске (Документы № 9 и № 10)[13].

В своем письме А. М. Крутошинский, выпускник Свердловского горного института, находясь на боевых позициях, красочно описывает окружающую природу, цитирует тексты фронтовых песен. К сожалению, Андрей Михайлович Крутошинский не дожил до Победы. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 октября 1944 года капитану А. М. Крутошинскому присвоено звание Героя Советского Союза посмертно.

Еще одно уникальное письмо, вошедшее в сборник, принадлежит перу немецкого художника, трудармейца Эриха Борхерта (Документ № 11)[14]. Написано оно 7 февраля 1942 года для шестилетней дочери Эрики на русском языке с трогательными ошибками и производит сильное впечатление. «Эрика – дочь моя – не забуд меня – и жди меня – война кончается, и тогда я приду, и будет хорошо, так хорошо»[15]. К сожалению, отец и дочь больше никогда не увиделись…

Автор письма – Эрих Вильгельмович Борхерт в 1930 году закончил Художественно-архитектурный институт в городе Дессау (Баухауз) и приехал по приглашению на работу в СССР. Работал художником-архитектором при тресте «Малярстройпроект» (позднее – Госотделстрой) в Москве. Был участником антифашистских выставок графики и живописи в Музее нового западного искусства.

25 декабря 1941 года Э. В. Борхерт был мобилизован Сталинским военкоматом города Москвы и доставлен в город Каменск-Уральский в стройбатальон № 671. В апреле 1942 года начал работу в качестве художника 5-й строительной конторы в клубе строительства Уральского алюминиевого завода города Каменска-Уральского. Особым совещанием при НКВД СССР 15 января 1944 года Эрих Борхерт был осужден на 20 лет исправительно-трудовых лагерей. Умер в исправительно-трудовом лагере в 1944 году. В 1962 году жена Э. В. Борхерта – София Васильевна Матвеева, художник Главного ботанического сада Академии наук СССР, проживавшая в Москве, написа-

13 ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 34. Л. 1-4.
14 ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 43423.
15 ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 43423. Л. 270.

ла письмо Главному военному прокурору с просьбой разобраться в судьбе своего мужа, объявленного «врагом народа». С целью доказать невиновность мужа С. В. Матвеева передала в органы прокуратуры фотокопии рисунков с антифашистской тематикой и личных документов Э. В. Борхерта. Среди них и письма из Каменска-Уральского в Москву в адрес своей семьи.

Историю русского солдата Великой Отечественной войны Михаила Петровича Иванова помогают воссоздать письма в адрес своей семьи, проживавшей в городе Нижнем Тагиле (Документы № 12-17)[16]. Письма М. П. Иванова в 2017 году передала в архив на основании договора дарения документов личного происхождения дочь участника Великой Отечественной войны Мария Михайловна Землянова (Иванова), проживавшая в городе Кубинка Московской области. М. П. Иванов был призван Нижнетагильским городским военкоматом 26 июня 1941 года. Служил шофером в звании ефрейтора. Погиб 29 августа 1943 года в ожесточенных боях в Брянской области.

Письма с фронта участника Великой Отечественной войны, преподавателя Орловского, затем Свердловского суворовского училища Вячеслава Сергеевича Каменева передала в архив его дочь – главный археограф ГААОСО Ирина Вячеславовна Каменева (Документы № 18-23)[17]. В. С. Каменев был директором школы в селе Сестренка Избердеевского района Тамбовской области. Призван в Красную армию в 1941 году, принимал участие в освобождении Праги (предместье Варшавы), Бяла-Подляска и других городов Польши в составе 76-й стрелковой дивизии 1-го Белорусского фронта.

В октябре 1944 года приказом Управления высших учебных заведений В. С. Каменев был отозван с фронта и направлен офицером-воспитателем в Орловское суворовское училище в городе Елец Орловской области (воинское звание – капитан). В 1947 году вместе с училищем переехал в Свердловск, работал на той же должности. В сборник вошли пять писем В. С. Каменева к своей семье (1941–1945) и одно письмо матери В. С. Каменева Дарьи Яковлевны сыну на фронт (1942).

Текст публикуемых документов передается в соответствии с современными правилами орфографии, с точным сохранением стилистических и фонетических особенностей. Авторский стиль и манера написания полностью сохранены. В соответствии с современной орфографией и пунктуацией в документах проведено деление текста на абзацы и предложения, проставлены необходимые по смыслу знаки препинания.

Части текста, опущенные авторами или их родственниками, отмечены отточием в угловых скобках. Орфографические ошибки и опечатки исправ-

16 ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 5.
17 ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 86.

лены без оговорок. Неисправности текста, имеющие смысловое значение, сохраняются. Правильное написание приводится в текстуальном примечании.

Пропущенные в тексте документов и восстановленные составителями слова и части слов заключены в квадратные скобки. Сокращенно написанные слова, если они не являются общепринятыми, воспроизводятся полностью. При этом восстановленные части слов заключаются в квадратные скобки. Утраченный или непрочтенный из-за повреждения документа, а также неразборчивый текст отмечается отточием в квадратных скобках. В текстуальных примечаниях оговаривается причина пропуска.

Большинство документов являются подлинниками, и многие из них публикуется впервые. Часть документов ранее была частично опубликована на официальном сайте ГААОСО – https://гаасо.рф и на страницах средств массовой информации Свердловской области.

Текст каждого документа сопровождается легендой с указанием названия архива, номера фонда, описи, дела, листа, подлинности (копийности) документа.

Выявление, отбор и набор документов для публикации в сборнике проводились сотрудниками ГААОСО И. Н. Демаковым, Ю. Е. Рыжковой, И. В. Каменевой, А. В. Лясковской, О. А. Гришиной, О. В. Селезневой, Т. А. Семеновой, Э. А. Богомоловой.

Археографическое оформление, передача текста проведены И. Н. Демаковым, Ю. Е. Рыжковой, Т. А. Семеновой, Э. А. Богомоловой. Предисловие подготовили И. Н. Демаков и О. В. Селезнева.

Содействие при подготовке сборника оказали сотрудники ГААОСО С. Ю. Еремина, Н. В. Ильиных, Ю. Е. Киш, Н. Л. Корбут, В. Л. Корзинин, С. А. Силаев, Е. Н. Фархутдинова.

Государственный архив административных органов Свердловской области продолжает работу по сбору документов личного происхождения, являющихся носителями актуально значимой информации, позволяющей отразить историю Отечества через призму частной жизни граждан.

Сотрудники государственного архива административных органов Свердловской области поздравляют читателей с 77-й годовщиной Великой Победы нашего народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов!

ДНЕВНИКИ участников Великой Отечественной войны 1941–1945 годов

Александр Васильевич Пряхин

Родился 25 декабря 1913 года в Первоуральске в семье рабочего. В 1917 году с семьей переехал в Екатеринбург. Отец – Василий Пряхин – с 1920 года занимался торговлей, имел свой собственный магазин скобяных изделий, торговал до 1929 года. В 1928 году лишен избирательных прав и выслан на 3 года в Иркутскую область. После возвращения Василий Пряхин работал чернорабочим на Первоуральском строительном заводе.

Александр Пряхин с 1921 года начал учиться в церковно-приходской школе, где окончил 5 групп, в 1930 году в школе № 5 города Свердловска окончил экстерном 7 классов. Получил специальность моториста, пытался поступить в техникум, но не был принят из-за социального происхождения. В 1932 году уехал из Свердловска в Саратов, работал электриком и учился в вечернем техникуме. В 1936 году вернулся в Первоуральск.

На второй день войны, 23 июня 1941 года, Александр Васильевич Пряхин призван на фронт и направлен в город Свердловск, назначен командиром отделения 545-го корпусного артиллерийского полка (КАП) и в тот же день сделал первую запись в дневнике.

За записи в своем личном дневнике командир 2-го отделения связи 336-го артиллерийского полка 178-й стрелковой дивизии А. В. Пряхин был арестован 12 декабря 1941 года по обвинению в упаднических, пораженческих настроениях. При допросах Пряхин откровенно

рассказал следствию о своих действиях и причинах, побудивших его вести дневник пораженческого настроения, вследствие этого оснований для привлечения к уголовному делу Пряхина не обнаружено. Дело было прекращено 13 февраля 1942 года, дневник конфискован. А. В. Пряхин из-под стражи освобожден и направлен на фронт.

1 августа 1942 года командир минометного взвода отдельного минометного батальона 136-й отдельной стрелковой бригады лейтенант Александр Пряхин погиб в Калининской области, похоронен у деревни Какашилово Ржевского района. В городе Первоуральске в поселке Динас остались жена Юлия и 3-летний сын Артур.

№ 1

«Эх!!! А жить хочется!!!»

ОБЩАЯ ТЕТРАДЬ

Пряхин[18]

Оборотная сторона обложки:
Нашедшего прошу переслать эту тетрадь по нижеписанному адресу:
Адрес: Свердловская область, гор. Первоуральск,
Динас ул. Куйбышева, д. № 13
Блохиной[19] Юлии Александровне

На Память сынуле.

23 Июня
Первый день, когда получено назначение в часть. Кругом творится женский плач.

24 Июня
Спали в клубе на столах. В 5.45 поездом поехали в Свердловск. Получили обмундирование, оружие.

25 Июня
Распределили людей по отделениям, получил 10 человек. Получили назначение. В дивизион управление его. П[омощник]/ком[андира] взвода Плотников, к[омандир]/взвода мл[адший] лейтенант Крамской.

26-27-28 Июня
Организационное оформление. Получали имущество, для связи имущества нет[20].

18 Обложка дневника А. В. Пряхина. Фамилия написана от руки карандашом и подчеркнута.
19 Фамилия подчеркнута в документе.
20 В документе подчеркнуто красным карандашом.

29 Июня

Отправляют 1-й и 2-й дивизион. Мы должны ехать завтра. Давали присягу.

30 Июня

В 12 часов пошли на вокзал. Пытались петь, но не клеится, не знали песен. Ночевали на военной площадке, на улице. Дождь, холодновато. Спали часа 1,5.

1 Июля

В 8 часов эшелон двинулся. Хочется по Пермь-Дороге[21], но едем по Казанской. Значит, больше не видать родных мест[22]. Жалеем с Плотниковым и ложимся спать[23].

2-3-4 Июля

Едем небыстро. Кругом машут и провожают[24] люди. Эшелонов исключительно много. Значит, будет большое дело.

5 Июля

Стоим в Москве. Эшелонов видимо-невидимо. Страна начала войну.

6 Июля

Получил один патрон. Едем на Минск очень медленно.

7 Июля

Встречаем много эшелонов эвакуированного населения. Рассказы самые жуткие.

8 Июля

Стоим в 5 кил[ометрах] от Смоленска на сортировочной. Мимо идут эшелоны один за другим. Населения кругом нет. Рассказы о первой жертве – красноармеец, на могилу которого ходили со Смышляевым. Настроение у большинства бодрое.

9 Июля

Жуткие разрывы бомбы, брошенной немецким самолетом. У только что подошедшего эшелона разбито восемь вагонов, много жертв (10 и 30). Вы-

21 Вероятно, *Пермская железная дорога*.
22 Подчеркнуто сначала простым карандашом, затем красным карандашом.
23 Здесь и далее текст в документе подчеркнут простым карандашом.
24 Слова *и провожают* вписаны над строкой.

рыли могилу и тут же закопали. Ходили смотреть, после этого настроение подавленное[25]. Поехали в Смоленск в 24.

10 Июля

Стоим в Смоленске. Стою в охране эшелона от самолетов. Город изрядно потрепан и очень хорошо затемнен, нет ни одного огонька.

Поехали дальше. Отъехали 9 кил[ометров], в Крас.бору[26] выгрузились к шоссе, тут заночевали.

11 Июля

Смотрели воронки от фугасных бомб. Крепкие ямки. Вырыли окоп. Самолеты беспрерывно летают и, видимо, бомбят Смоленск – слышен гул. Ночь спали плохо.

12 Июля

Лежим в лесу. Самолеты летают беспрерывно. При каждом появлении лезем в окопы. Получили патроны.

13 Июля

Вернулись люди из ушедших вперед дивизионов 2-1. Рассказы самые невероятные, не знаешь, чему верить.

Написал письмо домой.

Н[27]. 1 мил. чел, 2300 сам., 3000 тан.[28]

Мы. 1900 с. 2200 тан. 250 тыс. чел.[29]

14 Июля

Ночь прошла спокойно, может потому, что спал крепко. Утром в 9 часов в 2 км жутко бомбят. В 5 часов над нами бой самолетов. 2 немецких сбито, один ушел. […][30] Ночью стали грузиться.

15 Июля

Проехали Смоленск. Едем тихо. От Смоленска едем исключительно медленно. Дорога забита эшелонами. В Смоленске обстреляла эшелон артиллерия, говорят, высадился десант.

---

25 В документе подчеркнуто красным карандашом.
26 Слова *в Крас.бору* – вписаны над строкой. Вероятно, *в Красном Бору*.
27 Вероятно, *немцы*.
28 Написано на полях и подчеркнуто красным карандашом. Вероятно, сам. – *самолеты*, тан. – *танки*.
29 Написано на полях и рядом вертикальная красная полоса карандашом.
30 В тексте зачеркнуто.

16 Июля

На эшелон беспрерывно налетают самолеты, но бомбить не бомбят, только одна бомба упала метрах в ста. Едем вторые сутки, от Смоленска отъехали 27 километров. Вечером появился наш самолет, идет на Смоленск.

17 Июля

Утром прошли в направлении Вязьмы дважды 2 тяжелых бомбовоза[31]. Высадился, по сведениям, десант. Пошли в оборону эшелона. По нам стреляет артиллерия со стороны Вязьмы. Два снаряда разорвались метрах в 15. Беспрерывно летают самолеты противника группами от 25 штук. Вечером пошли окружать впереди высадившийся десант. Вернули[сь] поздно, не дошли до десанта.

18 Июля

Утром летают транспортные самолеты. Беспрерывная артиллерийская стрельба по десанту. Десант бьет из миномета по эшелонам, часть горит. Взвод пошел в разведку искать миномет. Попали под обстрел, неизвестно какой артиллерии. Ходили весь день. Нашли […][32] Пришли поздно, в рядом стоящий эшелон попал снаряд, есть тяжелораненые в нашем эшелоне. Ночь спокойная.

19 Июля

Утром пошли за патронами. Целый день находились в лесу. Кругом сильная арт[иллерийская] стрельба по десанту. Самолетов нет, плохая погода (проснулись от молока). Вернулись в вагоны поздно. Днем встречали много с фронта.

20 Июля

Проснулись под команду «самолеты». Ушли в лес. Беспрерывно бомбят самолеты противника где-то около десанта. Артиллерия бьет по десанту. В 14.00 налет авиации, исключительно сильно бомбят место около десанта, количество самолетов около 60. Бомбежка продолжается часа два. Один бомбардировщик бросил зажигательную бомбу в рядом стоящие цистерны, горят три цистерны. Лес, в котором мы находились, этим же самолетом обстрелян из пулемета. Наших самолетов нет. Немецкие истребители бросали на наш эшелон листовки.

Интересный во взводе парень Лепинский.

Вечером поздно пошли в вагоны.

---

31 Вероятно, *бомбардировщика*.

32 В тексте слова написаны неразборчиво.

21 Июля

Подняли рано и сразу в лес. Кругом самолеты. Легли под кустами. Над нами тучи немецких самолетов строчат по лесу из пулемета и бомбят. Наших нет, у всех один вопрос: Где же наши самолеты? Командование наше беспомощно, т. к. само не знает ничего[33], пятый день не получаем никаких известий, от чего у всех подавленное состояние от неизвестности. Часов в 10 начал бить миномет десанта по нашей батарее. Беспрерывно идут самолеты противника и бомбят. Вечером началась артиллерийская перестрелка между десантом. В воздухе снова самолеты, которые беспрерывно бомбят. Появился мессершмитт, который корректирует стрельбу из дальнобойных орудий через нас по арт[иллерийскому] полку. Вернулись в вагоны поздно. Пропали из отделения 2 человека.

22 Июля

Месяц войны. В воздухе снова мессершмитт и истребители, которые что-то разведывают, значит, будет снова дело. Наших самолетов нет. С утра «спокойно» как будто, т. к. самолеты противника летают меньше, предполагаем, что в воздухе есть наши самолеты. В 16.00 пролетавшим самолетом сброшена бомба, сколько паники (бомба не взорвалась)[34]. Узнали, что вчера бомбили Москву и пытались бомбить Ленинград, не знаем, правда ли, что Смоленск[35] и Витебск снова заняты нашими войсками. Ночь прошла спокойно.

23 Июля

Утром ушли в лес, только легли, а самолеты начали «музыку» пулеметных очередей по этому лесу. Сколько еще в таких условиях будем, вряд ли кто скажет? Десант не пропускает эшелонов. До 17 часов сравнительно было спокойно, в 17.00 прошло 25 бомбардировщиков, над нами развернулись и пошли на Смоленск, где слышны взрывы бомб. Над нами беспрерывно самолеты[36]. В 20.00 часов место, где укрылись, обстрелял миномет. Ходят слухи, что завтра будут наши самолеты. Ночь не спали, готовились к походу.

24 Июля

Не успели. Остались снова в лесу. Немцы разгружают головные эшелоны, от нас 4-5 кил[ометров]. Самолеты беспрерывно над нами. В сторону Смоленска прошло 17 бомбардировщиков, слышны взрывы[37]. Узнали, что вчера

33 Часть текста подчеркнута красным карандашом.
34 Подчеркнуто красным карандашом.
35 Подчеркнуто красным карандашом.
36 Подчеркнуто красным карандашом.
37 Слова *слышны взрывы* вписаны над строкой.

убит ст[арший] лейтенант нашего дивизиона. В 22 часа вышли в поход на Вязьму, шли всю ночь, утром подошли к Днепру, мост разбомблен[38].

25 Июля

Автомашин не сосчитать, пахнет трупами. Крепко поработали немецкие бомбардировщики[39]. Отдыхать ушли в лес, но исключительно неудачно – бомбят и обстреливают из пулемета. Ходили на Днепр, где просидели в кустах целый день! В воздухе и на земле кругом творится ад, который, конечно, не сравнить с адом того света. Бомбы поют самые «классические» песни. Если не сойду с ума, то это будет, действительно, номер, словом, все мы живые трупы, о которых можно уже не говорить. Большим «концертом» в 4-х действиях с бомбометанием кончается для нас 25/VII, завтра, надо полагать, будет еще лучше. День кончается тем – где же наши самолеты – гордые соколы?[40]

26 Июля

Шли до 2-х часов ночи, немного спали, утром пошли дальше. Путь дальний, идти тяжело – хочется бросить все, кроме винтовки. Днем пытались у колодца умыться, но сделать это пришлось в несколько приемов, т. к. немцы беспрерывно летают и бомбят, заметив каждую белую бумажку. Вот такая никому не нужная смерть может настигнуть за 450 км от фронта[41]. От нечего делать собирали ягоды, которые были лучшим обедом[42] блюдом к нашим надоевшим рыбным консервам. 15 дней не знаем, что делается на «белом свете», от чего еще тяжелее. Люди начинают привыкать, настроение заметно моральное по сравнению с первыми днями улучшается. Мне лично страшно хотелось бы поцеловать сына, подержать на руках, а там и умирать[43]. Вышли в поход в 9 часов вечера.

27 Июля

Шли всю ночь, люди страшно устали и, конечно бы, не пошли дальше, если бы не взрывы бомб кругом. Немцы бомбят и ночью. Застал самолет на рассвете в чистом месте. Легли прямо на землю, пролетел очень низко, но, видимо, нет бомб, не трогал. Лесу нет на несколько километров, пришлось залечь в мелкий кустарник на чистом месте, как только стало видно, самолеты беспрерывно летают, нельзя высунуть головы. Нет питания – люди голодные, впереди город Дорогобуж, который, по рассказам, сожжен, а там

38 Подчеркнуто красным карандашом.
39 Подчеркнуто красным карандашом.
40 Подчеркнуто красным карандашом.
41 Подчеркнуто красным карандашом.
42 Слово *обедом* вписано над зачеркнутым словом.
43 Слова *а там и умирать* подчеркнуты красным карандашом.

надо получить питание. Будем ли целы на чистом месте[44], трудно сказать. Вечером бомбили кусты, в которых лежали, многие читают заупокойную[45]. Пошли часов в 7, прошли гор. Дорогобуж, который весь сожжен, горел три дня, сгорело все основное дотла. Хлеба достали всего 22 кг на 44 чел., а путь еще 180-200 км.

28 Июля

Шли до 2-х часов ночи, сбились с[46] дороги, идем, не знаем куда. Где-то рядом высадились мелкие десанты, вот попадем им на ужин[47]. Идем днем, беспрерывно летают самолеты, но сравнительно мало. Впервые увидели наши самолеты, отчего исключительно поднялось настроение. Выпрашивали мясо на бойне. Шли до 2-х ночи, сделали привал. Всю ночь беспрерывно летают самолеты, чьи неизвестно. Ночью ходил искать пекарню, чуть не застрелили, т. к. приняли нас за дезертиров, вот это был бы номер.

29 Июля

Утром пошли в пекарню, где кое-как с боем выпросили 17 кг хлеба, этим покормили людей, и пошли в 15.00. Ходят слухи, что где около нас в 3-4 км высадился десант[48]. Шли до ночи.

30 Июля

Утром сели на машины и доехали хорошо до Вязьмы, где с большим удовольствием наблюдали, наконец, полеты наших самолетов. Прибыли на месторасположение нашего полка в 14 часов. Написал домой письмо, хотелось бы больше письма?

31 Июля

Стоим около г. Вязьмы, где сравнительно спокойно, только к вечеру появились два немецких бомбардировщика, за которыми кинулся наш ястребок. Вдали произошел бой, у одного бомбардировщика показался дым, и он стал снижаться – надо полагать, сбит. Люди ушли в баню, в город не пустили, т. к. на[49] город было сброшено несколько бомб. Ночь прошла спокойно.

1 Августа

Первый день со времени, как мы выехали из Москвы, прошел спокойно. Самолетов немцев нет, видимо, в нашем направлении прошли кое-какие из-

44 Подчеркнуто красным карандашом.
45 Подчеркнуто красным карандашом.
46 Слова *сбились с* вписаны над строкой.
47 Слова *попадем им на ужин* подчеркнуты красным карандашом.
48 Подчеркнуто красным карандашом.
49 Слово *На* вписано над строкой.

менения не в пользу немцев. В воздухе беспрерывно наши самолеты, от чего очень радостно. Где-то в дали в стороне Вязьмы к вечеру слышались взрывы. Ночь прошла спокойно. Написал письмо домой.

2 Августа

Ночью часа в два усиленно били зенитные батареи и строчил пулемет на самолете. Днем беспрерывно летают наши самолеты. Получили известия, что приехал в Москву из САСШ[50] представитель г[осподи]н Гопкинс к т. Сталину, надо полагать, договорятся о «хорошем» […][51]. Что было бы очень «хорошо» для народов мира. Разрешение Польше организовывать на нашей территории войска – лишний козырь в руках народов, борющихся […][52], а особенно нас. В нашем направлении идут ожесточенные бои, по сводкам, в нашу пользу. Немецких самолетов не видели. Ночь прошла спокойно.

3 Августа

Ходили на озеро мыться и купаться, видели два немецких бомбардировщика. Несколько раз днем и вечером били зенитки, видимо, неприятельские самолеты. День прошел спокойно.

4 Августа

Днем часто стали появляться неприятельские самолеты. Наших что-то нет. Везут массу раненых, которые сообщают самые невероятные слухи, которым не хочется верить. Ночью строчил из пулемета самолет, чей это неизвестно? […][53]

5 Августа

Днем взвод в наряде. Написал два письма домой. Газет нет, официально никаких известий, а слухи ходят самые страшные и все друг другу противоположные. Получил в отделение пополнение взамен сбежавших. Днем 2 раза пролетали бомбардировщики противника на большой высоте. Зенитные орудия бьют, но весьма плохо, разрывы происходят далеко в стороне. Ночью беспрерывно летают самолеты, чьи неизвестно?

6 Августа

Днем пролетали самолеты противника. Наши зенитки бьют везде, только не по самолетам[54], разрывы далеко от самолетов. Вечером самолеты противника появлялись несколько раз, но наши в это время где-то были, хотя целый

50 Вероятно, *Северо-Американские Соединённые Штаты (*США*)*.
51 Далее в документе зачеркнуто.
52 Далее в документе зачеркнуто.
53 Далее в документе зачеркнуто.
54 Подчеркнуто красным карандашом.

день беспрерывно летают, ночью прошло, по шуму моторов, много самолетов, надо полагать, на Москву, а быть может, наши. Ночь прошла спокойно.

933 Пол. […][55] 1 полк. 2 бат. 5 рота[56]

7 Августа

Утром, как только встали, появились самолеты противника и начали бомбить слева станцию около г. Вязьмы. Свист и вой бомб слышен из нашего леса […][57] ясно, что заставляет всех залезать в окопы. Днем узнали неофициально, что сброшено что-то в порядке 20-25 бомб.

День прошел спокойно. Часто летают наши самолеты, очень похожие по форме на немецкие, но только все немного короче их. Послал письмо в Москву Павлу. Вечер и ночь прошли спокойно.

8 Августа

Утром на политзанятиях получили сообщения, что наши потери 600.000 убитыми, ранеными и пропавшими без вести, у немцев более 1000000 – это же истребление человечества. Наполеон в 1812 г. привел в Россию 500000 чел., которых он собрал со всей Европы, а в современной войне через сто с небольшим лет[58] могут уничтожать по 1,5 миллиона человек в 1,5 месяца – вот это время. День прошел спокойно. Идет дождь. Пахнет осенью, которая, надо полагать, будет самым трудным временем для солдата[59]. Ночь прошла спокойно, только холодно.

9 Августа

Днем очень пасмурная погода для самолетов, для нас, конечно, радость, т.к. нервы немного ослабевают. Вечером погода прояснилась, в стороне Вязьмы слышны взрывы, видимо, не зевают немцы[60]. Ночью только легли спать, самолеты пошли как будто[61] в сторону Москвы, вой их до того зловещий, что не определишь наши или немцев, летели эшелонами целую ночь. Утром снова слышны взрывы в стороне Вязьмы. По радио передавали, что англичане бомбили Берлин такими бомбами, что на 8 км вылетели в домах окна, а на 2 км слетали крыши с домов. Наши бомбили Берлин. Что же интересно останется от ценностей, которые создавали народы в течение многих столетий. Жутко подумать и представить все те ужасы, которые происходят в 20 веке, и конечно нет никакого сравнения с ужасами средних и первобытных времен.

55 Слово неразборчиво написано.
56 Написано на полях.
57 В документе зачеркнуто.
58 Слово *лет* вписано над строкой.
59 Слово *солдата* подчеркнуто красным карандашом.
60 Подчеркнуто красным карандашом.
61 Слова *как будто* вписаны над строкой.

Все бледнеет перед теми ужасами, и если война такими темпами будет продолжаться, то вряд ли от человечества останется, что-нибудь хорошего.

10 Августа

Утром после умывания слева над станцией появились 18 немецких бомбардировщиков, которые шли курсом в сторону Москвы, сбросили слева две бомбы, как днем выяснилось, одна была с листовками для бойцов и командиров. Дико читать такие листовки, когда вспоминаешь массу разрушенных городов и сел и тысячи убитых. День прошел спокойно, несколько раз на большой высоте прошли бомбардировщики немцев[62]. Ночь спокойно прошла.

11 Августа

Днем пошли на занятия, утром объявлена воздушная тревога, где-то бьют справа зенитки, видимо, немецкие самолеты. Днем видели пролетел один бомбардировщик немцев в сторону Москвы на большой высоте. Вечером читали газету о зверствах немцев, которые пристреливают пленных наших с оборванными ногами, вот это зверство. День и вечер прошел спокойно. Вечером получили станки к катушкам, надо полагать, что наш полк скоро пойдет в бой. Страшно хочется получить известия из дома, а почта, видимо, работает с перебоями.

12 Августа

Днем «погода» спокойная, летает много наших самолетов. В конце дня на большой высоте пролетел в сторону Москвы немецкий бомбардировщик – обстрела его не было. Вечером часов в 7 9 бомбардировщиков наших[63] прошли в сторону Вязьмы. Часов в 10 немецкий бомбардировщик летал над нами, били зенитки, напрасно выдавая себя, надо полагать, что утром или ночью приведет еще бомбардировщиков. Сквозь сон слышал жуткие взрывы справа от нас и гудение самолетов, видимо, вечерний разведчик таки привел на наши зенитки. Будет ли письмо из Москвы? Ночь спокойно[64].

13 Августа

Днем прошло в сторону Вязьмы дважды по несколько наших, от чего у всех приподнятое настроение. Ночью около нашего леса слышны глухие взрывы и шум нескольких самолетов – видимо, неприятель бомбит. Утром узнали, что бомбили вяземский завод текстильный, который погорел, и еще были пожары в двух близлежащих деревнях. Ночью на 14/VIII назначили отделение в наряд в баню.

---

62 Подчеркнуто красным карандашом.
63 Слово *наших* вписано над строкой.
64 Слово *спокойно* вписано над зачеркнутыми словами.

14 Августа

С самого начала дня н[ачальни]ком бани, вот хорошая специальность. По радио передавали весьма неприятные известия. Наши оставили Смоленск, и когда кончится только наступательное движение противника? День прошел спокойно, почему нет писем из Москвы – видимо, Павел тоже на фронте? Вечером где-то над нами летает самолет противника, которого обстреливают наши зенитки, но бесполезно[65], т. к. не видно его. Ночь прошла спокойно.

15 Августа

Утром по радио передавали, что наши войска оставили на южном направлении города Кировград и Первомайск, а также декларацию, которая если бы осуществилась, то жизнь человека походила бы на жизнь. Такая декларация должна осуществиться обязательно. Она права. Дело за временем. Декларацию подписали Рузвельт, Черчилль и[66] День и ночь прошли спокойно.

16 Августа

Днем ходили на занятия со штабом. Видели наш разбитый бомбардировщик. В середине дня прошел к Москве на большой высоте немецкий бомбардировщик, наши зенитки дважды его обстреляли. Ночью дважды появлялись неприятельские самолеты, примерно по 1 шт. на большой высоте, но оба раза поворачивали назад, долетая до прожекторов. Отправил два письма домой. Взвод ушел весь в наряд.

17 Августа

Днем ходили в деревню. День прошел спокойно, правда, вдали в стороне Вязьмы слышны глухие взрывы. Ждем день авиации. Плотников, бывший на Хасане, говорит, что в этот день был нанесен удар решительный Японии в 1938. Может быть, тоже что-нибудь будет. Завтра выходной день. Ночью в стороне Вязьмы слышно ясно взрывы бомб, видимо, бомбят. Ночь прошла сравнительно спокойно.

18 Августа

Утром, как встали, радио принесло очень плохую весть. Сданы Кривой Рог и Николаев. Это же Донбасс и Одесса. Сколько еще у немцев прекрасных дивизий, которые будут вести наступательное движение?[67]

День выходной прошел спокойно. Ночь прошла спокойно. Сколько можно ждать писем из дома? В воздухе пахнет осенью.

---

65 Подчеркнуто красным карандашом.
66 Дальше текст обрывается.
67 Подчеркнуто красным карандашом.

19 Августа

Радио принесло известие, что сдан город в ЭССР и там начинают наступать [...][68]. День прошел спокойно. Получены первые письма из наших краев, скоро получим и мы. Во взводе есть, у кого родина занята немцами. Ночь прошла спокойно.

20 Августа

Днем на большой высоте прошел дважды немецкий бомбардировщик. Наши зенитки удачно очень бьют. Вечером в направлении Вязьмы дважды проходили большими партиями наши самолеты. Иду в наряд. Ночь была исключительно темная, и лил всю ночь дождь, промокли до костей. Писем нет – видимо, не хотят писать!

21 Августа

День пасмурный, как говорят люди, умеющие летать, не летный. К вечеру тучи рассеялись, и сразу же в воздухе самолеты наши. Вечером на запад прошло большое количество наших ПЕ[69]. Ночью[70] летали самолеты наши. Отправил письма П. и В.

22 Августа

Начался третий месяц отечественной войны, в начале этого радио принесло неприятные известия – сдан Гомель и усиливается нажим на Ленинград. Днем много наших самолетов. Впервые стрелял из своего полуавтомата. Ночь прошла спокойно.

23 Августа

Радио принесло результаты 2-х месяцев войны: немцы несут колоссальные потери как в людском, так и в материальном составе: 2 млн. чел., 7200 сам., 8000 танк. Это таки крепкий удар. Наши потери ранеными, убитыми 700000 чел. 4500 сам. и 5500 тан. Это тоже немаленькие потери, но они на 50% меньше по сравнению с первым периодом войны. За что немцы теряют столько людей – они большинство на это не ответят? Вечером на большой высоте появился немецкий бомбардировщик, за которым пошел наш ястребок. Ночь всю шел дождь, и день не предвещает прояснения.

24 Августа

С утра дождь. Впервые пошли по азимуту – дело новое, но, думаю, справлюсь как-нибудь. Справился-таки неплохо – только сухого ничего

68 Далее текст зачеркнут.
69 ПЕ – советский пикирующий бомбардировщик, прозвище «Пешка».
70 Подчеркнуто красным карандашом.

нет. Ночь была сильно холодная, а в мокром спать не особенно приятно под открытым небом.

25 Августа

Написал два письма домой и одно в Сар.[71], пользуясь нарядом всего взвода. Днем ходили на озеро. Ночь прошла спокойно, но страшно холодно.

26 Августа

Утром радио принесло сообщение, что наши войска оставили Новгород, это очень плохо. Утром на большой высоте прошел немецкий бомбардировщик, наши зенитки бьют, надо сказать, неплохо, не давая опускаться стервятнику. День прошел спокойно. Ночью холодно.

27 Августа

Получил письмо от батьки. Отправил два письма тов. Т. Днем дважды на большой высоте появились немецкие бомбардировщики, которых неплохо берут в оборот зенитки. Всю ночь летали, как будто наши, 4-х моторные самолеты. Вечером прослушали хорошую лекцию об итогах 2-х месяцев войны. В конце ночи полил дождь, от чего весьма неприятно.

28 Августа

Радио уже третий день передает о продвижении наших войск в Иране. Хорошо было бы, чтобы это продвижение было именно так, как мы думаем. День весь прошел спокойно. Холодная и пасмурная погода. Впервые видели очень близко массу раненых. Ужасно много калечных людей, но это капля в море, и калек этих во много тысяч раз больше. Ночь прошла спокойно, но страшно холодно.

29 Августа

Утром радио принесло известие, что сдан Днепропетровск. Промышленность юга перестала существовать – это тяжелый удар по боеспособности нашей армии[72]. Писем из дома нет, хотя всем, даже рядом жившим со мной, идут письма. Видимо, быстро нашего брата «солдатика» забывают даже родные[73]. Ночью лил дождь.

30 Августа

С утра пошли по азимуту. Настроение плохое – хочется знать, что дома, а дом молчит. Если жив останусь, крепко всем вспомню это молчание. По-

71 Вероятно, *Саратов* (см. биографию).
72 Подчеркнуто красным карандашом.
73 Подчеркнуто красным карандашом.

следние, кто не имел писем, получили. Товарищи подтрунивают – вспоминая всякие приметы, которым невольно начинаешь верить. Радио принесло, что немцы за пять дней понесли большие потери самолетов 500, наши около 200-х штук. Ночь прошла спокойно.

31 Августа

Утром неподалеку слышны взрывы бомб, сброшенных с самолета. Днем спокойно. Пустил кто-то утку, что Турция вступила в войну с Германией, и что только люди не придумают для успокоения самих себя[74]. Вечером снова появился самолет противника. Ночь прошла спокойно. Отправил письмо Тамаре.

1 Сентября

Утром подъем под разрывы зениток, бьют по самолету противника, который дважды через небольшой промежуток времени пролетал. В 8 часов снова бьют зенитки по самолету. Сентябрь начался не совсем спокойно. Сегодня день отдыха. Интересно, что немецкие самолеты пролетаю[т] оставляют за собой полосу дыма. Писем много, но мне нет. Ночь прошла спокойно. Отправил письмо Л.

2 Сентября

Утром часов в 8 немецкий самолет на большой высоте и снова с полосой дыма. Днем начался дождь с холодным ветром. Писем нет, кто виноват в этом? Ночь прошла спокойно, но очень холодно.

3 Сентября

Радио известило, что сдан Таллин. Немцы постепенно, но систематически занимают наши города […][75] Победитель будет тот, кто знает, за что он дерется […][76] Написал домой еще раз. Всю ночь лил дождь. Жалость. Лопнула у часов пружина, без часов как без рук. Писем нет, видимо, дело не в том, что не пишут, что-то[77] тут другое. Всю ночь по шоссе шумят танки, идущие в сторону фронта. Дождь льет как из ведра всю ночь. Всю ночь болели зубы.

5 Сентября

С утра дождь беспрерывно, машины застревают. Получил направление в Вязьму к зуб[ному] врачу, где впервые видел много пленных немцев. Весь день пробыл в городе. Впервые за 2,5 месяца по-человечески покушал. Писем нет, черт его знает, почему не пишут. Ночью лил беспрерывно дождь. Часы снова починил.

74 Слова *успокоения самих себя* подчеркнуты красным карандашом.
75 Далее текст в документе зачеркнут.
76 Далее текст в документе зачеркнут.
77 Подчеркнуто красным карандашом.

6 Сентября

Холод и дождь с перерывами. Начали делать землянку для отделения, а то люди спят в воде. Ночью беспрерывно летали самолеты наши. Надо полагать, что делают хорошие дела для нас.

7 Сентября

С утра холодно – люди поехали в колхоз. Ходят упорные слухи, что на западном направлении у нас есть некоторые успехи. В сторону Смоленска провезли милицию. Говорят, что наши С. Ор. и В. Хорошо было бы. Ночью летают наши самолеты. Впервые пал иней, значит, зима не за горами.

8 Сентября

Отправил две открытки жене и [...][78]. День замечательно хорош. Днем на громаднейшей высоте дважды появлялся немецкий самолет. Зенитки бьют неплохо, заставляя представителя [...][79] курс. Вечером и ночью пролетало много самолетов. Ночь очень холодная.

9 Сентября

С утра почта. Что делается дома неизвестно, писем нет. Радио передало, что нашими войсками взят г. Ельня. По газетам видно, что на нашем направлении у нас определенные успехи. День хорош. Ночью летали, чьи самолеты неизвестно. Ночь очень холодная.

10 Сентября

Утром раздавали письма, и снова нет. Когда будут – один Аллах знает. Днем раз пять на громадной высоте прошли по одному немецкие самолеты. Радио сообщает о громаднейших потерях немцев на всех фронтах. Ночь жутко темная и холодная, надо приготавливать печку. Написал письмо отцу.

11 Сентября

День ясный и в воздухе много самолетов. Несколько раз на большой высоте пролетели немецкие[80] самолеты. Ночь всю лил дождь. Радио сообщает об успехах наших войск на западе.

12 Сентября

С утра дождь весь день. Отделение в наряде. Вечером дождь и страшная темнота. Ночью всю дождь. Скорее бы зима. Писем нет. Отправил письмо Н. П. Ночи страшно темные. Ночь спокойно.

78 В тексте написано неразборчиво.
79 Далее текст в документе зачеркнут.
80 Подчеркнуто красным карандашом.

13 Сентября

Утром радио принесло весть, что сдан Чернигов. До каких пор немцы будут брать наши города?[81] Писем нет и нет надежды. Отправил письма Люс. и Ив. Ночь прошла спокойно.

14 Сентября

Выходной день. Завтра в наряд полковой. Писем нет, отчего страшно плохое настроение. Ночью холодно.

15 Сентября

Утром радио принесло, что наши оставили Кременчуг, и почта – письмо от батьки. Ясно теперь, что не пишут потому, что не хотят. Удобный взят момент, почувствовать дать свое преимущество. Отправил письмо отцу. Ночь прошла спокойно.

16 Сентября

Утром в 7 часов из-за туч внезапно вырвались семь бомбардировщиков […][82] и бомбили Вязьму. Тактика ихняя меняется […][83]. Ночь спокойно.

17 Сентября

Утром очень холодно. Отделение в наряды. Бойцы, получая письма из дома, начинают говорить всякие хитроумные вещи по адресу своих жен. Погода холодная, что очень неприятно. Когда решится борьба за Ленинград. Ходят слухи, что фронт доходит до 15 км, что же получилось с дворцами, этими музеями, которые народ оберегал столько лет. Написал письмо последнее домой[84]. Хватит морочить голову мне и другим. Ночью лил беспрерывно дождь и страшный холод. Ночью летали чьи-то самолеты.

18 Сентября

Весь день льет дождь. Очень холодно. Писем нет, видно-таки крепко засело в мозгах моих не писать. Ночь всю лил дождь. Ночью очень низко пролетал немец.

19 Сентября

С утра снег, это первые предвестники зимы. Радио принесло весть, что немцы захватили окраины Киева. Неужели столица нашей житницы будет немецкой. Весь день жуткий холод, прячемся в землянках. Вечером снова на

81 Подчеркнуто красным карандашом.
82 Далее в документе текст зачеркнут.
83 Далее в документе текст зачеркнут.
84 Подчеркнуто красным карандашом.

очень небольшой высоте немец, прожектора тщательно стараются его поймать. Мы до того развинтились[85], что кругом жгут костры, за что можем жестоко поплатиться. Ночь холодная, но спокойная.

20 Сентября

Радио про Киев молчит. Писем нет. Впервые слушали хороший концерт с участием хорошего артиста Поль[86]. Воодушевляют такие концерты, их нужно больше. Днем на большой высоте со следом дыма немец. Зенитки бьют[87] отлично. День холодный, писем нет. Ночь прошла спокойно.

21 Сентября

Днем пасмурно. Много писем, но мне нет. Попытаюсь еще раз написать кому-нибудь. Вечером в 19 часов на очень небольшой высоте немец. Строчит по шоссе. Настроение жуткое после передачи для фронта. Что и как Ленинград, Одесса и Киев, сколько еще побьют нашего брата, т. к., судя по сводкам, на этих трех местах люди озверели и, надо полагать, грызут друг другу глотки. Ночь прошла спокойно.

22 Сентября

Вот еще очередной город, столица старой Руси – Киев. Морально это, конечно, действует на каждого патриота нашей родины. Долго защищали, но, видимо, крепко жмет [...][88] немец. Что и где еще будет отдано ему. День прошел спокойно. Когда же будут письма, к которым уже начинается апатия. Ровно 3 месяца сегодня, как полилась русская кровь. Ночь прошла спокойно. Отправил пис[ьма] Тат. и Л.

23 Сентября

Ждал по радио результаты 3-х месяцев войны, но почему-то нет. Днем на средней высоте один немец, вечером сразу 10 бомбардировщиков, сбросили около нас несколько бомб. Видимо, освободились [...][89] от Киева. Получил второе[90] письмо от Л., из чего заключил окончательно, что письма идут регулярно, значит из дома писать не хочут, ну что ж, пусть будет по-ихнему, надоедать им не буду. Завтра «игра» в войну. Игра перешла в действительность. Ночью немец упорно над нами летает, но почему-то не трогает.

85 Вероятно, *расслабились*.
86 Так в документе.
87 Подчеркнуто красным карандашом.
88 Далее в документе текст зачеркнут.
89 Далее в документе текст зачеркнут.
90 Слово *второе* написано сверху над зачеркнутым в скобках словом *(третье)*.

24 Сентября

Утром первые заморозки, не траве лед. День прекрасный. Часов в 14 узнали, что идем на фрон-передовую[91]. Надо полагать, что идем на смену какой-нибудь другой части. Выступаем в 16.00. Отправил два письма Алек. и Л. Вместо 16 часов вышли в 22 часа. Темень жуткая, но мы пользуемся светом прожекторов, которые ловят самолеты. Всю ночь шли.

25 Сентября

Идем до 12 часов, прошли, по нашим подсчетам, километров 50 с полной выкладкой. Интересно, что мы служим в механической части, а ходим пешком, нас при такой пище не хватит. Отныне мы «артиллерийская пехота»[92]. В марше получил письмо от батьки, только ответить нет возможности, может быть, не придется?[93] 27/IX должны вступить в бой. В 12 часов вдали слышны орудийные разрывы. Как скоро! Немного отдохнув, тронулись дальше в 17 ч. Идти – это сплошное мученье, ноги словно налиты свинцом. Через 2,5 часа марша вернулись обратно, в чем дело не знаем? Часов в 20, как снопы, повалились в первый попавшийся сарай на солому. Эх, солдатик[94].

26 Сентября

В 7 часов встали, но идти почти никто не в состоянии. Все злые как собаки. Идем голодные[95], а кухня, пронесся слух, уехала в лагерь, до которого ровно 50 км. Случайно до Вязьмы подъехали на проходящих машинах и в 14 часов пришли на старое место. Откуда неизвестно куда направят «артиллерийскую пехоту». Пока спать легли, […][96]. Узнали, что едем на северо-западный фронт. Выступили в 17 часов. Ночью страшно холодно, легли на улице около станции Вязьмы, но не выдержали и влезли в брошенные квартиры, и, кто как попадет, легли в очень «удобных» положениях. В квартире, которой спим мы со Смышляевым, люди лежат друг на друге. Любопытно фамилию бы хозяина знать.

27 Сентября (суббота)[97] воскр[есенье]

Утро почти зимнее. Два дня мы спали по «культурному», а сегодня где будем спать, этого никто не скажет. В гор[оде] видны следы бомбежки, о чем ярко говорит наша временная квартира, где обвалилась штукатурка. Адрес 175 кв. 1. Головлин. Выехали из Вязьмы в 13 часов. Интересно, в ко-

91 Вероятно, *на передовую линию фронта*.
92 Часть текста подчеркнута красным карандашом.
93 Слова *не придется* подчеркнуты красным карандашом.
94 Слова *Эх, солдатик* подчеркнуты красным карандашом.
95 Подчеркнуто красным карандашом.
96 В тексте слово написано неразборчиво.
97 Слово *(суббота)* зачеркнуто.

тором миллионе будут[98] наши головы. Невольно [...][99] перед этой баталией проходит перед глазами мысленно вся твоя 28-летняя жизнь. Ничего хорошего не было, жизнь была сплошным мытарством, жалеть[100] нечего, а умирать не хочется. Ведь жизнь то будет после этого хороша. Интересно, что военным сейчас нет места нигде, особенно в местах, где дают пищу – вот. Это еще обиднее. Снова жизнь после 2-х месяцев примерно спокойной жизни, жизнь нечеловека. Всю ночь эшелон стоял на ст. Сычевка, т. к. впереди разбомблена линия.

28/IX-41 (воскрес[енье])[101] понед[ельник]

Навстречу пришел эшелон, который бомбили, есть много жертв. Дисциплина во взводе сильно упала[102], особенно в радио и авио-сигнал отделениях[103]. Средний командир плохо на это реагирует. Что готовит еще нам впереди жизнь, если можно так назвать – жизнью. Проезжаем среди огромных воронок, связь сплошь прервана, но быстро восстанавливается. На ст. Осокино снова в кусты, как з.[104], почему, видимо, немец и тут не дает прохода. В воздухе беспрерывно гул наших ястребков. В 16.00 после наших самолетов над нами немец – до того неожиданно, что испугаться никто не успел, но он пустил 10 пряников, которые[105] попали в пустые дома в 400 метрах от нас. Сколько жертв и все мирное население. Заслуженно нас ненавидит местное население – где мы, там смерть, хотя и не от нас. Вот это-то ни как не укладывается голове, но в голове ясно уложилось, что жизнь кончается и кончается, конечно, не под влиянием бомб. Кто будет цел, тот тоже будет нечеловек. Сидим в бане, я, Смышляев и Пом[ощник] Ком[андира] взвод[а]. Как только стемнело, пошли в вагоны. Ночью поехали и в 3 часа прибыли в Ржевск[106], откуда сразу двинулись к своему месту назначения.

29/IX-41 (вторник)

Остановились около большой реки, говорят, Волга, но что-то не верим. Место курортное, но вся его прелесть пропадает, как только вспомнишь о вчерашнем и услышишь «голос» самолета. Плохо дело с [...][107], но надо, полагать, что изменится. Действительно то, что стоим около Волги, вот где пришлось увидеть еще раз ее. Ночь холодная и спать на земле не особенно приятно.

98 Подчеркнуто красным карандашом.
99 Слово *после* зачеркнуто в документе.
100 Слова *мытарством, жалеть* подчеркнуты красным карандашом.
101 Слово *(воскрес.)* зачеркнуто в документе.
102 Подчеркнуто красным карандашом.
103 Вероятно: *радиоотделение и авиасигнальное отделение* (пост).
104 Подчеркнуто красным карандашом; з. – вероятно, *зайцы*.
105 Подчеркнуто красным карандашом.
106 Здесь и далее – так в документе, вероятно, город *Ржев*.
107 В тексте неразборчиво.

30 Сентября

День начался, как обычный день. Среди дня на большой высоте немец. Здесь много старого типа истребителей. Значит, мы на стыке двух фронтов. Настроение хреновое, хочется знать, когда же кончится это побоище. Радио передает большие потери самолетов немцев, а они, кажется, не уменьшаются[108]. Где же их берут? Узнали, что англичане совместно действуют авиацией. Не верится, что Англия таки стала это делать. Видимо, крепко немец и ее прижал. Ночь очень холодная.

1 Октября

Ну вот еще один гор. Полтава. День прекрасный. Написал домой два письма Вас. и Люс.[109] Ночь страшно холодно, спим прямо на земле, костров жечь не дают.

2 Октября

Плотников уехал учиться – очень ему завидую. Ходили в баню – видел гор. Ржевск – хорош[ий] город. Ночью идем на передовую. Всю ночь с 8 вечера до 9 утра 4/X шли беспрерывно. Невозможно выразить до чего устали все, люди посерели, многие идти совершенно не могут. Такая жизнь[110] – лучше смерть. Получил два письма из дома, дома пустили какую-то про меня пакость.

3 Октября

Пришли в 9.20 в лес и прямо на […][111]. Хочется уйти, хотя и к черту на рога. Прошли порядком – 50 километров в один прием, а впереди еще 100 км. В 19.00 снова в поход. Нет слов, чтобы сказать, какие мучения может перенести человек. Ноги совершенно отказываются, а впереди еще много, каждый метр дается с большой трудностью. В 3 часа легли в первый попавшийся сарай.

4 Октября

Вышли в 5 часов утра. Очень холодно, идти очень трудно. Люди моего отделения идут только 4 чел. Встретили машины, и в течение 30 минут доехали до места привала. Над нами стали часто появляться немецкие самолеты и, надо сказать, большими группами по шесть штук. Вдали слышны орудийные взрывы, дело идет к тому, что мы скоро будем уже, действительно, действующая армия. Ночь очень холодная, пытаемся спать, но мало кому помогает, т. к. очень холодно.

---

108 Подчеркнуто красным карандашом.
109 Слова *Вас.* и *Люс.* обведены карандашом кружками.
110 Слова *Такая жизнь* подчеркнуты красным карандашом.
111 В тексте слово написано неразборчиво.

5 Октября

Утром день хороший. Информбюро сообщило результаты потерь 3-х м[еся]-цев бойни: мы потеряли 1.128000 человек, из них 230000 убитыми, 720000 ранеными и 178000 без вести пропавшими. Самолетов – танков – артиллерия –[112]. Немцы потеряли более 3000000 убитыми, ранеными. Танков 11000, самолетов 9000 и орудий 13000. Вот это бойня. Если считать в среднем немецкую дивизию по 20000, то следует, что 170 дивизий, которые были сконцентрированы к 24/VI-41 на наших границах, имеют остаток в 400000 человек, а немцы еще продолжают наступать? В 12.00 над нами немец в трех лицах на очень большой высоте. Передовая линия от нас 40 км. Ночью до того холодно спать, что тело сводят судороги, а огня разжечь нет возможности. Не сон, а мученье[113].

6 Октября

Утром встали чуть свет, все до того замерзли, что хочется влезть в печку. Днем узнали, что в ночь на 5/IX-41 немцы разбомбили гор. Ржевск. Днем несколько раз на небольшой высоте прошли немцы. Наших самолетов здесь нет. Снежок упорно занимает атмосферу, а теплого нет ничего. Написал домой письмо, которое считаю последним, – довольно портить кровь, она нужна для более важного дела. Скоро ли конец человеческим[114] мучениям. Часов в 18 над нами на небольшой высоте истребители «Мессершмитт» – [...][115] высматривают. В 22.00 снова поход на Юг, что это значит? Холод страшнейший по этому времени. В походе снег. Шли до 3 часов. Затем прямо в лесу легли спать, если можно это назвать сном.

7 Октября

Встали или вернее подняло нас, скрюченных от холода. Над нами через небольшие интервалы летают немцы. День очень холодный, костры жечь не дают. Ночью часть отправилась неизвестно куда. В нашем дивизионе есть замечательный командир. Ночь спали под открытым небом.

8 Октября

Утром страшно холодно. Заметное оживление по шоссе. Стало известно, что упорные бои идут на Зап[адном] и Сев[еро]-Зап[адном] направлении. Крепко продвинулись на этих направлениях. Верить слухам, можно сойти с ума. Спали снова под открытым небом. Слышны орудийные взрывы, видимо, фронт приближается. Прорвались где-то в нашем направлении танки порядка 70 шт.

112 В документе конкретные данные не указаны.
113 Подчеркнуто красным карандашом.
114 Подчеркнуто красным карандашом.
115 Текст в документе зачеркнут.

9 Октября

Передали, что сдан Орел и бои идут на Вяземском и Брянском направлениях. Видимо, что действительно крепко жмет и успехи видны ясно. Что будет завтра, если сегодня двинутся таким темпом. Ночь очень холодная, кругом все замерзает. Стоим в лесу, когда-то любовно посаженном людьми красивыми рядами.

10 Октября

Сегодня моему дорогому 3 года. Пусть живет во славу русского оружия[116]. Утром страшно холодно – страшно, потому что сразу после теплого периода. Конца истреблению людей не видно, сколько миллионов еще будет бугорков, где будут лежать Герои отечественной войны. Сидим у костра и ждем своей очереди. Стало известно, что немцы обошли справа наши войска на Зап[адном] направ[лении] и вышли во фланг на ст. Сычевку, которую мы 26/IX-41 проезжали. Что будет дальше, время покажет[117]. Ночь исключительно холодна.

11 Октября

С утра как будто все мирно, невольно забываешь, что ты на фронте. В 9.45 над нами немец, где-то на шоссе метрах в 300 слышны взрывы посланных «гостинцев», видимо, кого-то заметил. […][118] День прошел довольно спокойно, над нами пролетали самолеты с тремя черными полосами. Ночью выпал снег.

12 Октября

В 8.00 снова в поход, сколько еще километров мой спидометр намотает. Этот поход исключителен, шли сутки, устали, я еще не знаю, что может быть выше этого. Если такая жизнь, то лучше самое плохое. Официально сообщили, что фронт прорван, и в наш р[айо]н движутся две колонны танков противника. Нас всю ночь сопровождает чей-то самолет, по рокоту моторов немец.

Вот этот день запомню на всю жизнь, если она немного еще будет длиться[119].

13 Октября

Пришли в 7.40 в какую-то рощу около деревни Нива. Холод изрядный, но усталость берет верх, и мы засыпаем прямо на мерзлой земле. Что будет завтра? Если сегодня столько мучений. Ночевали в сарае.

---

116 В документе подчеркнуто красным карандашом.
117 Часть слов подчеркнута красным карандашом.
118 Дальше в документе текст зачеркнут.
119 Фраза написана на полях рядом.

14 Октября

Утром снова в поход. По всей вероятности, передают наш дивизион в другой полк. Идет густой снег, из которого среди дня вырвался и пулеметной очередью придавил всех нас к земле. Через несколько километров с трех сторон 3 группы немецких бомбардировщиков по 6-7 штук. Легли прямо в канаву. Лег лицом кверху – приятно смотреть смерти прямо в глаза. Бомбы рвутся где-то километра за четыре и метров за 500. Жалею, что не смог написать ответа на единственное письмо домой. Ночевали в деревне.

15 Октября

Часа в 2 ночи пошли. Шли всю ночь и день. Пришли в город Торжок, если его можно так назвать. Гор[од] весь почти разрушен – кругом горит. На улицах полусгоревшие трупы людей и животных. Всё гор[ожанами] брошено. Прошли много деревень, которые брошены и разбомблены. Ходят всякие слухи, которым не хочется верить. Вязьма, Ржев говорят взяты. Калинин разбомблен. Невольно начинаешь всему верить, т. к. факты, совершающиеся на глазах, упрямая вещь. Зашли в густой лес и прямо на снегу расположились в 5-6 км от гор[ода]. Зима началась.

16 Октября

Утром началось «представление». Кругом нас зенитки, которые «успешно» бьют по пикирующим над городом самолетам. Самолеты свое дело сделали и удалились[120] все до одного. Приятно – страсть, когда они над тобой гудят звериным гулом. Ночь прошла «спокойно», вдали горит город, от чего становится жутковато.

17 Октября

Часов в 12 снова пошли через гор. Торжок, куда, никто[121] не знает. Шли до 18 часов, около города в деревне по-человечески поспали и покушали.

18 Октября

Утром чуть свет снова в поход – обратно, откуда пришли. Идти очень опасно, беспрерывно немецкие самолеты. Над нами снова самолет «свой», видимо, и итальянцы принимают участие. Читали весьма «интересную» листовку[122]. Ночевали в д. Пашино.

19 Октября

Шли с утра весь день. Вечером пришли в Степино, где через наши головы или около нас летят немецкие снаряды, которые заставляют всех низко при-

120 Подчеркнуто красным карандашом.
121 Подчеркнуто красным карандашом.
122 Подчеркнуто в документе красным карандашом.

гибаться к земле. Думаешь, к чему это делать, ведь лучше было бы, если разорвало тебя[123] поскорее, чем мучиться, а мученья выше всякого предела, и они с каждым днем еще больше будут увеличиваться, и когда будет этому конец. Видимо, тогда, когда оборвется[124] поганая моя жизнь. Ну вот, когда она оборвется, а я бы хотел чтобы поскорее. Ночевали в д. Боярниково.

20 Октября

Глупо разместились в этой дерене, как только будет летная погода, из деревни сделают котлету, в этом нет никакого сомнения. Узнали, что сдали Одессу, Брянск, Вязьму и еще много чего-то мелкого. Значит мы, выходит, в кольце[125]. Сколько еще городов надо, чтобы измотать противника. Конец этой войны с каждым днем все дальше и дальше оттягивается – оттягивается и мучение народа[126]. Развернулись в боевой порядок, но будет ли от этого толк[127], а умирать без толку и бессмысленно в войне не хочется. Целый день и ночь в стороне Ржева орудийные выстрелы. Письма от 6/X сжег.

21 Октября

Что дома, никаких известий получить никто не может и известить тоже. Среди дня несколько самолетов противника настолько низко летают, что видно головы летчиков. Бомбят, поливают из самолетов, так что все превращается в пыль, ну а мы лежим, что мы можем сделать поодиночке. Еще эта[128] адская жизнь продолжается, не зацепил. Ночью наш дивизион начал «пукать». Противник забросал листовками с последним воззванием, написано в них черт знает что, и, не зная, что делается в действительности, невольно[129] верится в это.

22 Октября

Вот и четыре месяца, как кровь и слезы льются реками. Результаты этой четверти, надо полагать, ужасные. Болтают, что самураи начали против нас войну[130]. Вот и ось Берлин – Рим – Токио начала свои действия. Кругом деревни разрушены до основания.

В 16.00 порядка 25-30 бомбардировщиков вправляют мозги нашему брату[131] в 15 км от нас. Надо ждать, что после этого пехота противника пойдет в атаку. Всю ночь идет артиллерийская стрельба, снаряды рвутся где-то около нашей деревни.

---

123 Слова *разорвало тебя* подчеркнуты красным карандашом.
124 Слова *когда оборвется* подчеркнуты красным карандашом.
125 Слова *мы, выходит, в кольце* подчеркнуты красным карандашом.
126 Подчеркнуто красным карандашом.
127 Подчеркнуто красным карандашом.
128 Слова *Еще эта* подчеркнуты красным карандашом.
129 Слово *невольно* подчеркнуто красным карандашом.
130 Подчеркнуто красным карандашом.
131 Подчеркнуто красным карандашом.

23 Октября

С утра артиллерийская стрельба. Телефонисты принесли весть, что в 8 км немцы заняли деревню. Кажется, октябрь будет последним месяцем для многих из нас. Странно, но факт, что наших самолетов нет ни одного, как их не было все четыре месяца. Наши самолеты мы видели только там, где им летать более безопасно или, может[132] быть, они делают свое дело где-нибудь в другом месте. Вечером перешли на новые позиции, в дорогу беспрерывно бьют нам немцы. Вечером развернулись и снова били по деревням впереди себя. Ночевали в д. Петрищево.

24 Октября

День весь артиллерийская канонада. Днем налет самолетов, бомбят довольно крепко, в чем вся сила. Часов в 16.00 снялись и перешли на новые позиции. Ночевали в сарае д. Терехово.

25 Октября

С утра артиллерийская канонада, по нам бьют из минометов. Мины рвутся около, метрах в 20-15, осколки летят через головы, тут что ли конец или еще ближе[133] к родным местам. Немцы в 1,5 км от нас. Всю ночь идет бой. Ночевали в бане д. Терехово.

26 Октября

С утра бой, пулеметные очереди беспрерывно, хотя дождь идет. Противник упорно продвигается. Пехота крепко подвела, подпустила противника к нам на 100 мет[ров]. Первые жертвы в моем отделении, в нашем дивизионе потерь порядочно. Убитыми и взятыми в плен. Вечером спешно отходим. Ночевали в д. […][134] Высокое[135].

27 Октября

Утром стали отходить дальше до д. Коробино, где снова вступили в бой. Штук 30 немецких бомбардировщиков впереди кому-то выколачивают спесь[136]. Весь день идет бой, пытаемся заснуть под эту музыку, может быть, последний раз. По дер[евне] движ[ется] мн[ого] людей. Ночью пошли на оборону моста против.[137] в 2-3 км. Горит рядом хлеб. В конце ночи начали отход. Остановились в д. Фомино[138].

---

132 Подчеркнуто красным карандашом.
133 Слова *конец или еще ближе* подчеркнуты красным карандашом.
134 Дальше в документе зачеркнуто.
135 Написано поверх другого слова.
136 Подчеркнуто красным карандашом.
137 Далее текст обрывается.
138 Написано поверх другого слова.

28 Октября

Шли всю ночь. Остановились в д. Фомино[139], откуда через часа два пошли в д. Пушк., где в ср.[140] ночи двинулись на д. Коротково. Куда пришли в 2 ночи и пробыли всю ночь. […][141] Ночью всю идет бой. Противник быстро идет вперед.

29 Октября

С утра идет жаркий бой. Артиллерийская канонада беспрерывно. Жители исключительно плохо относятся к бойцам. С севера идет бой, что будет к утру. Бой утих несколько к утру. Противник приостановлен.

30 Октября

Утром жуткая погода. Дождь и очень холодно, все обледенело. Стрельба идет вяло. Харьков сдан – вот и вся Украина у противника[142]. Что-то заболел, видимо, простудился. Написал еще раз письмо домой датой 1/XI-41. Что сейчас делает мой сынуля – наверное, спит.

31 Октября

Начинает надоедать писать дневник – скоро брошу. Жаль будет, если останусь жив. Весь день идет артиллерийская стрельба, но выстрелы не так активны, видимо, нет целей. Говорят, что наши крепко поработали 29/X-41. Отправил письмо. Ночь как будто сравнительно спокойно.

1 Ноября

День начался сравнительно спокойно. Радио передает, что под Москвой идут исключительно жаркие бои. Неужели Москва будет сдана? Все говорит за то, что ноябрь будет месяцем поворотным. Ночью артиллерия била только далеко справа.

2 Ноября

День очень пасмурный, нелетный. Артиллерия ленива где-то справа бьет. Ночью ходил с донесением, справа где-то очень близко строчит пулемет. Ночью артиллерия снова работала активно.

3 Ноября

День пасмурный с утра. Что будет и есть под Москвой. Ходят слухи, что бомбили Казань, значит[143], до нас не далеко осталось добраться. Ночью артиллерийская канонада. Холод начинает давать себя чувствовать.

---

139 Написано поверх другого слова.
140 Возможно, *в середине*.
141 Далее в документе текст зачеркнут.
142 Подчеркнуто красным карандашом.
143 Подчеркнуто красным карандашом.

4 Ноября

С утра так спокойно, что, кажется, и войны нет, но это затишье предвещает бурю, надо полагать, что противник собирается с силой. Ночью артиллерийская канонада.

5 Ноября

День прекрасный. Противник подтягивает артиллерию. День очень спокойно, что будет ночью, но, надо полагать, что скоро эта малина кончится, и нам будет хорошая баня[144].

Ночью беспрерывно бьет через некоторые промежутки времени артиллерия.

6 Ноября

С утра замечательная погода. Надо ждать самолетов. Среди дня на небольшой высоте три желтокрылых[145] не трогают, вскоре за ними прошли два наших ястребка. Разведка донесла, что противник подтянул дальнобойную артиллерию – значит, даст и нам на праздник[146]. Всю ночь активно бьет наша артиллерия, среди ночи наш тяжелый бомбардировщик бомбит деревню, где немцы в 4 км.

7 Ноября

24 года тому назад «Аврора» дала залп по династии Романовых. Кто-то этот день проводит неплохо. Снег выпал, надо полагать, что зима началась. Ночью артиллерийская перестрелка.

8 Ноября

День снежный, нелетный. Справа беспрерывно бьет артиллерия. Что под Москвой, надо полагать, что все силы там, и мясорубка войны перерабатывает на шестой миллион. «Ничего в мире не исчезает и не пропадает, а только видоизменяется» – так сказал Ломоносов, значит, и мы видоизменяемся. Население получило к празднику «подарок». Ночью стрельба артиллерийская.

9 Ноября

С утра как будто все в порядке. Часов в 11 над нами «Савоя». Нюхает, видимо, где батареи – предполагается, видимо, дело. Днем лениво постреливает наша артиллерия. Вечером через нас немец пустил две мины. Ночью арт[иллерийская] перестрелка.

144 Слова *кончится* и *баня* подчеркнуты красным карандашом.
145 Подчеркнуто красным карандашом.
146 Слова *нам на праздник* подчеркнуты красным карандашом.

10-11 Ноября

Холод начинает давать о себе знать, особенно голове. Ходят самые невероятные слухи. Вечером над нами 3 ягуара, летят, видимо, с «работы». Ночью 10/XI активная арт[иллерийская] канонада. Смотрели карту, а все-таки противник крепко жмет на Москву[147] и, судя по сводкам, почти кольцом опоясал Москву[148]. Что дома – страшно хотелось бы знать. Ночью небольшая арт[иллерийская] перестрелка.

12-13/XI

Страшный холод. Среди дня 3 немца на большой высоте. Весь день и ночь арт[иллерийская] перестрелка. Ночью горит вдали деревня. Публика начинает забывать, что война.

14/XI

Днем очень холодно. Прочитал доклад и речь т. Сталина. Исключительно правдивые слова принесли огромное воодушевление. Как понять «а может быть еще годик». Понял, что сказано с иронией – значит меньше года. Днем усиленная канонада. Ночью горит, и был цирк.

15/XI

День, когда парились, после чего в 20.00 двинулись в поход, но он долго не продолжался, километров пять. В 23.00 прибыли в д. Филитово, где снова развернулись. Ночью слышна усиленная канонада.

16-17 Ноября

Дни прекрасные, артиллерийская канонада беспрерывно, но небольшая. В последние 20 дней нет самолетов. Одно из двух: или мы не на важном фронте, или у противника стало меньше самолетов. Написал письма домой, но вряд ли что получу отдачу, но пусть. Ночь исключительно спокойна.

18-19/XI

Днем где-то рядом рвутся около Страшевицей, но много мин не рвется. Ночью всю ночь идет артиллерийская канонада.

20-21/XI

Хочется страшно знать, что дома, а писем, видимо, долго не будет. Особенно когда просмотрели кино. Эти два дня исключительно спокойно, вид-

147 Слова *крепко жмет на Москву* подчеркнуты красным карандашом.
148 Подчеркнуто красным карандашом.

но, что-то собирается противник сделать. Надо быть готовым ко всему. Читая газеты, никак не поймешь, где же берет противник столько резерва, и как он их успевает подбрасывать.

22-23/XI

Ночью усиленная арт[иллерийская] канонада. Разведка донесла, что есть цель очень хорошая. Днем бьют по ней во имя шестого месяца грандиозной мясорубки, а мясорубка таки мешает арийскую и славянскую кровь. Газеты приносят такие вести, что даже у нас, немного видавших виды, кровь стынет в жилах. Интересно и много отдал бы, если бы профессора проанализировали мозги нечеловека, который бросил свой народ в такую бойню. Имя Гитлера будет чем-то вроде такого, от которого дети будут приходить в ужас. Пять месяцев льется кровь и слезы.

24/XI-41

Вот это дело. Радио принесло хорошую весть. Противнику на Ростовском направлении дали понять, что миф о непобедимости герман[ской] армии, действительно миф. Узнали, что Керчь оставлена – значит, Сев.[149] тоже на днях будет оставлен. Ноябрь – это месяц, когда будет поворот и поворот в сторону правды. Большие потери немцев. Видимо, «фюрер» решил-таки истребить своих «фюренат», сам гоня их на наши пушки и пулеметы, чтобы выполнить «Я вас породил, я и убью», а расплодил он их много-таки. Ничего, мы ведь с каждым днем становимся опытнее. На нашем участке последние дни до того тихо, что кажется и войне конец пришел, а она только начинается.

25/XI-41

Много толков о войне, а особенно о ее конце – ведь сегодня ровно пять месяцев, как спим не раздеваясь, если вообще это можно назвать сном. Под облаками гудит кто-то, но ведет себя мирно. Как бы привыкнуть к спец[иальному] пайку и мальчикам, которые окружают.

26/XI-41

Днем спокойно, много всякого хорошего, на Южн[ом] напр[авлении] отогнали на 60 км. Вот и результаты. Немцы потеряли 6000000[150] убит. и ран. Сам. 13 тысяч, танк. 15 тысяч, арт. 19 тыс. Наши 2122 чел. Сам. 6400, тан. 7900. Сколько же еще погибнет, т. к. мясорубка под Москвой.

149 Возможно, *Севастополь*.
150 Подчеркнуто красным карандашом.

27/XI-41

В 4.00 поднялись и пошли кому-то на помощь. Пришли в д. Кр.Зори[151], развернулись и в бой. Кругом весьма активная арт[иллерийская] работа. Немец хорошо засекает[152]. Всю ночь арт[иллерийская] работа.

28/XI-41

Днем заметно бой снизился. Рассказала одна хорошая девушка о том, как бомбили Торжок, сколько ужасов пережила она. Немцы после бомбежки по бежавшим жителям строчат. Это же зверства, которые ни чем не оправдываются. Люди, если их можно так назвать, в образе зверей. В Ростов н/дону[153] таки ворвались, вот это плохо.

29/XI-41

С утра спокойно, но 13.30 началась арт[иллерийская] канонада. Пишу, а снаряды рвутся где-то рядом, дом сотрясают взрывы. Противник хорошо засекает наши батареи. Ночью страшная пурга.

30/XI

Ходят слухи, что наши продвигаются, особенно на Южном фронте, но что-то не верится.

1/XII

Ну вот, последний месяц года, а конца не видно, да и вряд ли. Вечером плохо шли до 4 ч. утра. Плохо идти в зимнем.

2-3/XII

Пришли на старое место в Фомино, где началась снова боевая жизнь. Успехи наши, по сводкам, большие, кажется, что они перейдут в более реальные.

4-5/XII

Стали получать из дома письма. Стоит крепкий мороз. Сводки получаем хорошие, даже не верится[154]. Днем арт[иллерийская] перестрелка. Ночью строчат пулеметы.

6/XII-41

Написал три письма, пользуясь ночью. Немец всю ночь бьет из миномета по пехоте недалеко от нас, видимо, расшевелили его. Мороз несколь-

151 Вероятно, *Красные Зори*.
152 Подчеркнуто красным карандашом.
153 Вероятно, *Ростов-на-Дону*.
154 Подчеркнуто зеленым карандашом.

ко снизился. Ребятишки снова[155] устроили концерт. Газеты поступают[156] плохо.

7-8/XII-41

Вот неделя как прошла с того момента, а изменений нет. Ошибся я, думая[157], что ноябрь явится переломным месяцев. Ночь и день совершенно спокойно.

9/XII-41

Информбюро приносит известия, которые слушаешь и думаешь, где же берется столько техники и людей? Япония объявила войну САШ[158]. Это что-то смешное «муха на слона», но нам от этого будет много труднее. Днем на небольшой высоте бомбардировщик неизвестно чей. День и ночь исключительно спокойные. Пехотинцы, попадающие с передовой, много говорят, от чего становится не по себе.

Нашедшего убедительно прошу отправить эту тетрадь по адресу: Свердловская обл., гор. Первоуральск – Динас, ул. Куйбышева, д. № 13. Блохиной Ю. А. для Арика[159].

Artur Aleksandrowis Prachin. Rod. 1938 goda 10 oktäbrä w 7 Чasow wечera

155 Подчеркнуто красным карандашом.
156 Подчеркнуто красным карандашом.
157 Подчеркнуто красным карандашом.
158 Вероятно, *США*.
159 Запись на последней странице дневника.

Список 2-го отделения связи КАП 3-го дивиз[иона]

№ п/п	Фамилия, Имя и Отчество	Образование	Партийность	Год рождения	Семейное положение	Гражд. специальность	Последнее место жительства
1.	Котус Иван Игнатьевич	4 гр.	б/п	1918	холост. – отец, мать, […][160] НКВД	Колхозн.	Киев. обл. Фастов р-н село Бертники
2.	Лапин Лукиян Дорофеевич	3 гр.	б/п	1912	женат – мать, отец	Чернораб.	г. Асбест-Мопра, д. № 28 кв. 2
3.	Котельников		б/п	191[161]	женат	Завхоз	Челяб. обл. Шатров р-н д. Черномакарова. Убит 25/X-41
4.	Накаряков Никол. Егорович	малогр.	б/п	1912	женат – 2 дет. дев. 4 года и […][162] месяцев	Зав. М.Т.Ф.	Свер. об. Н-Сергин. р-н д. Накарякова
5.	Хабибуллин Шархимулла	малогр.	б/п	1914	женат – дев. 1 год 2 м-ца	Тракторист	Сверд. обл. Ачитский р-н д. Кочкильда
6.	Медведев Александр Макаров.	4 гр	б/п	1916	женат – отец, мать	Электр.	Первоуральск – Динас Куйбыш., 6
7.	Бекетов Иван Пантелеевич	4 гр	б/п	1911	холост – отец, мать	Шлифов.	Молотовская обл. Суксун. р-н с. Советно. П-Уральск НЧТЗ Западная, 16
8.	Трубячков		б/п	191[163]	женат –	Кольцов	П-Уральск НЧТЗ Стах. гор. Тельмана, № 8 кв. 2
9.	Вахрушев Федор Екимович	4 гр	б/н	1914	женат – мать	По тарн.	П-Уральск Пономарева, 56/7 кв.11

Ком[андир] Отдел. 2-го. Пряхин Александр Васильевич 1913 год. рожд. Первоуральск Динас, Куйбышева, д. № 13

160 Слово неразборчиво.
161 Год в документе не указан.
162 Часть текста вшита в корешок документа.
163 Год в документе не указан.

Дорогой мой!

Вот видишь, где был конец. Что было, все позабудешь, но прошу при всех явлениях в твоей жизни, не бросай сына. Воспитай и постарайся из него сделать все, что в твоих будет силах, а покойный хотел бы его «видеть» инженером-электриком. Жаль умирать не потому, что жить хочется, а потому, что хочется увидеть, что же будет после такой войны, а надо полагать, что будет хорошо.

Пишу, а над головой сила германского оружия, что-то против замышляет, и надо полагать, хорошее для них и плохое для нас. Ну, вот и все. Вспомни, как ты говорила «Мой чёрнинький», а теперь не твой.

Крепко целуй сына и всех, и тебя целую через […][164]

[…][165]

Сбереги тетрадь Арику на память. Эх!!! А, жить хочется!!![166]

Тетрадь, написанная мной собственноручно, изъята у меня комиссаром 3-го дивизиона ст[аршим] политруком Шангиным 10/XII 41 года.

К сему Подпись

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 34136. Л. 11-62. Подлинник. Рукопись.

164 Дальше текст обрывается.
165 Дату прочитать не удалось. Текст в документе затерт.
166 Написано на полях.

Роза Григорьевна Мезенова

Родилась в 1923 году в городе Екатеринбурге. Отец назвал маленькую Розу в честь лидера немецких коммунистов Розы Люксембург. В 1930 году Роза пошла в первый класс, окончила школу в 1941 году. 21 июня 1941 года в школах Свердловска прошли выпускные вечера, а на следующий день началась война. Выпускной класс полным составом отправился в горвоенкомат записываться добровольцами на фронт. Военком, выйдя на крыльцо, объявил, что призыву подлежат только мужчины, а девушек направил в Свердловский горком комсомола.

Роза записалась на курсы сандружинниц, так как никакой другой специальности после окончания школы еще не имела. Практику проходила палатной медсестрой в ВОСХИТО[167], часто сандружинниц ночью вызывали на прием раненых солдат, прибывающих с фронта.

Затем половину состава сандружины отправили в город Невьянск (Свердловская область) учиться на токарей. С сентября 1941 года Р. Г. Мезенова точила снаряды и мины для артиллерийских установок на эвакуированном заводе на территории трамвайного депо на улице Фрунзе (Свердловский инструментальный завод).

Работая на заводе, окончила курсы снайперов. И все это время постоянно просилась на фронт.

167 Институт восстановительной хирургии, травматологии и ортопедии.

В ноябре 1942 года Р. Г. Мезенова добилась своей цели и ушла добровольцем в Красную армию. По распределению она попала в Пензенское минометное училище артиллеристов и минометчиков.

В июле 1943 года в звании лейтенанта Р. Г. Мезенова была направлена в органы внутренних дел прифронтовых районов. Ближе всего к фронту располагался Курск, с трех сторон окруженный неприятелем, Р. Г. Мезенова попросилась туда. Перед группой, в которой состояла Р. Г. Мезенова, ставилась задача выявлять и уничтожать вражеских агентов-разведчиков, патрулировать город, проверять документы у подозрительных лиц и доставлять их в комендатуру, выезжать на «прочесывание» мест выходов в эфир вражеских передатчиков.

За участие в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов Р. Г. Мезенова была награждена медалью «За победу над Германией» (1945), медалью «30 лет Советской армии» (1948).

В 1945 году Р. Г. Мезенову по ее просьбе перевели из Дмитровск-Орловского в Свердловск, в областное управление МВД, расположенное на проспекте Ленина, 17, где она служила до лета 1953 года. В 1953 году уволилась со службы, поступила на вечернее отделение радиофака УПИ (г. Свердловск), по окончании вуза работала на заводе № 79. Р. Г. Мезеновой было присвоено звание «Ветеран труда», она имела многочисленные трудовые награды.

Два родных брата Розы Григорьевны – Владимир Григорьевич Мезенов и Иван Григорьевич Мезенов – офицеры Красной армии, участвовали в Советско-финляндской войне (1939–1940 гг.), на которой пилот бомбардировщика И. Г. Мезенов погиб в 1940 году. В. Г. Мезенов после Советско-финляндской войны (1939–1940 гг.) направлен на учебу в Московский институт иностранных языков. С 1942 года служил военным представителем советского посольства в Тегеране (Иран). С 28 ноября по 1 декабря 1943 года находился в составе охраны Тегеранской конференции. После окончания войны В. Г. Мезенов служил в Москве в Главном разведывательном управлении Генштаба (ГРУ).

№ 2

«…Надо привыкать ко всему»

3-го декабря

Путь продолжается и ему, кажется, не видно конца. По правде говоря, все уже начинает надоедать, т. к. с девчатами Аней и Полей мы в ссоре, а с другими еще не очень подружилась. Все еще продолжается прежняя жизнь. Часто вспыхивают ссоры, которые обычно заканчиваются песней. Проехали такие крупные станции, как Агрыз, Юдино. Казань оставили в стороне. Проезжая по Горьковской области, я заметила, что кругом идут степи, где бушуют ветры, а от этого погода кажется холодной и непривлекательной. Еще одна особенность этой области та, что здесь можно дешево купить с/х продукты и хлеб. Молоко мы покупали по 40-50 р.[168] за литр, яички по 100-120 р. и т. д.

5-го декабря

Подъехали к Москве, но в Москву попасть никак не можем, стоим уже сутки. Правда, нас катают взад и вперед по окружной дороге, как говорится, вокруг да около, но в город попасть не можем. А как мы ждали той минуты, когда мы будем находиться на месте и будем спокойно обдумывать свое положение.

7-го декабря

Наконец-то мы у цели! Мы в Москве! Днем подъехали поближе к вокзалу и сделали вылазку на платформу. Построились и оравой двинулись с вокзала и попали прямо в метро. И здесь начались чудеса. Мы прошли по красиво отделанным станциям метро и очутились на платформе. Вдруг раздался шум, и мы увидели чудесные вагоны электровоза. Словно по волшебству открылись двери, и мы толпой двинулись в вагоны с открытыми ртами и выпученными глазами. Мне очень понравилась эта поездка. Мы проезжали мост чудесной красоты. Вышли мы на станции «Биб-ка[169] им[ени] Ленина» и самостоятельно дошли до места нашего жительства, которое находится в центре города по улице Герцена, Хлыновский тупик, шк[ола] 123. Здесь нас разбили повзводно, т. е. прежние команды назвали взводами. Наша команда стала 7-м взводом, состав взвода прежний. Каждый взвод разбили на отделения. Я командир второго отделения. В отделении девчата подобрались хорошие[170]. Мы разместились в комнате № 36, по два человека на кровать. Спать придет-

168 Рублей.
169 Библиотека.
170 Далее зачеркнуто карандашом слово *девчата*.

ся на голых щитках. Ничего, нужно привыкать ко всему. В вагоне спали еще хоже[171], да доехали живыми. В общем, от Москвы останутся хорошие впечатления. Ходили в столовую.

8-е декабря

Встали по сигналу в 6 ч. Оделись, построились и пошли в столовую, позавтракали. Кушали селедку с тушеной капустой и чай. После завтрака пошли в санпропускник. Помылись и пошли на обед. Ели капустный суп, сельдь и кашу. Поели хорошо и опять вернулись на место. Опять два раза катались на метро. Сегодня мы катались на самокатящей лестнице-кудеснице[172]. Восхищение растет с каждой минутой. Не знаю, что будет дальше.

10-го декабря

Все идет по-прежнему, без особых перемен – в 6 часов подъем, с 7 до 8 часов занятия строевой, а затем должен быть завтрак, который обычно задерживается. В столовую ходим повзводно.

Очень скучно, т. к. приходится сидеть без дела. Карантин может продолжаться 12 и больше дней, в зависимости от диагноза болезни. Сегодня с Галей ходили в ленуголок[173] и взяли книги для чтения, но книжонки неважные, т. к. ничего хорошего нет.

Мне сейчас так хотелось бы побывать на улице, подышать свежим воздухом, а особенно хотелось бы повстречаться с Володей[174], но при всем моем желании этого сделать никак нельзя. Эта невозможность действий тяжело действует на душу, но у меня есть надежда на скорое будущее.

Да, я еще забыла, что в дороге нам пришлось вымыться в бане-вагон[175]. Поезд этот – подарок[176] бойцам Красной армии. Устройство этой бани очень хорошее и удобное для пользования. Имеется душевое отделение, тазовое и парная, и так же имеется дегазационная[177] камера. Вымылись очень хорошо.

Сегодня идет расформировка, зачисление в минометно-артиллерийское училище. Когда просили выйти из строя девушек со средним образованием, то я не знала на что мне пойти: на сан-дружинницу или снайпера, но потом

171 В тексте ошибка, вероятно, *хуже*.

172 Вероятно, *на эскалаторе*.

173 Ленинский уголок.

174 Владимир Григорьевич Мезенов – родной брат Р. Г. Мезеновой, офицер Красной армии, участвовал в Советско-финляндской войне (1939–1940 гг.), служил в разведке, награжден медалью «За боевые заслуги» (1940). С октября 1941 г. по март 1942 г. В. Г. Мезенов воевал в тылу врага в составе разведывательно-диверсионного отряда. Был направлен в декабре 1942 г. на службу военным представителем советского посольства в Тегеране (Иран). Был в составе участников охраны Тегеранской конференции. После окончания войны В. Г. Мезенов служил в Москве в Главном разведывательном управлении Генштаба (ГРУ).

175 Вероятно, *в бане-вагоне*.

176 Далее зачеркнуто карандашом слово *красноарм*.

177 Вероятно, *дезинфекционная*.

решила – лучше всего пойти в училище. Учиться месяцев 6. Условия гораздо лучше, чем рядовой.[178] Послала телеграмму Володе. Если б он пришел, я могла бы хотя бы посоветоваться с ним, кем же лучше быть в армии.

11 декабря

Сегодня случилось большое событие в моей жизни в Москве. День прошел, как и вчера, часов в 5 вдруг приходит одна девушка из нашего взвода и сообщает мне, что меня ждет внизу военный. Я[179] быстренько оделась и побежала. Прибегаю на первый этаж, захожу в вестибюль, но никого, кроме часового, не вижу. Вдруг от двери раздается голос, и я увидела своего Володю. Сначала я как-то растерялась. Потом часовой послал Володю к котельной, и через некоторое время я пошла вслед за ним. Выбежала и оторопела, т. к. Володя был не один: с ним была его жена. Мы познакомились с ней, и я, уже не стесняясь, стала разговаривать. Изольда мне очень понравилась, такая миленькая, славная девушка. Володя за это время очень похудел и постарел. Стояли болтали обо всем и даже не знали о чем поговорить. Долго разговаривать не пришлось, т. к. часовой боялся за нас и предупредил, чтоб мы поскорее кончали разговор. Володя дал мне № своего телефона К-5-62-93 и просил, чтоб я ему позвонила. Я, конечно, пообещалась, и теперь с нетерпением жду, когда снимут с нас карантин, и я могу пойти к моему милому дорогому братцу. Жду с большим нетерпением. Завтра напишу письмо Зое и домой.

13 декабря

Нас укомплектовали; составили списки для того, чтобы отправить в училище. Куда – неизвестно. Получили продукты питания, и пошли на вокзал. С Казанского вокзала я позвонила Володе. Дома никого не было, кроме няни. Все сходили в столовую и пообедали. Выйдя из столовой, я, взяв Сашу с собой, пошла в зал № 1 и здесь встретила Володю и Изольду. Они сходили с лестницы. Мы все очень обрадовались и пошли в зал № 3. Здесь сидели и разговаривали до момента посадки. Говорили абсолютно обо всем, и дали слово о хорошей переписке. Уже перед посадкой мы распростились, и я опять очутилась в дороге, но уже в пассажирском вагоне. В вагоне разместились хорошо. Мы с Галиной заняли 2-е вторых полки.

14 декабря

Еду, еду и не знаю, когда же, наконец, окончится мой путь. Все уже ужастно[180] надоело.

178 Далее зачеркнуто карандашом слово *Вчера*.
179 Далее зачеркнуто карандашом слово *скорее*.
180 В тексте ошибка, вероятно, *ужасно*.

15 декабря

Сегодня утром приехали в Пензу. Вышли из вагона, побродили по вокзалу и направились к училищу. Прошли по городу 5 км и явились к нашему будущему месту житель[ства].

Встретили нас неприветливо. Загнали в ленкомнату и никуда не разрешали выходить, т. к. классы были проходные, а люди занимались. Произошло полное разочарование.

16 декабря

Утром прошли медкомиссию, а затем пошли на мандатную комиссию. В результате манд[атной] комиссии 4 человека не зачислены. Вечером получили обмундиров[ание], но не полностью.

17 декабря

Сегодня начинаем занятия. В обмундировании все выглядим очень смешными, т. к. все подстриглись под мальчика и все в брюках, а поэтому очень большое сходство с «юношами». Даже смотреть на всех смешно, но, между прочим, брюки очень неудобны. Обещают дать юбки.

19 декабря

Ежедневно: подъем в 5 ч., зарядка, завтрак и начало занятий. Занимаемся по 9 ч., т. е. до 3 ч. затем обед, затем час занятий, мертвый час, часы самоподготов[ки], ужин, самоподготовка и в 20 ч. отбой. Вот примерное расписание дня. К нему уже начинаю привыкать. Девчата, не зачисленные в училище, сегодня уезжают в Москву. Очень жаль. Получила сапоги 41 размера. Очень неудобные, но ничего – сойдет. Надо привыкать ко всему.

20-го декабря

Сегодня два больших события. Во-первых, я сегодня первый раз в наряде в роли дневального. Заступила вчера в 8 часов вечера. Ночь прошла ничего. Сегодня утром второе большое событие: мы принимали военную присягу. Каждый курсант подходил к столу и читал текст присяги, затем, получив поздравление, расписывались и вставали в строй. После торжественного принятия присяги вся батарея пошла на стрельбище, где сдавали зачеты курсанты-выпускники. Остальная часть дня прошла без изменений. Как положено по распорядку дня.

27 декабря

Прошла неделя со дня принятия военной присяги. Мы уже теперь военнообязанные. Жизнь течет как по маслу. Никаких отступлений от распо-

рядка дня. Сегодня утром был произведен бег на лыжах на 5 км дистанцию. Я прошла ее за 45 м[инут]. Количество времени большое, но я довольна тем, что я побегала на лыжах. Ходили по парку. Местность очень красивая. Встречаются очень красивые видочки. После обеда занимались чисткой техники, а затем самоподготов[кой]. Вечером я приступаю к наряду, опять дневалю. Вот везет! Завтра опять целый день ходить по батарее и чистить каждую минуту пол.

31-го декабря

Встала по-обычному и была удивлена самым удивительным образом. Посреди колуара[181] стояла огромная елка, закрытая занавесью. Завтра, вернее сегодня, в 12 ч. встречаем Новый год. Впечатления запишу позже. Была торжественная часть, небольшая самодеятельность, а затем танцы. Было немного скучно, т. к. я встречала прошлый год совсем в иных условиях, среди родных и близких мне людей. Большинство курсантов «улетучилось наверх»[182], а нас несколько человек окружили преподавателя артиллерии – старшего лейтенанта и слушали его рассказ о своей жизни. Он, оказывается, был уже на фронте отечественной войны и был ранен осколком в руку. След от раны значительный. Рана правой руки. Сидели и занимались болтологией, а наверху в это время лились звуки духового оркестра, и наши курсанты мчались в «бешеном вальсе». Веселье продолжалось до 12 ч. 30 м. Ровно в 12 ч. нас построили и поздравили, а в половине первого был отбой, и мы уже спали.

24 января

Милая тетрадь! Как давно я уже ничего не записывала. Просто даже забыла, что у меня имеется этот дневник. И теперь бы даже не вспомнила об этом, но произошел случай, от которого у меня испортилось настроение. Вчера и сегодня, ленинские дни, а поэтому мы не занимаемся. Вчера утром вытащили постели на улицу, прибрали колуар, умылись, как полагается, пришили чистые воротнички и до обеда ходили на лыжную прогулку. Ехали без учета времени. Очень хорошо прокатились. День был солнечный, теплый. Слегка в лесу шел снежок, сдуваемый ветром с деревьев. После обеда был час отдыха. Все улеглись спать, несмотря на то, что в батарее было тихо, я никак не могла заснуть, а лежала, мечтая о своем будущем, воображая себя в роли советского офицера. Вечер прошел без особых происшествий, за исключением того, что приезжал начальник училища, а так же я вчера танцевала с Зоей Шабалиной, она очень хорошо танцует.

181 Колуар – правильно кулуар (спальные помещения – прим. дочери Мезеновой Р. Г.).
182 Наверху находились спальные помещения (прим. дочери Мезеновой Р. Г.).

Сегодня утро прошло, как и в обычный день. После завтрака я начала заниматься, вдруг меня вызывают к комвзводу. Я очень удивилась, т. к. не могла придумать причину вызова. Лейтенант стоял около кровати, когда я к нему подошла, он спросил: «Почему я плохо заправила постель?» Вернее, не так заправила простынь. Я ответила, что простынь очень узкая и не заправляется как полагается. Он повысил тон и сказал, что со времени подъема прошло 3 часа, и я могла поправить заправку. Я ни слова не отвечая ему, поправила простынь. Мне стало очень обидно, и я пошла со слезами на глазах. Пришла в класс первого взвода, села за парту и заплакала. Пришла Зина Рудакова, ее тоже вызывал лейтенант и ругал за заправку койки. Она стала меня успокаивать. А тут, как назло, подходит комвзвода лейтенант Сусоров и спрашивает о причине слез. Мне пришлось встать и ответить, что все в порядке.

С этого момента все настроение испортилось на весь день. Сижу и злюсь. Заниматься уже нисколько не хочется, а учить надо очень многое. Ну ладно, день только еще начался, и я успею, выучу, а сейчас надо записать о своей жизни в январе 1943 года. Жизнь катится как по маслу, в обычные дни занятия, чистка винтовки и др. дела, в выходные дни тоже что-нибудь делаем. Или занятия строевой на плацу, или консультационные занятия в батарее, или танцы под патефон, или писанино[й] в ленкомнате. В новом году смотрела 2 кинофильма: «Три мушкетера» и «Как закалялась сталь». А самое главное за истекший период то, что получила 2 письма от Зои и одно письмо от Нади. Письма их я вкладываю в конце этой тетради. Рвать и кидать не хочется, т. к. они мне очень дороги. Особенно дороги письма от Зои. Она пишет, что дома у меня все в порядке. Живут по-старому. И сообщает мне большую радость, что Карл[183] теперь переехал в Серов. Он приезжал на 3 дня домой, что и как – подробно ничего не знаю, т. к. из дома не получила ни одного письма. Я никак не могу представить себе причину ихнего молчания. Хотя и писать-то некому, т. к. папа не особенно любит писать письма, а мама тем более, не писавшая никому, сама не сможет мне написать, да у ней, наверное, и время нет, так что приходится мучиться с этим и писать людям, чтоб хоть они мельком писали об их жизни. Володя с Изольдой, наверное, уехали, т. к. на все мои письма нет никакого ответа. Дома тоже ничего не знают.

Вот уже около 2-х месяцев как я уехала из дома и как-то уже привыкаешь к новой обстановке, но иногда очень хочется вернуться домой, а особенно в такие минуты, как сегодня. На сердце делается очень тяжело, не хочется ни о чем думать. Учиться же не очень трудно, при условии, если заниматься ежедневно, то можешь добиться хороших результатов. Но опять-таки имеются причины, благодаря которым не хочется заниматься. Иногда просто беспокоит молчание из дома, иногда просто не хочется заниматься.

183 Родной брат Р. Г. Мезеновой, 1926 г. р., назван в честь Карла Либкнехта (прим. дочери Мезеновой Р. Г.).

Все это нужно постараться отбросить и взяться упорно и горячо за учебу. Мне хуже всех достается артиллерия, т. к. учиться мы начали позднее и пропустили основу артиллерии, а теперь приходится разбираться как в новом материале, так и учить старый. Было 3 летучки в этом месяце. Оценки неважные: 2 посредственно и одно отлично. По остальным предметам оценки более или менее приличные. Особенно мне нравятся такие предметы, как связь, топография, матчасть[184], стрелковая.

Ну, пока кончу заниматься «болтологией», т. к. нужно еще выучить уроки, а то потом будет кино и не будет времени для занятия.

3/II-42 г.[185]

Вот и февраль наступил. А изменений в жизни нет, все остается по-прежнему. Занимаемся строевой, учим уроки, кушаем и спим. Нет никаких отступлений в распорядке дня. Правда, вчера сдавали зачеты по артиллерии за 1-й курс, т. е. за 2 месяца занятий. Сделала как будто бы все, но не знаю, насколько верно. Вечером ходили в тот городок[186] за винтовками. Принесли новых 35 винтовок, изготовленных в 1942 г. Винтовки очень легкие, чистенькие. Очень приятные на вид, особенной чистки не требуется. Прочистили их от масла и поставили в пирамиду. Сегодня день протекает вяло. Первый урок, была строевая подготов[ка]. Занимался с нами ком[анди]р батареи. На улице очень холодно. Все закуржавело, и вид от этого какой-то особенный. За один час замерзли, как будто бы были на улице целый день. Вообще здесь, т. е. в Пензе, погода мне не нравится: один день тепло, а несколько дней холодно. Даже в батарее становится холодно, и ходим в шинелях. В такие дни проскакивают пл[охие] оценки, т. к. всем учить уроки не хочется.

За январь месяц у меня 3 отлично, 4 хорошо, и 2 поср[едственно] – по артиллерии и уставам. Глупо вышло, что у меня «псы»[187]. Надо постараться к 25 годовщине РККА не иметь «псов», а то стыдно за себя. Писем нет ниоткуда. Никто не хочет мне ничего писать. Очень обидно и больно. Злюсь на всех. Берет досада, что нет ничего из дома. Зоя тоже что-то пишет плохо. Не знаю почему. Может быть, ей скучно переписываться со мной. Приходится мириться со всем этим. Ведь я теперь далеко от них, и им нет до меня никакого дела.

6 февраля

Идет урок артиллерии. Занимаемся подготовкой к стрельбе. Решаем задачи. Стрельбу ведет курсант Антоненко. Отвечает неважно, т. к. вчера на

184 Здесь и далее так в документе – материальная часть.

185 В тексте ошибка, вероятно, дата *1943 год*.

186 Примечание дочери Мезеновой Р.Г.: 5-й женский дивизион училища располагался отдельно от мужских, в отдельном здании, поэтому было два «городка». За фильмами, оружием, лошадьми ходили в «другой» городок, где располагались основные подразделения ПМУ – четыре мужских дивизиона и командование училища.

187 «Псы» – означает оценку «3».

уроке, как и я же, не была. Мы вчера были в наряде. Я опять в роли дневального. День прошел плохо, т. к. дежурной была кур[сант]ка с 1-го взвода, была впервые и не знала своих обязанностей. С половины дня ее сняли и поставили прежнего дежурного. Остальная часть дня прошла без происшествий. Два раза была в столовой, накрывала столы, мела полы, вытирала воду с окон и т. п., за день очень устала. Сегодня утро и день проходит как обычно. В батарее тихо, т. к. 1-й взвод несет гарнизонный караул во главе с нашим комвзвода. Ушли вчера к 8 ч. вечера на развод и должны вернуться сегодня вечером, интересно, как пройдет у них караул. Мы тоже скоро пойдем в караул. Только когда – не знаю. Сегодня успела схватить «пса» по связи. С 10-15 нужно будет пересдать, а то стыдно. По артренажу получила отличную оценку.

Это немного получше, чем «псина». День сегодня очень хороший. На улице тепло, ярко светит солнце, лучи которого начинают пригревать. В связи с этим настроение поднимается, чувствую себя хорошо. Особенно радостное настроение, потому что получила письмо от Нади. Писать содержание не буду, т. к. письмо вложено в тетрадь. Скажу одно, что особенных изменений нет. И еще одна радостная весть, пришедшая из Свердловска, – записка от Иры Кудрявцевой. Ирина вместе с Галей Бакановой училась на автоматчика. Вместе с ней мы ехали в эшелоне, вместе жили в Москве. Это очень тихая, спокойная девушка, со светлыми вьющимися волосами, слегка голубыми глазами, роста примерно моего, худенькая, чуть-чуть шепелявит при разговоре. Прожив в Москве неделю, мы с Галиной попали в Пензу, а Ирина осталась в Москве. Теперь она находится в Свердловске, в распоряжении военкомата, работает в госпитале. Что, как и почему она очутилась в Свердловске, обсолютно[188] ничего не знаю. Обещает написать. Интересно, как она попала обратно в Свердловск, по какой причине ее вернули. Адрес ее: г. Свердловск, Втуз-городок, Комсомольская улица, д. № 3, кв. 1. Надо будет связаться и узнать о ее судьбе. Вот, наверное, рада, что очутилась опять дома среди всех своих родных и знакомых. Очень завидую. Сегодня у меня день удачи и радости. Вот уж никак не ожидала. В конце дня после занятий мне передает дежурная письмо от папы из дома. Вот я была рада. Для меня все теперь ясно и теперь могу быть свободна от этих тягостных дум по дому. Письмо вложила в конец тетради. Описывать не буду. Дома все в порядке, Карл теперь учится в Р.У.[189] в Туре. Наверное, трудно, да теперь ничего изменить нельзя. О Володе и Изольде пишет, что получали письма, телеграммы и открытку с дороги. Они едут в Иран, проезжали Ашхабад. Адреса пока не будет долго. Мама уехала в деревню на 2-3 дня, а зачем – ничего не пишут. Видимо, по хозяйским делам. До ужина и после ужина – свободное время. Села, написала всем ответные письма, а теперь записываю в сей дневник все события. Сейчас

188 В тексте ошибка, правильно, *абсолютно*.
189 Р.У. – ремесленном училище.

начну читать книгу Шевченко «Дневник». Много есть интересных выдержок[190] и замечаний. Особенно подходящие выпишу и употреблю, где полагается. На меня действительно что-то нашло настроение писанины.

Сижу пишу и не знаю, чем окончу. Запишу выражение Шевченко, оно очень подходит ко мне.

«Незабываемые золотые дни, мелькнули вы светлым радостным сновидением передо мною, оставив по себе неизгладимый след чарующего воспоминания».

Да, теперь для меня воспоминания о своей жизни на Урале являются самыми дорогими. Прежняя жизнь больше уже не может повториться. Теперь для меня началась новая, волнующая, военная жизнь. Кто может знать, что будет впереди, но надо надеяться на хороший исход.

7 февраля

Сегодня воскресенье. Подъем был на 2 ч. позже. Утром вытрясли постели, прибрали немного помещение и после завтрака ходили за киноаппаратурой. В тот городок прошлись очень хорошо, т. к. день сегодня какой-то радостный, солнечный. Посмотрела кинокартину и киносборник № 8. Правда, я ее смотрела еще в Свердловске, но опять смотрела с большим удовольствием. Сейчас свободное время, делать совсем нечего. Хотела что-нибудь почитать, но книг нет никаких, а готовить уроки не хочется. Успею вечером. Некоторые из девчат сдавали лыжный кросс. Результаты еще неизвестны.

Грустно, невыразимо грустно! На душе как-то пусто и тяжело, и не с кем обо всем этом поделиться. Я никак не могу подобрать себе друга. А без друга, вдали от родных, очень трудно. С девчатами со всеми в хороших отношениях, но истинного друга нет, а дружба без существенных доказательств – пустое, лукавое слово. Вот читала Шевченко «Дневник», где он пишет о своих близких и далеких друзьях, о их взаимной выручке. Вот это я понимаю, и думаю найти все же друга по своему характеру.

Теперь запишу свои сны, которые я вижу очень редко. Но эти сны, думаю, что нужно записать, хоть и неполностью. Не помню точно, когда это было, но в первых днях этого месяца. 1-й сон: «я каким-то чудом очутилась в Свердловске и работала в госпитале, что в Доме Контор на ул. 8-е Марта. Но вдруг в Свердловск налетают немцы, происходит бой. На трамвайной линии установлены какие-то чудесные минометы, стреляющие по прямой линии. Видела маму и папу. Папа стоял на линии и наблюдал стрельбу, а мама была около меня, и вместе мы с ней бежали, куда, уже не помню».

2-й сон: «Встреча с Володей в городе Рязани и прощание с ним». Прямо удивляюсь, какая чушь может присниться. Ведь я об этом никогда и мысли не имела, а тут просто получается ерунда. Очень глупые сны. Да и вообще,

190 В тексте ошибка, вероятно, *выдержек*.

сны всегда бывают глупые и бессмысленные. Делать совсем нечего. Начну хоть писать письма. Как говорится, «от безделья и это рукоделье». А затем надо начать заниматься, т. к. день уже приближается к вечеру.

8 февраля

Сегодня 2 больших события: во-первых, сказали результаты зачетной контрольной по артиллерии. У меня «отлично», это все же хорошо. А второе событие то, что получила долгожданное письмо от Карленка. Он пишет, что теперь живет в Туре, учится в Р.У. на слесаря. 23 декабря был дома и пишет, что очень хорошо его встретили, кушал блинчики и пирожки с мясом. Я ему немного завидую, т. к. тоже хочу чего-нибудь домашнего, вкусного. Очень довольна тем, что получила от него письмо. Сегодня же дам ответ. Еще одно «событие», полезное для меня. Сдавала лыжный кросс в беге на 10 км. Норма времени 1 час 30 м., а я прошла за 1 ч.16 м. Результаты неплохие, и это меня очень радует. Хоть чуть-чуть научилась ходить на лыжах. Наш взвод, вообще, по лыжной подготовке занял I-е место в батарее.

9 февраля

Запишу о своей радости. Мне прямо везет. Сегодня получила 2 письма и открытку. Одно письмо из дома, пишут папа и мама оба вместе. Письмо очень хорошее. Живут хорошо и просят о них не беспокоиться. Как я рада этому письму. Ведь пишут мне мамочка и папа! Читая письмо, я чуть было не расплакалась, но сдержала свои слезы. Как бы мне хотелось увидеть их, а особенно мою дорогую, любимую мамочку![191] Второе письмо от Ниловой Тамары. Она теперь тоже мобилизована. Пока находится в Свердловске, призвана на медиц[инскую] специальность. Пишет, что очень нравится. Я рада за нее. Просит, чтоб не терять связь и вести постоянную переписку. Я ей благодарна за письмо. О девчатах ничего не пишет, говоря, что давно никого не видела. Открытка написана Зоей. Моей дорогой, незабвенной Зоей!

Милая моя, как я благодарна ей за ее письма, несмотря на то, что они приходят не очень часто. Меня смущает то, что все пишут, что мало получают от меня писем. Очень удивляюсь, т. к. домой и Зое я пишу очень часто. В этом виновата почта, а не я. Они пишут, что посылают письма мне часто, но, однако, их писем я тоже не получаю. Как полагается.

У меня сегодня неприятность: получила пл[охо] по тактике. Вышло очень глупо. Надо постараться и исправить к 15 февраля, а то будет очень стыдно! Позор!

191 *Примечание:* имеется в виду мачеха, т. к. родная мать умерла при родах последнего ребенка.

14 февраля

Сегодня воскресенье. С утра занялись подгонкой гимнастерок. Отпороли рукава и перешивали. Провозились до обеда. После обеда был час отдыха, но я дошивала гимнастерку, а потом пришила петлицы. Нам выдали новые петлицы – черные с красной окантовкой. После часа отдыха было кино «Секретарь райкома». Замечательная вещь, показывающая борьбу советских людей с проклятыми варварами. Показали смелый, мужественный образ секретаря райкома. В фильме участвуют мои любимые артисты: в роли Наташи – Мария Ладынина, и в роли Гаврила Русова – Жаров.

15 февраля

День проходит обычно. Занятия идут нормально. Выставили оценки – у меня 5 хорошо и 7 отлично. В общем, ничего.

Получила письмо от Карленка, послал 2 фотокарточки. Очень рада за него. Пишет, что живет хорошо, питается тоже. Сегодня ходили в баню. Ушли в 4 ч., а пришли уже в 9 ч., но, увы, в полном разочаровании, т. к. в бане не удалось помыться. Так не солоно хлебавши, мы вернулись, но и здесь нас ожидало разочарование, т. к. в батарее не было света.

16 февраля

День был сумасшедший. В 12 часу ушли в баню за 7-8 км и пробыли там до половины седьмого. Промерзли здорово, но зато вымылись на славу. Белье дезинфицировали. Пришли домой, пообедали и стали заниматься, но занимались недолго. В 9 ч. был ужин, а затем поверка и отбой. Так, не приготовив как нужно уроки, мы улеглись спать.

17 февраля

Получила 2 письма: одно из дома, а другое от Зои. Пишут, что все в порядке. Особенных перемен нет, за исключением того, что за отличные успехи в учебе и работе Карла премировали 50 р. в приказе. А он послал домой приказ. Папа и мама очень рады его успехам, а вместе с ними и я очень рада за него. Написала ответные письма. День прошел как обычно. Никаких событий из «рук выходящих» нет.

18 февраля

Получила письмо от Зои. Когда стала читать, то прямо «обалдела». Оказывается, она прочла письма, посланные Наде, и пишет очень недовольная. Она права. Ведь никто в том не виноват, что наша почта работает плохо, и письма не доходят по назначению. Мне стало как-то не по себе от ее письма, т. к. я знаю, что я перед ней виновата. Но ведь эти письма я писала в те минуты моей жизни, когда я здесь чувствовала себя одинокой. Писала письма

чуть не каждый день, но безрезультатно, т. к. ответа на них не получала. И вот, жалуясь на это и выражая свою досаду, я написала письмо Наде. А теперь получается такая ерунда. А что, если она теперь не будет посылать мне письма. Вот будет мне за это наказанье! Нет! Не может этого быть! Неужели из-за одного глупого письма кончится наша дружба! Нет! Нет! Я этого не хочу. Написала ей ответное письмо и извинилась. Теперь буду ждать ответа. Что-то будет?.. Буду готова ко всему. «Если у тебя есть мужество, дело не будет тяжелым» – как говорит поговорка.

21 февраля

Воскресенье. Мы, т. е. наш взвод во главе с командиром, находимся в гарнизонном карауле. Заступили вчера вечером. Я попала на хороший пост, в том отношении, что пост этот ночной. Часовыми мы были вместе с Шабалиной Зоей. Днем хорошо поспали. Ходила вместе с др[угими] за обедом в наш городок. В этот день в нашем училище была комиссия по поверке помещения. Мы, зайдя в батарею, сразу пошли в столовую. Время в карауле провели очень хорошо. Не было ни одного замечания. Все очень довольны. В дивизионе было собрание, а затем кино, но мы не присутствовали.

22 февраля

Сегодня предпраздничный день. Учились 8 ч., затем было батарейное собрание, на котором подвели итоги обучения за время обучения. Результаты хорошие. В целом дивизион на 1-м месте в училище. Получили переходящее Красное знамя. Наша батарея на 3-м месте в училище. Комбату дали денежную премию. Все очень рады за него. Не все же время ему будет попадать за нас. Мне объявили благодарность за хорошее состояние оружия, т. е. винтовки.

Вечером был концерт самодеятельности. В целом концерт был хорош, и время провели очень весело.

23 февраля

Встали в 6 ч. и 2 часа бездельничали. Вернее, кто чем занимался: одни читали литературу в Ленкомнате, другие приводили себя в порядок. В 8 ч. завтрак, совмещенный с ужином, т. к. обед должен быть в 6 или 7 часов. Конец завтрака прошел в спешке, т. к. опаздывали на парад. Доедая на ходу, спешно одевались, а затем рысью до того городка. Пришли как раз. Через некоторое время начался парад. Парад прошел хорошо и быстро. Все три батареи получили благодарности. После парада зашли на несколько минут во двор училища. Некоторые сходили в батарею. Затем построились и торжественным маршем пошли в Драмтеатр. По городу шли хорошо, с песнями, гордо подняв голову.

В театре разместились в партере. Места у нас были хорошие. Торжественную часть начал начальник училища. Он произнес поздравительную речь. Потом выбрали президиум. По ходу заседания послали приветственные телеграммы т. Сталину, Ворошилову и маршалу артиллерии Воронову. Затем прочитали приказ о присвоении нашему дивизиону переходящего Красного знамени. Мы – торжествуем.

После торжественной части была постановка драмы «Жди меня». Вещь по содержанию очень хорошая, но игра артистов бледна, или вернее слаба. Если бы они [играли] роль живее и говорили бы громче, то успех был бы гораздо больше! Ну ничего, приходится довольствоваться и этим. Ведь мы уже так давно не были в театрах. Несмотря на недостатки, все были очень довольны. Возвращались обратно опять торжественным маршем. Наш дивизион впереди всех с Красным знаменем. Шли под марш оркестра. Народ на улице стоял и смотрел на нас. Подходя к воротам училища, мы вдруг услышали от одной девчонки фразу: «На морду-то и не поймешь, кто они». Мы были возмущены таким отношением. Комбат даже заметил и засмеялся. Если б было можно, то она получила бы ответ, заслужив[авший] ее. Ну ничего, не отчаивайся!

Был торжественный обед в присутствии нач[альни]ка училища и полковника Эйхмана[192]. Обед состоял из: 1. Суп мясной, каша с подливом, котлета и компот. Поели очень сытно. Перед тем как уйти из столовой, нас попросили спеть. Мы, конечно, с удовольствием исполнили это желание. Спели «Мишку» и еще 2 песенки спели. Неплохо, даже н[ачальни]к училища поаплодировал нам. В конце песен лейтенант Сусоров от имени курсантов нашей батареи преподнес портрет н[ачальни]ку училища, сделанный им самим. Н[ачальни]к училища был смущен этим подарком.

После обеда был концерт самодеятельности. Начали его без программы, в ожидании прихода артистов самодеятельности. В разгар вечера пришли н[ачальни]к училища и полковник Эйхман. Каждому номеру они аплодировали и смеялись. По виду они были очень довольны. Через несколько минут пришла училищная самодеятельность. Их номера были хороши, но они дали очень мало. Нам хотелось бы видеть больше. После концерта начались танцы под оркестр. Я, Валя Аверкиева и Валя Окишева, стали на скамейку за пианино и стояли, наблюдали за танцующими парами. Много смеялись над некоторыми парами. Было много шума и смеха. Сегодня я получила письмо от Аси Каргаполовой. Письму очень обрадовалась, т. к. теперь есть надежда переписки. Ничего особенного она не пишет. Правда, я теперь знаю, что она учится на среднего командира – пулеметчика. Очень жалеет, что она там одна. Даже пишет, что не с кем поделиться, т. е. нет близкого человека. Живет, судя по себе[193], также как и мы. Занимаются по 10 часов, а самопод-

192 Полковник Эйхман – замполит училища (комиссар).
193 Вероятно, *сама по себе*.

готовки всего 2 часа. У нас насчет этого лучше. Да и вообще, мне артиллерия нравится гораздо больше, чем быть пулеметчиком.

24 февраля

День прошел обычным распорядком. Правда, вечером, т. е. после обеда, часть курсантов ходила в кино, 3-е ходили в театр, и наши участники самодеятельности ходили в ДКА. Очень обидно. Но сделать ничего нельзя. Ведь надо же быть кому-то в наряде и в эти же дни. Я заступаю дневальным по батарее. Дежурная Соня Воробьева из 1-го взвода. Думаю, что наряд пройдет хорошо.

Большое событие: получила 4 письма от Зои. Надо же думать – 4 письма в раз, где-то ведь они лежали и были не отправлены вовремя. Как ни говори, а почта работает плохо. Я высказываю недовольство и возмущение. Но приходится мириться. Ведь рано или поздно я их получила, Зоюшка пишет о девчатах, о себе, о своей учебе. У них была экзаменационная сессия со 2 по 19 февраля. Сдала она хорошо. Правда, по начерталке[194] получила тройку, но мне что-то не верится. Не может этого быть. Пишет о Гале Сударевой, как будто бы она превратилась в барышню. Пудрится, красится и, вообще, стала неузнаваемой. Вот интересно было бы посмотреть на нее. Как[195] могут люди меняться. Из тихой, неповоротливой, несмотря на свою худощавость, превратиться в «барышню». С удовольствием бы «оборжала» ее, но нет на это никакого желания. Написала ответное письмо Зоюшке. Исписала целых 2 листа, а если б была еще бумага, то, наверное, так бы и не окончила. Сейчас 12 часов ночи. Курсанты спят, а часть, ушедшая в ДКА, еще не вернулась. В батарее тихо, только лишь наряд моет пол. Из нашего взвода моют Шабалина Зоя и Антоненко. Когда разбудили Антоненко, то она встала в таком виде, что мы долго и весело смеялись. Ну, пока кончаю записывать о сем дне. Надо и честь знать.

27 февраля

Канун выходного дня. Уроки летят с особенной быстротой, а особенно потому, что было 5 уроков тактики. Тема занятий: разъезд пути. Ходили на лыжах. Шли по горам, по полю. Много раз падали. Было очень хорошо. После тактики было 2 урока связи. Был опрос. Отвечали все хорошо, за исключением Кравцовой. С этой Кравцовой вечные истории, что-нибудь да приключается. После обеда ходила в библиотеку, взяла книгу Бунина, том 3-4. Читала несколько стихотворений. Мне они почти все нравятся. А поэтому одно запишу ниже.

194 Начерталка – начертательная геометрия.
195 Далее зачеркнуто слово *интересно*.

«В ОТКРЫТОМ МОРЕ»

1. В открытом море – только небо,
Вода, да ветер. Тяжело.
Идет волна, и низко кренит
Фелюка серое крыло.

2. В открытом море ветер гонит
То свет, то тень – и в облака
Сквозит лазурь… а ты забыта,
Ты бесконечно далека!

3. Но волны пенясь и качаясь,
Идут, бегут навстречу мне
И кто-то синими глазами
Глядит в мелькающей волне.

4. И что-то вольное, живое,
Как эта синяя вода,
Опять, опять напоминает,
То, что забыто навсегда!

В этом небольшом стихотворении выражено все – и природа, и мечты. А теперь еще запишу стишок о розе.

«РОЗЫ»

Блистая, облака лепились
В глазури пламенного дня.
Две розы под окном раскрылись –
Две чаши, полные огня.

В окно, в прохладный сумрак дома,
Глядел зеленый знойный сад.
И сена душная истома
Струшла сладкий аромат.

Порою звучный и тяжелый,
Высоко в небе грохотал
Громовый гул… Но пели пчелы,
Звенели мухи – день сиял.

Порою шумно пробегали
Потоки ливней голубых…
Но солнце и лазурь мигали
В зеркально-зыбком блеске их.

И день сиял, и млели розы,
Головки томные клоня,
И улыбалися сквозь слезы
Очами, полными огня.

28-го февраля

Вот уже и конец месяца! Как быстро пролетело время! Даже странным кажется то, с какими темпами катит в прошлое все пережитое. Сдаем зачеты с завтрашнего дня.

3-го марта

Весна! Весна! А вместе с ней мечты и надежды на что-то хорошее, которое должно прийти с наступлением весны. Жизнь катится как по маслу. Зачеты сдали хорошо. Сдали уставы, тактику и стрелковое дело. По тактике сдала на хорошо, а стрелковое на отлично. По уставам дали оценку всему взводу в целом. Вчера была тактика. Тема занятий: разъезд огневой позиции. Ходили на лыжах по маршруту: парк, затем – спуск на горе на поле садоводчества, где и был выбор О.П.[196] Время прошло очень хорошо, день был солнечный, теплый. Из нашей поездки мне особенно понравился спуск по горе. Едешь, и кажется тебе, что сейчас упадешь. Гора кажется крутой, крутой. Я 2 раза забиралась на эту гору и летела вниз. Лыжи – это вид спорта, дающий общее развитие организма. Раньше этот спорт не занимал меня, а теперь им я очень увлекаюсь. Даже как-то становится грустно, что зима скоро кончится, и лыжные бега с ней тоже кончатся. Ну ничего, унывать не нужно. Пройдет зима, настанет лето. Окончим курс в училище, уедем работать в часть и начнем новую интересную жизнь. Жизнь советского воина. Жду с нетерпением этого периода жизни. Получила несколько писем: от Зои, от Ирины Кудрявцевой. Зоюшка пишет о себе, о девчатах. А Ирина пишет о том, каким путем она попала в Свердловск. Из ее письма я узнала, что некоторые из наших девчат работают в сан.поездах[197], некоторые в школе связистов (Маруся Печерица – украинка, ехавшая вместе с Ниной, тоже украинкой, на наших нарах). Саша Черноскутова тоже в сан.поезде, Люда Болотова – учится на прожектористка в Московской области. О других пока не знаю. Об Ане Рогожкиной и Полине Лучининой она тоже ничего не знает. А меня все же интересует, где они? Или тоже попали в сан.поезда, или учатся на военную специальность. Ну и Аллах с ними. Пусть учатся себе на здоровье.

4 марта

Получила два письма: одно от Зои 18/II, другое от Нади 19/II. Оба письма очень хороши по своему содержанию. Зоюшка пишет, что была у моих

196 О.П. – вероятно, *огневых позиций*.
197 Здесь и далее в документе – *санитарных поездах*.

родителей, и со слов мамы пишет, что они живут хорошо по сравнению с современным временем. Мама здорова, папа тоже. А я очень рада за них, что они ни в чем не нуждаются. О Володе ничего не пишет, вернее, мама от него ничего не получают. С каких пор это, не могу знать. Наверное, они уже за пределами СССР.

Надя тоже пишет о себе, о своей жизни, учебе. Пишет, как она проводит свое время. В общем, письма оба дышат прежней нашей дружбой.

6-го марта

Наконец-то настал этот торжественный день: нам выдали погоны. После занятий нас выстроили и повели в Ленкомнату, где торжественно выдали погоны. Комбат, выдавая погоны, пожимал всем руки, приветствуя нас. Потом мы стали подгонять их и провозились, но так и не кончили. Настроение у всех было сумасшедшее.

7-го марта

С самого утра опять взялись за подгонку погон. Нам выдали вторые погоны на шинель и пуговицы для гимнастерок. Ну, а в связи с этим наша возня увеличилась. Были заняты до самого обеда. Весь день прошел быстро и незаметно. После обеда началась суета, все бегали, подготовляясь к приезду гостей. Уже в 6 ч. начали приходить наши гости. Пришли секретари обкома партии и др., приехал начальник училища и полковник Эйхман. Пошли наверх, где началась торжественная часть. Доклад делала секретарь парторганизации Севастьянова. После нее прочитали приветственную телеграмму т. Сталину, а затем произнес поздравительную речь 1-й секретарь Морщинин. После торжественной части был еще более торжественный ужин, состоящий из котлеты с рисовым гарниром, чая с сахаром и пончика. Играл оркестр. Столы были накрыты белыми салфетками. После ужина был концерт. Номера программы были хорошие, и видно было, что здесь курсанты немного поработали. Концерт затянулся до половины двенадцатого, а затем до четверти первого были танцы. Я не танцевала, как обычно, была на НП[198] и наблюдала за ходом сражения на поле танцев. Настроение было плохое, т. е. если б я умела хорошо танцевать, то разве б я стала стоять и смотреть. Конечно нет, я и сама бы приняла активное участие, и мне было бы гораздо веселее. Очень жаль, что нет со мной вечно смеющейся, веселой и любимой Зои. Вот если б мы были с ней вместе, то думаю, что тогда не было бы и следа скуки. Ну что же я за человек, никогда не могу выбрать себе настоящего друга. То глупы, то неуклюжи, то еще чего-нибудь не хватает. А быть может, я сама виновата, что я глупая, а поэтому и не подберу никак себе друга.

198 Вероятно, *на наблюдательном пункте*.

8 марта

Было 6 уроков. После обеда занялись кто чем мог. В 6 часов пошли в театр. Построились побатарейно и под звуки марша пошли в театр. Шли очень хорошо. В перерывах, когда отдыхал оркестр, мы пели песни. В театре нам дали хорошие места в партере. Сначала была торжественная часть, а затем постановка «Жди меня». Нам было уже неинтересно, т. к. мы уже видели, и многие из нас спали. Домой пришли во втором часу, поужинали и уже в 2 часа легли спать.

9-го марта

Подъем был в 8 часов, а в связи с этим изменился и распорядок дня: он передвинулся на 2 часа. Да, еще не записала, что вчера получила письмо от Карла. Пишет, что живет и учится хорошо. Описывает подробно о своем приезде домой и встрече с мамой и папой. В конце письма пишет: «кто был в детстве врагами, тот будет лучшими друзьями». Меня здорово удивил смысл этой фразы. Но он прав. Меня удивляет, каким образом дошел он до такой мысли. Написала всем ответы.

10 марта

Получила письмо от Зои. Пишет, что скучает обо мне. С Надей встречаются редко. Ну да, теперь такое время, что некогда разгуливать. Настроение какое-то плохое. Ничего не хочется делать.

И от чего это? Прямо никак не могу понять. Ходила в библиотеку, взяла книгу, автора Надсона, но читать не пришлось, т. к. нет света. Заниматься тоже не хотелось. Да, печальная новость: нашего педагога по артиллерии, ст[аршего] лейтенанта Полосу переводят от нас в 4-й дивизион. Очень жаль! Сегодня он пришел на самоподготовку, но т. к. света не было, учить ничего не хотелось, а поэтому девчата окружили его и заставили его рассказывать о себе, о своей жизни. Просидели, проболтали до ужина, а после ужина всегда время летит стрелою.

11 марта

Сдаем зачеты по артиллерии. Я уже сдала. Мне попалась графическая подготовка данных и пристрелка по ним. Отвечала неплохо, но оценки не знаю.

Ура! Получила отлично. Надо продолжать в том же духе.

13 марта

Сегодня к нам пришел наш оркестр, и мы танцевали. Я была дневальной по батарее. Как только начались танцы, я сразу же поднялась наверх и приняла активное участие в танцах. Танцевала с Зоей Шабалиной. Получается ничего. В общем, было очень весело. Смеялись надо всеми.

14 марта

После завтрака пошли фотографироваться всем взводом. Фотографировались двумя группами. Вместе с нами фотографировались: наш комбат старший лейтенант Мазур, педагог тактики – стар[ший] лейтенант Белоусов, артиллерист ст[арший] лейтенант Полоса и наш к[оманди]р взвода л[ейтенан]т Шмитков.

Группа в количестве 23-х человек. Меня только берет досада за то, что я не сфотографировалась на миниатюрку. Очень обидно, но ничего не поделаешь: не было денег. Домой возвращались медленно и сделали крюк в несколько кварталов. На улице погода стоит замечательная. Снег тает. Солнце пригревает уже чувствительно. Как только пришли домой, сразу же пришли на смотр. Приезжал начальник училища. Вечером было кино. Демонстрировался 10-й киносборник.

15 марта

Большая неприятность: по «ВХД» получила «плохо». Очень стыдно, а особенно перед ком[андиром] взвода, который разговаривал со мной на эту тему. Я дала слово исправить на следующем занятии. Смешно! Настроение плохое, не знаю отчего, но очень тяжело на душе. Не думаю ни о чем. По правде говоря, и думать то не о чем. Просто тяжело. Невыразимо грустно!

Вечером было комсомольское собрание. Говорили о дисциплине и учебе всех курсантов. Собрание затянулось свыше 2-х часов.

16 марта

Сегодня ничего особенного не случилось. Только лишь по матчасти приступили к изучению 76-мм пушки. Эта пушка очень проста по устройству и гораздо легче, чем наша. Посмотрим, что будет дальше. Получила письмо от Зои. Очень довольна! Только что-то из дома ничего нет. Но надо взять себя в руки и не унывать. Ничего страшного, думаю, не случилось, а просто лень им написать. Правда, я тоже обленилась и не пишу им так часто, как прежде. Так что обижаться не следует.

17 марта

Сегодня замечательный денек! Солнце пригревает с особой силой. А у нас как раз занятия почти все на улице. Первый урок была строевая, занятия прошли как обычно. После завтрака были занятия по тактике. Пошли в поле. Дойдя до места расположения КНП[199], расположились на отдых. Девчата стали сходить с ума: дурили, бесились, кидались снегом, бегали, катались с гор. В общем, кто что мог, тот то и делал. Больше всех резвились: Дья-

199 Вероятно, *контрольный наблюдательный пункт*.

кова, Басмакова и Гагарина. Им помогали другие. Да, ничего не поделаешь: весна! Весна! С каким трепетом и волнением произносишь это слово! Ведь только подумать – наступает весна. В этот год ее наступление я чувствую особенно. Живя дома, я как-то не так это переживала. Все было не так резко заметно. А теперь… теперь я сама не знаю, что со мной творится. С улицы уходить не хочется, заниматься тоже не хочется. Нет! Надо отбросить это настроение и приняться за учебу. А то выпуск уже на носу. Правда, оценки у меня за истекший период приличные (исключая, конечно, ВХД). Замечаний нет, нарядов вне очереди тоже пока что нет. Вот только пересдам ВХД, и все будет в порядке. По училищу (нашему, конечно) ходит слух, что к маю нас всех переоденут в лучшую форму. Интересно, как мы будем тогда выглядеть – лучше или хуже? Сегодня у нас должно быть ночное занятие по топографии. Как будет проходить – не знаю. Запишу обо всем завтра, а сейчас, пока есть свободное время, нужно написать письма. С письмами ничего не вышло, т. к. было продолжение занятий. Вечером после ужина ходили на занятие по топографии. Проходили всего лишь один час. Были в восхищении от погоды и окружающей обстановки. Прогулка вышла замечательная!

18 марта

Ура! Получила три письма! От Зои, Нади и Лии. Сначала коротенько запишу содержание Зоиного письма. Она извиняется за письмо, в котором упрекает меня. Затем поздравляет с днем 8-е Марта. А главное, жалеет о том, что меня нет там. И делает предположение: если б мы были вместе, то, быть может, попали в танковый корпус, построенный на Урале. Все это, конечно, одни мечты. Вот почти коротенько, но все. А теперь опишу письмо Нади. Она пишет, что у ней большая неприятность: получила выговор с предупреждением. И за что? А вот причина: у ней в комнате жила эвакуированная женщина с дочерью. Теперь она уезжает к мужу в Челябинск. В день ее отъезда студенты курсов должны были ехать на лесозаготовки. Надя пошла отпроситься, но ей отказали, а она же решила не ходить. В самом деле, нельзя же оставлять квартиру без присмотра. Она хотела пойти с другой группой. И вот за это ей объявили выговор. Правда, Надя хочет поднять это дело. И она будет права. И последнее письмо от Лии Каплун. Я даже как-то и не ожидала, что получу от нее письмо. А от нее самые главные известия: дома все в порядке. Во дворе большие новости: умерла Варвара Фед. Тиханова. Отчего? Не знаю. При мне она как будто бы не болела. Меня это очень удивляет. А еще одна очень важная новость: Роза Горб. родила девочку, а ее мужа Леонида берут в армию. Вот это здорово! Все эти письма для меня явились полной неожиданностью. Лийка обещает послать фото. Я буду лишь только рада этому.

19 марта

Мне везет! Сегодня опять два письма: одно от Нади, а другое от Аси Каргаполовой. Надя ничего особенного не пишет, а Ася пишет о себе, о своей жизни. Их батальон так же занимает первое место в училище. День прошел как обычно. Сейчас зафиксирую одно очень интересное письмо, чисто артиллерийское.

Вот содержание: «с тех пор, как на линии моего наблюдения появилась новая огневая точка в виде твоего прекрасного (наблюдения) образа, все цели потеряли для меня свое прежнее значение. Все объективы и визирные трубки моих приборов направлены на то место, где время от времени вспыхивали огоньки твоей любви ко мне. О! Как велика топографическая дальность, отделяющая мой НП[200] от твоего сердца. Никакая дальнобойная граната не в силах пробить бетонированную стену твоей души. Без тебя я, как орудийный ствол под рукой артиллерийского мастера. Ох! Если б я мог поразить тебя прямой наводкой, то клянусь тебе прицелом и лафетом гаубицы, мне не нужно было бы ни Ку, ни Шу, и тогда в отверстие, сделанное 122-мм снарядом, проникла бы горячая, как пороховые газы, моя любовь к тебе. О! Буссоль моего сердца, панорама моей души, разрешите на несколько делений приблизиться к вам, и тогда мое артиллерийское чувство будет полностью удовлетворено, я засыплю тебя шрапнелью своих слов, не пожалею артснарядов для привлечения тебя на свою сторону, но помни, что если ты будешь держаться от меня на прежней дальности, то клянусь тебе снарядом № 2: захвачу тебя в 2-х деленную вилку, и тогда прямое попадание будет 100 %».

Я даже не знаю источников возникновения этого послания. Каким путем оно попало в училище, является загадкой. Правда, в училище можно всему научиться, и командирским знаниям, и хорошим песням, и культурному отдыху. Хороших песен здесь разучили немало. Запишу хотя бы такую:

Ты ждёшь, Лизавета,
От друга привета,
Ты не спишь до рассвета,
Всё грустишь обо мне.
Одержим победу,
К тебе я приеду
На горячем боевом коне.

Приеду весною,
Ворота открою.
Я с тобой, ты со мною

200 Так в документе, вероятно, *наблюдательный пункт*.

Неразлучны вовек.
В тоске и тревоге
Не стой на пороге,
Я вернусь, когда растает снег.

Моя дорогая,
Я жду и мечтаю,
Улыбнись, повстречая,
Был я храбрым в бою.
Эх, как бы дожить бы
До свадьбы-женитьбы
И обнять любимую свою.

А вот еще одна: **«ДЕВУШКА В ШИНЕЛИ БОЕВОЙ»**

С нами шла без страха на врагов,
За народ, за наш родимый кров,
Смелая и ловкая, шла вперед с винтовкою,
Славная любимица бойцов.

Припев:
Пусть пройдут года, прошумят года,
Но запомнится мне навсегда
Твой голос ласковый, родной,
Взгляд веселый, дорогой,
Образ девушки в шинели боевой.

Помню день, когда был жаркий бой, –
Был я ранен пулей разрывной,
Ты себя прославила,
Друга не оставила,
Девушка в шинели боевой.

Припев.

Ты плечо подставила свое,
Сквозь огонь и дым прошли вдвоем,
Выручила, милая,
Нежная, любимая,
Имя не забудется твое.

Припев.

И теперь, когда я стал здоров,
Вновь громим с тобою мы врагов,
Стали неразлучными
И друзьями лучшими,
Мы сроднились в зареве боев!

Припев.

20 марта

Сегодня занимались уборкой снега у дверей училища. Смеялись, кидались снегом, было очень весело. Вдруг мы увидели машину. Это, оказывается, приехал н[ачальни]к училища и его заместитель. Увидев их, мы еще старательней стали чистить снег. На улице пробыли часа полтора, а затем, наскоро поужинав, пошли в кино. В городском кинотеатре нам не понравилось. Вид какой-то неприятный. Не знаю почему, или оттого, что он ремонтируется, или еще от чего. Смотрели фильм «Котовский». Роль Котовского играет артист Мордвинов, который играет роль Арбенина в фильме «Маскарад». Здесь его роль и игра неподражаема. Фильм, несмотря на то, что освещение было плохое, очень понравился. Вышли довольные, домой пришли быстро. У нас в батарее, вернее наверху, играл оркестр, и курсанты танцевали. Мы сразу же устремились наверх, но танцевать не пришлось, т. к. объявили построение в баню. До бани шли с песнями. Наш взвод пел только один, и пели новые песни. Пели очень хорошо. Придя в баню, очень разочаровались: мылись на 2 группы, но вода была холодная, а поэтому одна группа вымылась, а другая нет. И я в том числе. Пока мылась та группа, мы сделали себе «отбой», и, растянувшись кто где, мы заснули «безмятежным сном». Домой вернулись в половине 3. Сразу же разделись и залегли спать.

21 марта

Опять воскресенье! Сегодня нам разрешили разобрать свои вещи. Все, конечно, развернули свои мешочки. И поднялась целая суматоха, кто примеряет пальто, кто шапку, кто рассматривает платье и т. п. вещи. Вещи взволновали всех своим воспоминанием. Как они напомнили прошлое, жизнь дома среди родных, о своем любимом городе. Разобрав вещи, отнесли их в коптерку[201] на хранение. После обеда смотрели фильм «Антоша Рыбкин». Играют артисты Чирков, Ладынина, Крючков. Фильм очень понравился. Много смешных, веселых эпизодов.

201 В тексте ошибка, вероятно, *каптерка.*

24 марта

За эти дни ничего особенного не случилось. Получила лишь письмо от Люды Лобановой. Содержание напишу более или менее подробно. Работа на з[аво]де идет по-прежнему. Бригада Малыкина изменила свой состав, т. к. ребята очень часто болеют. Пишет, что надоело работать и очень завидует мне. Ну что ж, я с ней вполне согласна. Да, еще пишет, что Аня Рогожкина написала письмо от нашего имени Гедговду. И, видимо, очень неприятное по содержанию. Ну, я думаю, что это уже слишком. К чему это заниматься такими пустяками. Он хотел послать ответ. Интересно, что бы он написал. В общем, я против Аньки. Ну да, конечно, у ней хватит на что угодно «совести».

26 марта

Еще вчера вечером заступили в караул по училищу. Я караульный поста № 2 3-й смены, охраняю бензосклад. В караульном помещении дымно, оттого что печка плохо топится и дымит. Все, кто не занят на посту, спят, улегшись на грязные матрасы. В общем, очень скучно.

28-е марта

Воскресенье! Я опять в наряде. Вот везет, как выходной день, так мне идти в наряд. О сегодняшнем дне запишу позже. Продолжаю: до обеда успела посмотреть фильм «Очарован тобой» американского содержания. Веселая, смешная комедия.

29-е марта

Получила 2 письма: одно из дома, другое от Аси. Ася изменила свой адрес и по этому поводу написала небольшую записку. Письмо из дома меня очень обрадовало тем, что Карл теперь живет дома. Каким образом он перебрался домой, не знаю, но я очень рада за него. Вместе с ним пишет несколько строк мама. Как приятно читать эти дорогие для меня слова! Мама пишет, что живут хорошо и очень довольна Карлом. Он ей помогает по хозяйству. Ну и замечательно! Больше для меня ничего не нужно. О Володе ничего не пишут и не знают его адреса. Очень жаль.

4 апреля

Сегодня запишу о вчерашнем событии. Вчера, когда мы шли с улицы, с занятий по (строевой подгот[овке]) тактике, меня, Валю Аверкиеву (Роберта) и Манторову Веру позвал наш командир взвода и сказал нам, чтоб мы были готовы к почетному караулу ввиду смерти заместителя председателя Облисполкома Денисова. Мы, конечно, стали собираться, а все курсанты батареи ушли в баню. Мы с Робертом сходили умылись, пришили чистые, новые подворотнички, почистили и пригнали форму. В 6 часов 30 минут пошли

на инструктаж в Ленкомнату. Инструктаж проводил ком[андир] 13 батареи ст[арший] л[ейтенан]т Очков. Затем, наскоро поужинав, пошли к месту своего нахождения. Нас было 16 челов[ек]. Вместе с нами были ст[арший] л[ейтенан]т Очков и наш л[ейтенан]т Шмитков. Пришли в здание Облисполкома, но покойника там еще [не] было. Мы разделись и приступили к тренировке около стола в зало[202]. Около стола стоять должны были по 4 человека: двое у головы и двое у ног. Я стояла с правой стороны у ног, а напротив меня стоял Роберт. У меня получалось сначала неважно, лишь потому, что я нервничала, но потом это все прошло. Покойника привезли только в 10 часов вечера, и мы заступили в караул. Стояли по 30 минут по стойке «смирно». Стоять было легко, когда нас сменили ребята, было уже 3 часа. До этого, когда еще не было покойника, приезжал н[ачальни]к училища, полковник Капустин, п[олковни]к Подольский и п[олковни]к Марков. В три часа мы расположились спать, улегшись на ковер, разостланный на полу. Спали до 6 часов 20 минут. Разбудил нас лейтенант. В 7 часов мы заступили в караул. Когда нас сменили ребята, мы пошли завтракать. С завтраком получился небольшой скандал: нам дали недоварившего[203] супа, ели наспех, обжигаясь и глотая сырую лапшу. Ждать было некогда. В 10.45 наша смена сменила курсантов 1 училища, в это время в почетном карауле стоял генерал-майор, н[ачальни]к 1-го училища. Время летело очень быстро. Стояли по 15 минут. Играл оркестр. Ходили люди, но мы стояли не шевелясь. В свободное время сидели в комнате, рассказывали разные истории и смеялись. Очень много рассказывал ст[арший] л[ейтенан]т Очков. Он рассказывал о своей учебе и жизни в училище в гор. Тифлис. Несмотря на то, что был траур, мы смеялись. В 14.30 мы окончили свою вахту и ушли домой. Пришли, пообедали и легли спать. Спали до ужина. Очень хорошо выспались. После ужина было общедивизионное собрание. Проводил полковник Эйхман. Он говорил о задачах, стоящих перед нами. Слова его захватывали за сердце, и хотелось дать твердое слово о том, что мы окончим училище и выйдем достойными командирами, станем на защиту своей страны и будем биться мужественно за ее существование.

4 апреля[204]

Подъем, как обычно, в 8 часов. До завтрака чистили снег. После завтрака продолжали это занятие, а затем прямо, не заходя в помещение, пошли в тир. Стреляли из нагана. Я выбила 5, 6, 7, а в общей сложности 18 очков из 20 возможных. До обеда смотрели фильм: «Сталинград». Как жутко видеть все разрушения прекрасных домов, улиц, площадей. И мерзко смотреть на эти отвратительные физиономии подлых бандитов. Хочется поскорей научиться

202 В тексте ошибка, правильно, *зале*.
203 В тексте ошибка, вероятно, *недоваренного*.
204 В тексте ошибка, вероятно, *5 апреля*.

военному делу и бить их с такой силой, чтоб в будущем они не полезли к нам. После ужина были танцы, но я на сей день была опять в наряде. Я даже не предполагала, что буду в наряде, но Лобова принесла освобождение, а вместо нее пошла я. Очень досадно, но ничего не поделаешь. Ст[арший] сержант приказала, а ты исполняй. В армии приходится придерживаться правила: «побольше рассуждай и поменьше критикуй». Это выражение я позаимствовала у Шевченко из его книги «Дневник». Он ведь тоже 10 лет был солдатом, а поэтому его замечания вполне справедливы. Писем давно не получала. Не знаю, что они не пишут. Верно, весна действует так же, как и на меня. На меня же действует с особой силой. Еще бы? Кругом тает снег, у нас во дворе почти везде земля, деревья набирают больше влаги и воздуха, готовясь озеленить свои стволы молодыми побегами и зеленью. Скорей бы наступало это время, а вместе с ним…[205]

Во взводе творится неразбериха. Путинцеву Томку очень наругал л[ейтенан]т, и снял с занимаемой его[206] должности – редактора боевого листка. Вместо нее – Золотарева. Вот она взвилась, дошла даже до слез. Ну и глупо же! Что заслужила, то и получай. Нужно было взяться за работу, а не кичиться славой художника. Это будет ей хорошим уроком в жизни.

6 апреля

Сейчас идет урок связи, но преподавателя нет, причин его отсутствия не знаю. В общем, второй час бездельничаем, вернее, занимаемся кто чем хочет. Опишу картину, происходящую в классе. Ряд курсантов, такие как Окишева, Кашпок и др., старательно занимаются, Роберт (Валя Аверкиева) пишет письма. Мы, т. е. я и моя соседка по парте Валя Татарчук, сидим обмениваемся впечатлениями о своих дневниках, думаем, как лучше их вести, и вообще, занимаемся болтологией. Валя Татарчук, украинка, живая, веселая, как и все украинки, девушка. Учится хорошо. Нарисую ее портрет: невысокого роста, полненькая, черноволосая, с бойкими черными глазами. Простая в обращении и всегда оказывающая помощь как в учебе, так и материально окружающим ее людям. Если б было больше таких курсантов, то наш взвод наверняка был бы передовым во всех отношениях.

Продолжаю: на столе стоит радиостанция. Около нее собрались курсанты Гагарина, Гребнева и Великая. Они старательно разбирают устройство рации, а вот другая группа курсантов сидит тесным кругом, а в середине стоит самый маленький курсант Маслова Галина и ведет речь, вспоминая школу, своих друзей. Эти воспоминания очень веселые, и от этой группы то и дело раздается смех. Как всегда, Маслова, где бы она ни была, найдет причину рассмешить других и посмеяться самой. Правда, она даже ухитряется смеяться и на занятиях, во время объяснения нового материала.

205 Отточие автора.
206 Вероятно, *ею*.

<…>

В моем дневнике теперь частенько будут встречаться коротенькие записи о людях, о их поведении. Эту хорошую мысль мне дала Валя Т. Правда, хоть будет некоторое разнообразие. Может быть, некоторые характеристики будут неточны или ошибочны, ведь я точно не знаю, что у каждого на «душе», но постараюсь описывать вернее.

Небольшое, но многозначащее для меня событие. Мне послали из дома бандероль и записку. В бандероли прислали: тетрадь, 4 воротничка, иголку, 100 руб. денег. Еще папа пишет, что посылали ручку с пером и карандаш. Ну, это неважно, верно выронили. Очень ценны деньги, т. к. у меня в настоящее время не было ни копейки. А, в общем, я очень благодарна папе. Написала им сегодня 2 письма и одно письмо Зое. Остальная часть дня прошла как и обычно.

<…>

7 апреля

После 4-х уроков огневой подготовки мы, т. е. я, Роберт, Лобова и ст[арший] сержант Манторова, и еще курсанты с первого и третьего взвода пошли в баню. Строй вела Манторова. Вымылись быстро, но потом задержались в парикмахерской, побрили шеи, осветлились, некоторые даже умудрились сделать маникюр. Вернулись уже к обеду. Еле-еле успели раздеться, как объявили построение на обед. В первый час самоподготовки был урок артренажа, проводила курсант Гребнева. До этого я чуть было с ней не поссорилась, и причина этому очень глупая: я дежурила по классу. Она попросила достать два бинокля, но дежурного по батарее не было: она ушла обедать. Я сказала ей об этом, но она в форме приказа сказала, чтоб я сходила за ней. Я ответила, что она сама быстро придет, в ответ на это она повысила тон, но я ответила, чтоб она тона не повышала, что я сама знаю обязанности и схожу, если нужно. В наш разговор вмешались Москвичева и Подыниногина. Я, чтоб не спорить с ними, отошла к своей парте и стала складывать книги. Гребнева в это время принесла бинокли. На уроке я ничего не слушала, т. к. переписывала конспект по матчасти. В остальные часы самоподготовки составила конспект по Б.уставу[207] пехоты, ч. 1. После ужина было общебатарейное собрание, проводил комбат. На собрании я не была, и лишь потому, что пришлось вытирать пол в колуаре. Очень смешно получилось: я принесла ведро воды для мытья пола и поставила около нар, взяла тряпку и залезла под нарами мыть. В это время наш к[оманди]р взвода проходил мимо и зацепил за ведро, вода разлилась по всему полу и потоки заставили обратить-

207 Вероятно, *Боевому уставу*.

ся в бегство, причем бегство было очень позорное. Кой-как выбравшись из этого низкого положения, я, не показывая своего вида, пришла в колуар и стала затирать. Л[ейтенан]т стоял у окна с сержантом Белоус, которая была чем-то расстроена и плакала. Белоус – командир 1-го отделения, украинка, с крикливым голосом. Черты лица мелкие, но красивые, волосы носит кверху, умственные способности необширны, часто не понимает очень простых вещей. Особенно у ней страдает артиллерия. Как с ней не бьются, ничего не получается. А так, как будто бы ничего. Была на фронте командиром сандружины. Часто рассказывает о своей жизни в этот период. Я сначала не могла терпеть ее криков, а теперь просто их не замечаю. Она очень любит дать приказ, накричать. Это может быть еще и оттого, что она не знает жизни, не имеет опыта в работе с людьми, ведь ей еще девятнадцать лет. Может быть, в дальнейшем она поймет свои ошибки и будет действительно хорошим командиром. Получила письмо от Зои.

8-е апреля

Опять было четыре урока огневой подготовки. Занятия проводил комбат. Он рассказал очень много нового и интересного материала. Из его уроков можно очень многое взять. Я даже хочу сделать конспект по его материалу. Интересно, что же у меня осталось в голове? После огневой подготовки была топография. Ходили в поле. Работали с приборами: мензула, стереотруба, буссоль и т. п., было очень хорошо, несмотря на то, что было очень грязно на улице. Я, выйдя из подразделения, сразу же начала «беситься», дурачиться. Почти ничего не делала, подойду, лишь слегка посмотрю, что делают другие и отхожу дальше. Вместе с Валей Татарчук пошли на последнюю точку, где стояла веха, и весь путь бежали почти бегом. Пели песни, смеялись, наблюдали из бинокля расположение поста «ВНОС» (воздушное наблюдение, оповещение, связь). Там учатся и работают тоже девушки. Они обучаются на зенитчиков. Живут в землянках. Меня очень интересует их жизнь и учеба. Ведь они живут в совсем других условиях, чем мы. Я думаю, что им труднее.

После обеда всем сделали прививки против брюшного тифа. Ну мы и так не заболеем. Ведь мы не ходим никуда, чтоб можно было где-нибудь заразиться, а здесь все здоровы.

Запись сегодня получается какими-то обрывками фраз. Нет абсолютно никакого смысла. Мысли прыгают очень быстро, и, поддаваясь их скачкам, пишу бессмысленно. Писала, писала о занятии по топографии, не окончив, начала писать совсем о другом. Что со мной? Опять меланхолия? Или просто устала на сегодняшний день? Вернее всего последнее. Ну не буду долго об этом писать, а лучше продолжу о занятии. Занимались мы в районе ипподрома, как обычно, и любовались видом раскинувшейся Пензы у подножья

этой горы. Вид был прекрасен, несмотря на то, что дома казались игрушечными коробочками. Наблюдали город в бинокль. Вид был живописен еще и оттого, что с гор исходил голубой туман, закрывающий самую дальнюю окраину города. Все это навеяло воспоминания о далеком родном городе, вспомнился дом, родные, и так захотелось к ним, посмотреть, как они живут и, вообще, какие изменения произошли за истекшее время. Любопытно! Но невыполнимо.

Возвращались усталые, но довольные. Шла с Митрофановой. Она жаловалась на свои зубы и рассказывала, что была в больнице того городка. Разговаривала с курсантом мин[ометного] училища, который был на фронте, а затем учился здесь в училище. С его слов передала много различных историй и эпизодов войны. Так, разговаривая всю дорогу, пришли в батарею.

Получила письмо от Нади. Пишет, что у нее болит нога и она, по ее выражению, прыгает «на одной ножке». Жаль! Вот не везет ей в жизни. Вечером с капитаном занимались политподготовкой.

9 апреля

Опять ходили в поле. Занимались трассировкой и разбивкой НП и КНП. Занятия проводил наш командир взвода. Было как всегда весело. Много смеялись и дурили.

<…>

<…> напрашивается вывод: если ты будешь работать с людьми, то больше всего следи за собой, и никаких мельчайших несправедливых поступков не делай. Нужно взять за правило: ко всем относиться равномерно и справедливо, заслужить доверие у своих подчиненных и иметь хороший авторитет как среди бойцов, так и у других командиров.

10-го апреля

Сегодня учебная погрузка на ст. Пенза 1. Грузили матчасть, лошадей и личный состав дивизиона. Наш взвод, как и все, был с противогазами, но, кроме того, мы взяли винтовки. Правда, винтовки взяли без штыков. Шли в составе дивизиона по главной улице Пензы. Население, как обычно, смотрело на нас с большим любопытством, как будто бы мы свалились с Луны и имеем вид зверей. Нас это любопытство лишь подзадоривало. Мы шли хорошо, почти весь путь пели песни, причем пели хорошие песни и хорошо пели. За что и получили благодарность от командира взвода. Когда была погрузка, то мы просто стояли и наблюдали. Сначала грузили лошадей. Погрузку проводил взвод к[оманди]ра Щербакова из 13-й батареи. Они свою задачу выполнили быстро и хорошо. Затем была погрузка матчасти. Грузили две

76-мм пушки и два передка. Здесь было гораздо труднее, и в последнюю очередь была погрузка личного состава. Эту погрузку мы делали сами, т. е. наша батарея в составе 1 и 2 взводов; залезли в вагон, а затем прыгали из него. Я прыгнула очень неудачно, прыгнула на пятки и стрясла себе все внутренние органы. После того, как разгрузились, сразу же пошли обратно. Когда была погрузка, мы лишь смотрели, а поэтому занимались разговорами. Стояли разговаривали абсолютно обо всем. Субачева, к[оманди]р 3-го отд[еления], выразила свое недовольство нашим помкомвзвода[208], а вместе с ней и Митрофановой. Я с ней вполне согласна. Их поведение становится вызывающим, а поэтому нетерпимым.

Да, я совсем забыла записать последствия после уколов. У всех сильно болели спины, была некоторая температура и общая слабость. Вчера целый день стонали, а более слабые улеглись в постель. В нашем взводе «валялись» лишь помкомвзвода и Путинцева, а в первом взводе было больных в два, а то и в три раза больше. У меня прошло сравнительно хорошо. Вчера, правда, было больно спину, но я не хныкаю. Что толку? Ведь этим ничему не поможешь. Настроение сегодня опять бодрое, ничего не болит. Больных сегодня почти нет, за исключением двух-трех человек со всей батареи.

11 апреля

Ходили на выполнение боевой задачи, которая состояла в поверке документов у населения. Еще вчера нас предупредили, что подъем будет в 3 ч. ночи и объяснили обстановку. Все спали настороженно, и еще не было 3-х часов, а уже половина курсантов была в полной готовности. Я проснулась за 15 мин., оделась и стала собираться к выходу. Подъем был спокоен и без суматохи, уже через минут 8-10 завтракали. За завтраком нам дали и ужин: белый хлеб и масло. После завтрака мы построились и вышли под руководством комбата. Дошли до перекрестка улиц М. Горького и Кировградская. Здесь остановились и стали ждать командиров, которые были на инструктаже. Когда пришли командиры, командиры взводов, ст[арший] л[ейтенан]т Полоса, к[апита]н Жабон и трое младших командиров: ст[арший] сержант Манторова, Зейферт и сержант Субачева, было уже около пяти часов, и мы пошли к нашему объекту действий. Здесь сначала разбились повзводно, а затем наш взвод разбился по отделениям, и все разошлись по своим участкам. Наше отделение действовало под руководством нашего к[оманди]ра взвода. Выставили патрули на каждый угол, а мы, т. е. наш л[ейтенан]т, Лялькина, Митрофанова, Путинцева и я, пошли по домам. Л[ейтенан]т заходил в квартиры, а мы с Путинцевой лазили на чердаки, смотрели во все закоулки, а затем набрались смелости и стали ходить по квартирам. Нас встречали вежливо и приветливо. Этот обход закончили очень рано,

208 Здесь и далее – *помощник командира взвода.*

в 9 часов, а предполагали прийти домой лишь к 8 часам вечера. Окончив работу, собрались около моста, где стоял наш патруль. Дожидаясь, пока кончат свою работу другие взвода, мы уселись на бревна и стали петь песни. К 10-ти часам пришел комбат со старшиной, а вскоре пришел и первый взвод. Подошли с песнями и шумом.

В батарею вернулись уже в 12 часу, вычистили винтовки и «по отбою» легли спать. Спали три часа. Перед обедом посмотрели фильм «Салават Юлаев», а уже после обеда, который был в 6 часов, почти сразу же был отбой. Так прошел сегодняшний день. Мы ждали от него большего, т. к. нас предупреждали об опасности, а все оказалось так легко и просто. И каждый раз так получается: сначала напугают, а затем все окажется ерундой.

13 апреля

Вчера была в наряде, часовым у мин-парка[209]. Записывать ничего не буду, т. к. ничего интересного не было, за исключением того, что приезжал полковник Эйхман и провел дивизионное комсомольское собрание. Правда, на собрании я не была, а поэтому ничего не смогу записать. Сегодня по артиллерии проводили стрельбы. Мне удалось пострелять. Испортила одиннадцать винтовочных патронов. Было очень хорошо, несмотря на хмурую погоду. Орудие вместе с передком везли на конной тяге. Нам дали двух лошадей для занятий по артиллерии и тактике. На тактике мы выехали в поле. Я была в орудийном расчете под командованием Томы Великой. В расчет входили: сержант Подыниногина, Басмакова, Зоя Шабалина, Лялькина и я. В нашу задачу входила борьба с танками и движение на марше. На привале привели орудие к «бою», а затем вернулись домой, вычистили орудие и передок. В батарею пришли почти к обеду. Начало самоподготовки вышло каким-то событием: всех выстроили и, кто запоздал в строй – лейтенант перед строем отчитал порядком. Я все время стояла и злилась. Вообще в последнее время у меня появилось какое-то раздражение (особенно зла на к[оманди]ра взвода). Он ведет себя очень странно по отношению к нашей «троице», поведение которой вызывающе и возмутительно. Хочется мне о них записать побольше, но пока воздержусь. А то еще выйдет какая-нибудь неприятность.

14 апреля

Сегодня, как и вчера, занимались стрельбой винтовочными патронами из нашего орудия. Я стреляла очень удачно. Сделала три выстрела, последним выстрелом разбила танк. Разбила самым настоящим образом: вверх полетели «борта» и «башня». Я была очень довольна. Первая группа отстрелялась и ушла в батарею, а нас осталось человек 15-16. Домой возвращались

209 Вероятно, *минного парка.*

усталые, но довольные, пели песни, смеялись. Строй вела Окишева, она повышала тон, приказывала, но мы не обращали на это никакого внимания, хоть один раз подурачиться. Правда, ей это не нравилось. Ну, еще бы! Ведь она человек «серьезный» и шуток не любит. Вообще, она славная дивчина, но от своих успехов она возгордилась и стала много на себя брать лишнего.

15 апреля

Вот опять уже две недели прошло, а как незаметно пролетело это время. Кажись, давно ли мы обманывали друг друга в самый первый день апреля, а вот уже и пятнадцатое.

Да, правда говорили, что последние два месяца пройдут быстро и незаметно. Итоги пройденного месяца еще не подведены, но чувствую, что в этом месяце будут гораздо хуже. А это видно из того, что зачет по топографии сдала лишь только на «хор.», и вчера по стрельбе получила тоже «хор.». Сегодня дело еще хуже. По стрельбе получила 0-попадание, чем обеспечила себе «пса».

<…>

Получила письмо от Аси. Содержание запишу коротко. Пишет, что кончают второй курс обучения, и с 1-го июня будут сдавать гос[ударственные] зачеты. Кроме того, пишет мнение своих командиров о девушках-курсантах. Из Свердловска писем не получает. Ее письмо я прочитала всему взводу, и где касается курсантов, смеялись.

16 апреля

Сегодня были занятия по тактике: 45-мм орудие в насупат[ельном] бою. Написали распоряжение за к[оманди]ра орудия, и в свободное время сидели, разговаривая о всякой всячине. Преподават[ель] тактики ст[арший] л[ейтенан]т Белоусов рассказывал о своей жизни, о времени, проведенном в арт[иллерийском] училище. Его рассказ был очень интересен и весел: много смеялись.

<…>

Получила письмо от Зои. Пишет о себе, о учебе. Послала иголку. Я, конечно, очень обрадовалась как письму, так и игле. После обеда, на самоподготовке, объявили химическую тревогу. И нам волей или неволей, пришлось надеть противогазы и заниматься в них. Вечером, после ужина, наше отделение ходило заниматься строевой подготовкой на улицу. Занимались без шинелей, с противогазами. Командовали попеременно. За нами наблюдал

к[оманди]р дивизиона подполковник Яскин, в конце к нам пришел наш к[оманди]р взвода. В это время как раз «взводом» – отделением командовала я. Конечно, не обошлось без ошибок, но, как говор[ится], на ошибках учимся, а поэтому я не теряюсь. В конце занятия потренировались в одевании противогаза. Занятием остались очень довольны, и пришли к решению заниматься ежедневно после ужина. Это принесет гораздо больше пользы. Сегодня к[урсан]т Кравцова заполняет красноармейские книжки, а поэтому около стола много шума и гула. Да, дело близится к концу, и, по словам других, нам скоро выдадут новое обмундирование. Гимнастерки мы уже видели на выпускниках, они имеют форму: со стоячим воротником и без карманов, а самое главное то, что нам дадут сапоги. Неприятное известие: на вечерней поверке наш комбат зачитал приказ н[ачальни]ка училища о переводе пом[ощника] ком[андира] 3-го взвода Зейферт Ирины в рядовые курсанты с удалением в 13 батарею. Причину не сказал, но все очень ясно и без разъяснений.

17 апреля

Занятия проходили в классе, за исключением строевой подготовки, которую проводили на улице. Как всегда построились, взяли с собой ручной пулемет и пошли в парк, что находится напротив нашего училища. Придя в парк, выбрали площадку, уселись поудобней, расставили пулемет и стали заниматься…[210] болтологией, вернее, к[оманди]р взвода предупредил нас о предстоящих зачетах, о приближении конца занятий и т. д., беседа была поучительной и необходимой, т. к. некоторые курсанты забылись и делают то, чего не нужно. Только провели беседу, вернулись в батарею, и тут же на занятии по связи нахватали двоек. Это лишний раз доказывает наше отношение к учебе и борьбу за честь взвода, батареи. Иногда бывает просто стыдно как за себя, так и за других, но, как говорится, «один в поле не воин», и действительно, получается так. Сегодня у меня произошло небольшое столкновение, вернее, дружеская беседа с нашим командиром взвода. Случилось это так: придя с ужина, я сначала хотела улечься спать, но т. к. я иду в наряд, то раздумала и села записывать вчерашние события в сию тетрадь. Только поудобней расположилась и начала писать, как вдруг подходит к[оманди]р взвода и смотрит, что я делаю. Я, конечно, малость растерялась и убрала поспешно тетрадь. На его вопрос, что я делаю: пишу письмо или еще что, я ответила, что так просто сижу и бездельничаю. Но он лукаво улыбнулся и спросил: что я пишу, дневник? Мне пришлось сознаться. Тогда он попросил дать ему прочесть, но я пришла в ужас. Меня пугает мысль о том, что кто-нибудь нечаянно натолкнется на эту тетрадь и прочтет всю мою глупую болтологию. Ведь в этой тетради я не стесняюсь и пишу откровенно обо всем, что я думаю и

210 Отточие автора.

как я оцениваю поступки других, и, конечно, дать прочесть лейтенанту я не могу. А, между прочим, его это заинтересовало, да и понятно: я сама с большим любопытством и интересом читаю чужие дневники. А он тем более как командир должен знать, чем занимаются его воспитанн[ики].

Стоя у каптерки в наряде, познакомилась со своей землячкой из 14 батареи. Вышло знакомство как-то случайным: стояли, разговаривали, и вдруг оказалось, что мы с одного города. Ну, как обычно в этих случаях, вспомнили свой город, более знаменитые местечки, расположение улиц и т. д.

18 апреля

Подъем был в 5 часов ввиду того, что ходили в баню. Из бани вернулись уже в половине одиннадцатого, но зато вымылись на славу. После завтрака, который был в 11 ч., ходили в каптерку и сдавали свои вещи пом[ощнику] старшины, а затем я с группой курсантов ходила в тот городок за кинокартиной. Принесли аппарат и пленку. Должна была демонстрироваться кинокартина «Свинарка и пастух». Я ее видела несколько раз, но здесь вспомнить прежнее хочется еще раз. После обеда скорыми темпами поднялись наверх и приготовились смотреть фильм, но, увы, нас постигло разочарование…[211] просидели около полутора часов, но, так и не посмотрев фильм, вернулись к себе в батарею. А теперь идем ставить себе уколы. Как ни противно, но придется. Пока ждали киносеанса мы рассказывали устройство 76-мм пушки. Сидели мы с Великой, Шабалиной и Татарчук. Я еще не записывала свое мнение о Тамаре Великой и теперь постараюсь коротенько записать свои наблюдения. Черноволосая, высокая, плотная девушка, с упрямыми и настойчивыми чертами лица, аккуратная, стремящаяся как можно лучше усвоить те знания, которые нам дают. Она очень настойчивая, если уж захочет что сделать, то добьется своего. Она училась в Архангельском морском техникуме два года, плавала на судне в роли штурмана. С первого взгляда производит хорошее впечатление, которое уже закрепляется с течением времени. По национальности она украинка, но о своих родных сейчас ничего не знает. Несмотря на личные неприятности (потеря родных и др.), не унывает и голову не весит. Очень культурная, выдержанная во всех отношениях. Одним словом, мои симпатии полностью на ее стороне. С ней у меня хорошие, дружеские отношения, и это лишь благодаря тому, что я меньше стала обращать внимание на мелочи и сплетни.

Валей Татарчук начинаю разочаровываться, т. к. она начала курить. Причем курителей у нас теперь ровным счетом половина взвода. Все, даже от которых меньше всего ожидала этого, стали курить. Например: Окишева, Татарчук, Маслова, Золотарева и др., я просто не могу понять, что их заставляет курить? По-моему, просто балуются, но это-то баловство ни к чему хо-

211 Отточие автора.

рошему не приведет. Я пока что стою против «заболевания курильщиков» и постараюсь не воспринимать это, несмотря ни на что. Пусть хоть какие будут неприятности, но не надо поддаваться их действию и распускать себя, доходя до курения. Вечером были танцы. Я танцевала с Томой Великой, Валей Аверкиевой, после танцев было кино: «Свинарка и пастух». Я ее несколько раз смотрела еще дома, но этот фильм никогда не устанешь смотреть. Здесь игра артистов захватывает тебя целиком и полностью. Здесь участвуют мои самые любимые артисты: Марина Ладынина в роли свинарки Глаши Новиковой и Н. Крючков в роли колхозного парня. Отбой был в 1 час ночи.

19 апреля

Подъем по новому расписанию в 5 ч., после вчерашнего отбоя, конечно, не выспались, и чувствуем себя неважно. Спим прямо «на ходу». Что значит привычка! Привыкли вставать в 6 часов, чувствовали себя прекрасно, а теперь пока что спим. Но это все, конечно, пройдет. Привыкнем и к новому распорядку. Кроме того, что изменилось расписание, произошло еще одно изменение. Нам сегодня хотели сменить шапки на синие береты, как это сделали в 13 батарее, но видя наши недовольные физиономии, к[оманди]р дивизиона пошел к н[ачальни]ку училища с просьбой дать нам пилотки. Что из этого выйдет, не знаю, но мне кажется, что в пилотках мы будем выглядеть гораздо лучше, чем в беретах

24 апреля

Наши надежды не оправдались, и мы получили береты, но, по правде говоря, в беретах очень красиво, а особенно, когда строй идет без шинелей. Береты носим по-ухарски, как нам сказал н[ачальни]к училища, когда мы были на строевой подготовке. Да, чтоб не забыть, я в числе 12 человек из нашего взвода буду принимать участие в первомайской демонстрации в сборной батарее. А теперь идет подготовка, ежедневно по 1,5-2 часа занимаемся на плацу строевой подготовкой с винтовками и подсумками.

Расписание осталось прежнее, но теперь перед завтраком есть еще один час самоподготовки, который мы, правда, расходуем нерационально.

25 апреля

Какая же я стала рассеянная! Записываю в дневник чуть ли не в неделю раз, и, вообще, не занимаюсь наблюдением окружающих. Правда, это частично и от того, что времени нет (как-никак, а строевая подготовка ежедневно отрывает 1,5-2 часа) и, кроме того, лень появилась на моем горизонте. Но это быстро пройдет. Ведь приближается великий праздник дня 1-е Мая, интересно, как мы его встретим и проведем. Правда, нам сделали кой-какие подарки к маю в виде смены шапки на берет, выдачи чулок и туалетного мыла.

Не сегодня завтра нам выдадут сапоги, но летнего обмундирования нам не дадут. По предположениям комсостава, праздник должен пройти очень хорошо. Я, кажется, буду в почетной вахте, но точно не знаю.

А теперь запишу о выходном дне. Были тактические занятия по тактике 14 батареи. Занятия проходили хорошо, быстро, четко. На занятиях присутствовали н[ачальни]к училища п[олковни]к Эйхман и п[олковни]к Подольский, который приехал еще раньше. Мы были лишь зрителями и остались очень довольные.

29 апреля

<…>

Продолжаю другими чернилами. Опять пестрота получается, но делать нечего. Не хочется разводить чернил, а поэтому пишу, какие попадут под руку. Вечером ходили в тот городок для тренировки по физ[культуре]. 2-го мая должен быть физкультурный парад, а поэтому мы разучили комплекс упражнений. Вчера нам выдали сапоги, но я опять недовольна, т. к. сапоги большого размера 39 и болтаются на ноге. И все это лишь благодаря тому, что мы ушли на тренировку по строевой подготовке. Когда пришли, то все были уже в сапогах, и нам остались лишь большие размеры. С досады проклинаю все на свете. Сегодня всем участникам парада выдали новую летнюю форму: брюки и гимнастерки шоколадного цвета. Брюки хорошие, но рубашки отвратительные. Стоячий воротник, без карманов и не по размерам велики. В общем, мы сейчас выглядим «деревенскими парнями», и при этом очень смешными[212].

30-го апреля

С самого утра, т. е. с физзарядки, ушли в тот самый городок за лошадями. Сегодня занятия по тактике, а поэтому нужно 2 пары лошадей. Мы, т. е. Саша Сафонова, Саша Лялькина, Вера Гребнева и я, с нашим лейтенантом пошли за лошадями. Шли очень быстро, но на конюшне еще чистили и кормили лошадей. Мы пошли обратно за уздечками. В батарее ряд курсантов прибирали все, мыли полы, а поэтому все было перевернуто «вверх дном», но мы, наскоро заглянув и забрав стаканы, пошли завтракать. После завтрака опять пошли на конюшню за лошадями. Взяли лошадей, сена и пошли в наш городок. По дороге мы с Сашкой Лялькиной сели верхом, но поездка была неудачной, т. к. Лялькина упала с лошади на мостовую и, верно, очень ушиблась. Правда, она и виду не показала. На плацу нас уже ждали. Быстро запрягли, и мы с Сашкой уселись верхом. Я же не умею управлять и очень боялась, но все

212 Примечание на полях: *сапоги-то уже износились!*

вышло ничего. Сначала, правда, лошади меня не слушали, но потом освоились и поехали хорошо. Занятия были очень интересные: ПТО[213] во встречном бою. Нам, ездовым, часто приходилось уезжать от орудий, а потом быстро возвращаться и ехать дальше. Таким образом, я проездила целый день. На обратном пути случилось небольшое происшествие: пристяжная лошадь у первого орудия, которым управляла Лялькина, упала. Все очень испугались. Стали выпрягать, кое-как подняли, и орудие с передком выкатили на себе. Я очень боялась за свое орудие, но у меня вышло удачно. Остаток пути прошел благополучно.

Вечером было торжественное мероприятие, посвященное празднованию 1-го Мая.

1-го мая

Вот и долгожданный день настал! Как-то даже и не верится, что сегодня праздник. Никакого настроения, несмотря на то, что сегодня играли в волейбол вместе с курсантами курсов зам.батареи[214], танцевали под баян, играли. Я принимала участие в танцах, играх, но на сердце лежит камень, и так тяжело, что и выразить невозможно. Написала два письма: одно Зое, другое домой, но и это не помогло. Время тянется бесконечно, и не знаю, скоро ли закончится этот день. Почему мне сегодня так грустно, отчего же на сердце тоска? Ведь сегодня же нужно резвиться и дурить без конца! Без конца!

Наверху танцуют под пианино, но у меня нет никакого желания. Спать лечь нельзя, уроки учить не хочется. Хочется плакать, но почему-то немного стыдно. Оставлю на завтрашний день.

2-го мая

Сегодня опять ходили на выполнение боевой задачи, т. е. опять на поверку документов. Но сегодня стояли лишь на улицах, а в дома не заходили. Пробыли до 12 часов, а затем по приказу комбата оставили от каждого взвода по 6 чел., ушли домой. Я, придя домой, легла спать и проспала до обеда. После обеда был парад на площади училища. Н[ачальни]к училища зачитал первомайский приказ т. Сталина. Вечером заступила на почетную вахту, дневальным по КПП[215]. Вечер был чудный. Небо полно звезд. Из парка, что находится напротив КПП, доносились звуки музыки. Там был концерт и танцы. Из нашего училища доносились так же звуки оркестра. Был концерт самодеятельности, а затем танцы. Впереди, со стороны госпиталя, раздавались звуки репродуктора, передававшие первомайский концерт. В такой обстановке мы стояли с Робертом и мечтали о прошлом, а так же и будущем.

213 Противотанковое орудие.
214 Вероятно, *заместителей командиров батареи.*
215 КПП – Контрольно-пропускной пункт.

Все время проходили ребята с карантина, многие останавливались и разговаривали с нами. Рассказывали о своей жизни, о фронте, о своих друзьях.

3-го мая

Все идет как по маслу. Стоим у входа, смотрим на улицу и наблюдаем за «новоиспеченными лейтен[антами]». Им дана свобода! А ради этого они сегодня разбрелись по городу. Некоторые из них «под градусом». Мы очень рады за них, но очень плохо то, что их выпустили в обмотках.

Некоторые из них не растерялись и поменялись с ребятами из карантина на сапоги. Сегодня в карантин прибывает новое пополнение. Среди приехавших есть 2 моряка, один из них очень хороший парень. Это заметили все наши «девочки» и целый день крутились около карантина.

После обеда я почувствовала себя очень плохо: заболел живот, лихорадило. Девчата отпустили меня в батарею. Я, сходив в санчасть, пришла и легла в постель. Температура была высокая, даже вся кожа поднималась пузырями. Но потом я успокоилась и уснула. Проспала до утра хорошо. Утром было все хорошо.

7-го мая

С сегодняшнего дня начинается наше боевое крещение. Мы сдаем государственные зачеты. Начинаем сдавать с топографии. Я что-то очень боюсь. Ведь уже обучение закончено. Минимум через 20-25 дней мы должны выйти отсюда лейтенантами. Раньше я как-то не задумывалась над этим, а теперь, когда подошло это время, я начинаю трусить. Как знать, кем буду я по окончании училища? А вдруг из меня не выйдет лейтенанта?

8-е мая

Результатов зачета не знаю, но знаю, что сдали неплохо. Из 34 чел. 27 человек получили отлично, 8 хор[ошо] и 4 поср[едственно]. Начало недурное. Что будет дальше, не знаю. Сегодня произошло интересное событие: после ужина была показана кинокартина «Четвертый перенскоп[216]». Демонстрировали на улице. Было очень много народа, кроме нас были курсы и карантин, да плюс к этому мирное население. Сначала все было хорошо, но затем погода стала меняться. В воздухе стало душно, сверкали молнии. Но мы очень увлеклись фильмом, что и не обращали на это внимания. Вдруг разразился сильный дождь. Он был так внезапен, что все растерялись и не знали куда бежать. Мы с Тамарой Великой кинулись сначала к каптеркам, но там было уже переполнено, и мы кое-как примостились к уголку. Только успели выбрать позицию, как услышали призыв идти в батарею. Я стремительно помчалась, не разбирая дороги, и благодаря своим сапогам добралась благополучно до

216 В тексте ошибка, вероятно, *перископ*.

батареи, исключая, конечно, то, что форма моя была мокрая до костей. Когда собрались все, быстро была произведена поверка и отбой. Мы, конечно, были рады и постарались поскорей раздеться и повесить белье для сушки. Несмотря на неприятность быть мокрым, нам этот дождь очень понравился, и мы были довольны первой весенней грозой.

9-го мая

Продолжение вчерашнего дождя, а у нас первый урок матчасти на плацу. Береты сняли и отослали с Дьяковой, дежурной по классу, в батарею. Гимнастерки, не просохшие еще со вчерашнего дня, совсем размокли. Вид мокрых куриц, но мы все же не унываем и надеемся, что день будет хорошим. И, между прочим, наши надежды оправдались: день разгулялся на славу. Пока сидели и готовились к зачетам по стрелковому делу, природа приобрела надлежащий вид. Вечером обещают маевку в лесу. Что из этого выйдет, не знаю. Обо всем запишу завтра. У меня опять событие: поссорилась с Валей Татарчук. И все это произошло наиглупейшим образом. Даже писать об этом стыдно. Просто я себя презираю за это. Ну как можно быть такой невыдержанной? Уж сколько раз я себе давала слово не обращать внимания на мелочи и не принимать их близко к сердцу! Нет! Никак не имется[217]. Просто этим я себя ставлю в глупое положение, вмешаешься, скажешь резкость, а потом раскаиваешься. Интересно: скоро ли у меня будет ум? Наверное, уж никогда не будет, и все время я буду делать так. Глупая, сумасбродная девчонка! А ведь я должна быть командиром! А вдруг это будет только мечта?

13 мая

Писать некогда, т. к. «горячее» время настало, сдаем зачеты. Сдаем более или менее успешно. Сдали уже 4 предмета: топографию, связь, стрелковую подготовку, матчасть. Средний балл по каждому предмету: 4, 4,48 (по порядку), 4,2 и 4,64. Из цифр, как видно, недурно. У меня лично оценки неплохие, по словам к[оманди]ра взвода, три отлично и хор[ошо] по матчасти. Что будет дальше, пока что не знаю.

<…>

14 апреля[218]

Сегодня свободный от зачетов день. Сначала было три урока артиллерии, а затем 6 уроков огневой подготовки. Взяли с собой 2 орудия и уехали в лес. Культурно отдохнули, наговорились вволю, подышали свободно свежим лесным воздухом. За все время сделали лишь: карточку противотанкового огня,

217 Вероятно, *неймётся*.

218 В тексте ошибка, вероятно, *мая*.

постреляли из орудия минут 30 и прочитали приказ т. Сталина за № 195. Кроме того, л[ейтенан]т разбил взвод на 6 расчетов, которые и будут сдавать зачеты. Я попала во второй расчет вместе с Авой Подыниногиной, Валей Гагариной, Зиной Рудаковой, Кравцовой и Трофимовой. Расчет неплохой. Во взводе пока что все спокойно. Да, идет подготовка к нашему выпуску: заполняются личные дела, пишутся характеристики как по комсомольской линии, так и от к[оманди]ра взв[ода]. Нам дали распоряжение написать автобиографии. Скоро. Скоро конец!

15 мая

Весь день занимаемся на улице … (записывать некогда).

24 мая

Ну и время наступило! Почти десять дней не записывала, а было много кое-что записать. Зачеты сдали хорошо. Уже сдали девять предметов: политподготовку, артил[лерию], строевую подготовку и ВХД. 21-го мая были в карауле, сдавали зачет по уставам. Меня спросили на разводе, а все, кого спрашивали на разводе, получили хорошие оценки. Время течет очень быстро. Очень много изменений. С приближением конца наши «девочки» стали вести себя совсем, как лейтенанты. С к[оманди]ром взвода держат себя дерзко и вызывающе, не выполняют его приказы. Да и в самом деле, сам виноват: распустил сначала, а теперь трудно будет взять в руки.

25 мая

Сдавали тактику и ВИД. По тактике сдала на хорошо, а по ВИД на отлично. Тактикой очень недовольна, т. к. спрашивал наш комбат и не по предмету, а по огневой подготовке. А, в общем, напрашивается вывод, что им было просто лень принимать зачеты и они просто так ставили оценки. Общий балл взвода по тактике 4,51 и по ВИД – 4,64. Я просто «дурака валяю» и к огневой опять не готовлюсь. Осталось всего 2 предмета: огневая и АТД.

28 мая

Ура! Зачеты сданы самым лучшим образом. По огневой – хор[ошо], по АТД – отлично. Да, судя по оценкам, мы уже лейтенанты! Теперь уже готовиться ни к чему не нужно. Будем спокойно отдыхать до отъезда в часть. Заниматься чем-либо нет никакого настроения. Сегодня, когда мы сдавали АТД, присутствовал п[олковник]к Подольский. Он сел с нами и расспрашивал о нашей жизни, о том, что мы получили здесь, что мы еще плохо усвоили, и наметил путь нашей дальнейшей жизни. О том, куда нас пошлют, он еще не знает, т. к. наряда с Москвы еще нет, и что нам дадут в отношении обмундирования, тоже не знает.

29 мая

Я убита! Всей нашей радости пришел конец. Все наши мечты и иллюзии разбиты! И все лишь благодаря тому, что нас оставляют еще на 2 м[еся]ца. С утра пронесся слух об этом, но мы не верили и старались не поддаваться этому слуху, а стали ждать собрания, на котором бы все выяснилось. Собрание началось вовремя: мы собрались в помещении 13 батареи, а через несколько минут приехал н[ачальни]к училища. После приветствия он стал говорить о результатах учебы и сдачи зачетов. Начал говорить он издалека, сначала о весне, о погоде, а затем уже о зачетах. И в конце спокойным голосом заявил, что нас оставляют еще на 2 м[еся]ца. Эти слова были встречены гулом досады и недовольства. Более слабые курсанты расплакались.

Н[ачальни]к училища стал успокаивать, говоря, что эти 2 м[еся]ца пройдут так же незаметно, как и предыдущие. Я очень мало этому верю. Если б, конечно, в нашем взводе были хорошие, дружные девчата, все выглядело бы в ином свете, и не было бы так уныло и мрачно. В общем, настроение у всех подавленное. Я лично очень злюсь. Не знаю, что б я натворила, если б, конечно, это осталось без последствий.

Вечером наш взвод разделился на 2 группы, одна пошла в сад, а мы пошли в кино. Смотрели фильм «Леди Гамильтон» – английский фильм. Фильм мне очень понравился. Описывать впечатление не буду. Возвращались обратно не строем. С нами был наш л[ейтенан]т. В кино он почти все время спал, и мы, выйдя на улицу, посмеялись над ним. Дорогой шли разговаривали. О чем?.. да, все о том же, что больше интересует. Когда мы шли уже по нашему двору л[ейтенан]т спросил, как поживает мой дневник? Я ответила, что отлично. Л[ейтенан]т сказал, что он читал его. Его слова поразили меня, как громом. Вот уж никак не могла подумать. Ну и пусть, если что не нравится из записей, на меня не пеняет, т. к. я пишу для себя, а совсем не для того, чтобы еще кто-нибудь читал. А, в общем, очень досадно. Что он сует свой нос в чужие дела? Не всегда можно все знать о своих курсантах. Ну, если б ему очень хотелось прочесть мои глупые записи, взял бы и честно попросил. А дать прочесть было бы моим делом. Если б я нашла нужным, то дала бы, если нет, то на нет и суда нет.

30 мая

Воскресенье! После завтрака всем дивизионом под оркестр пошли в лес, на то же место, что и в прошлый раз. В лесу сразу же разбрелись кто куда. Мы с Машей Плаксиной пошли к оврагу под сень деревьев. Правда, мы с ней долго выбирали место и, в конце концов, улеглись на поляну перед лесом, т. к. в лесу было небезопасно в отношении различных червяков и букашек. Обнаружив вблизи себя жилище муравьев, мы перебрались на новое местечко, восточнее площадки в лесу, выбрали там удобное местечко под кустом

бузины и улеглись читать. Но все это стало надоедать, и мы пошли поближе к танцующим. Играл оркестр, но желающих танцевать было немного. Некоторые играли в мяч. Мы, т. е. я, Окишева и Великая, присоединились к одной группе. Здесь игра заключалась в том, чтобы не дать провинившемуся мяча. Если ж ему удавалось захватить мяч, то на его место вставал тот, кто кидал мяч и промахнулся. Мне пришлось три раза гоняться за мячом. Конечно, я немножечко устала, но была очень довольна. Еще до нашей игры в мяч приехал полковник Эйхман. В конце маевки он спросил, удовлетворяют ли нас такие прогулки. Мы, конечно, ответили, что да. Да и в самом деле, надоедает все время сидеть в батарее, хочется подышать лесным воздухом, побродить по лесу, нарвать цветов. А, кроме того, мне очень хотелось бы забраться на высокое дерево и обозреть с его высоты расстилающуюся панораму перед нашими глазами. Домой возвращались усталые, но довольные. Сразу же после обеда смотрели фильм «Котовский». Я его уже видела один раз, но опять смотрела с неменьшим интересом. Еще на прогулке п[олковни]к Эйхман обещал приехать и провести беседу на текущий момент. Свое слово он сдержал: беседа была после кино. Как обычно, слова его доходили до глубины души. Он говорил самым простым, понятным языком, и каждое слово само доходило до сознания каждого курсанта. После его бесед все становится ясным и понятным, и никаких уже невыясненных вопросов не остается.

<…>

1 июня

Получила письмо от Зои и была просто огорошена ее словами. Она пишет о том, что я ей очень редко пишу письма, и она думает, что я на нее сержусь. Не понимаю, откуда она это берет. Насчет писем она ошибается: ей я пишу чаще, чем домой, и очень удивлена тем, что она их не получает. В чем дело? Ума не приложу! Конечно, она со своей стороны права, если действительно не получает моих писем. Ведь и я на ее месте думала так же бы. Очень жаль, что если наша переписка каким-либо путем оборвется. Ведь Зоя мой единственный, настоящий друг, которого я люблю и уважаю больше всех на свете, и прервать с ней переписку – это значит нужно просто сойти с ума. Серьезно. Зоя для меня все! И я просто не нахожу себе места после ее письма.

Мне очень жаль, что она мучается моим «молчанием». Постараюсь сделать ей облегчение и буду как можно чаще писать письма. В этой тетради я еще ни разу не записывала ничего о Зое. Сегодня же, благодаря ее письму, я дам ей характеристику со слов ее письма, в котором она пишет о том, как думают о ней в институте: «средний балл – 4, занятия посещает регулярно, девушка жизнерадостная, веселая, любознательная, увлекается театром и медициной, следит за внешностью».

Я бы дала ей еще добавление, касающееся ее внешнего вида: среднего роста, с красивыми чертами лица, с прямым открытым выражением глаз; одевается очень изящно и тщательно, и притом с большим вкусом. Увлекается поэзией Лермонтова, обожает Лермонтова всей своей молодой душой! Кроме того, увлекается Лемешевым. Очень простая и симпатичная девушка, хороший друг, и если уж привяжется, то любит крепко. Натура цельная и правдивая, честная до мелочей, но в то же время гордая – ни перед кем и ни перед чем не кланяется и не юлит.

<…>

5-го июня

Суббота. Все занятия, как обычно, проходят на улице, но эти занятия ничего нового не дают. Пока что отдыхаем перед отъездом в лагерь. Сегодня выехала в лагерь 13-я батарея. Сами ушли пешком, а вещи все сгрузили на машину (новую, американского производства). Они уехали для оборудования лагеря. Мы приедем уже на готовое. А может быть, они не успеют все сделать, то и нам придется поработать. Да! Для лагеря нужно много сил. Нужно будет по-настоящему взяться за дело, и все как можно глубже проделать и усвоить на практике. Думаю, что лагерная жизнь будет интересной и разнообразной и вся скука, нажитая здесь в последнее время, пройдет. Писем ни откуда не получаю. Ну и поделом! Надо было написать чуть не за месяц и предупредить, чтоб не писали, а теперь сиди и жди – когда же наконец-то напишут тебе хотя бы небольшую, но дорогую тебе записку. В последнее время что-то очень часто стала задумываться о доме, о Зое. Очень хочется приехать к ним, хотя бы только на одну минуту. Что там у них сейчас происходит? Как они живут? Обеспечены ли они питанием? Вот те вопросы, которые теперь неотступно преследуют меня. Ответ на них могу лишь получить из писем, но их, к сожалению, нет. Я очень давно ничего не записывала о делах на фронте. По правде говоря, нечего записывать. Все одно и то же: на фронте существенных изменений не произошло. Были лишь бои за отдельный р[айо]н. Такие сводки дает по радио Совинформбюро. Я не понимаю, отчего это затишье? Видимо, немцы готовят последнее наступление, которое будет решающим моментом в войне.

Произошли некоторые изменения в построении на вечернюю поверку. Взвод становится в боевом порядке: отделения разбиты на расчеты. В нашем расчете к[оманди]р орудия Ава Подыниногина, 1-й номер Окишева, 2-й – Митрофанова, 3-й – я, 4-й – Лялькина, 5-й – Шабалина, ездовой – Трофимова. А остальные – запасные номера. В связи с этим изменением изменился и доклад дежурного по батарее старшине. Все это вызвано, вероятно, отъездом в лагерь. Ведь в лагере жизнь будет приближена к боевой обстановке,

и нам нужно заранее привыкать к этому порядку! Как хочется поскорее на чистый воздух, где можно спокойно работать и учиться.

6-е июня

В ночь с 5-го на 6-е мая[219] была боевая воздушная тревога. По радио объявили воздушную тревогу, и дежурный по батарее по тревоге поднял батарею. Все очень быстро оделись, одели противогазы, наш взвод взял оружие. В этот момент выключили свет, и нам пришлось в полной темноте без шума выходить по одному в сад и залечь там в окопы. Все это произошло очень быстро. Некоторые захватили с собой шинели, но большинство было без них. На улице было не холодно, но нам после сна показалось прохладно. Я переживаю настоящую боевую тревогу впервые, и ясно, что состояние было напряженное. Сначала мы, правда, думали, что тревога учебная, но потом убедились в обратном. Правда, явных признаков тревоги не было, кругом было тихо и спокойно. Тревога длилась около часа. Затем мы услышали по радио «отбой» и зашли в подразделение. Здесь уже горел свет. Быстро была произведена поверка, а затем все улеглись спать. Подъем был в 8 часов. Полдень. Наш взвод ушел в музей, первый тоже, 3-й взвод ушли с мячом в сад, а поэтому в батарее пустынно и тихо.

<…>

17 июня

Записывать было некогда. Прошло 10 дней! А сколько интересного я пережила за эти дни. Придется все это записать коротенько, т. к. подробностей я уже не помню.

10-го июня мы переехали в лагерь. В этот день было три урока артиллерии, затем после обеда стали собираться к походу. Свертывали постели, брали личные вещи и оружие, скатывали скатки. Все это грузили на машины. На машины погрузились так же и больные. Основная часть курсантов шла пешая. Наш взвод был сильно нагружен: скатка, противогаз, боевая винтовка и подсумок. Все это, конечно, имело некоторое значение. Несмотря на нагрузки и беспощадно жаркий день, все добрались благополучно. Как только пришли в расположение лагеря, сразу же скинули с себя весь груз и пошли на речку мыться. Каково же было наше разочарование при виде этой речушки, которую можно было перейти, не снимая сапог. Но мы все же не растерялись и несколько дней «купались» в ней. Но затем нашли действительно хорошее местечко, вправо в метрах 200-250 от места, где мы «купались» раньше. И, между прочим, я уже два раза тонула в этой реке. Здесь имеются ямы, т. к. берега очень круто обрываются и образуют ямы. Не умеющему плавать купать-

219 В тексте ошибка, вероятно, *июня*.

ся очень трудно. Я же просто не понимаю, как могло получиться: оба раза я хотела измерить дно, но, не достав его, пугалась и начинала захлебываться. В общем, мне это послужит большим уроком в жизни. Да, я совсем отвлеклась и пишу уже не в том порядке. Итак, после такого купания, мы вернулись в свой «сарай» (наше временное местожительство) и стали ждать ужина, который должен был привезти за нами л[ейтенан]т Ромась, но, увы,.. сколько мы не ждали, а ужина все не было. Многие легли спать, не дожидаясь, но комбат приказал ждать ужин. И только лишь в 12-м часу мы поужинали и легли спать.

Подъем в 5 часов. Мы еще не успели отдохнуть как нужно, но чувствовали себя бодро. Построились и пошли к месту строительства наших шалашей. Весь день занимались строительством: очищали площадку для шалашей, пилили бревна, возили солому, но в этот день удалось лишь заложить основу. Работали весь день без устали. Отбой был опять в 12-м часу. На следующий день подъем опять в 5 часов. В этот день нам удалось почти окончить шалаш, построить ружейник и начать строительство шалаша для комсостава. Дела было по горло. Я почти весь день плела стенку из лозы у входа в шалаш. Некоторые девчата крыли шалаш соломой, другие носили ветки и возили солому. Кроме всего этого, пришлось носить солому на своих руках, т. к. лошади и подводы уехали в город за продуктами. Вечером вытаскивали машину из песка. Провозились до полночи, а ввиду этого спать легли лишь в 2 часа.

И так до выходного дня. Суета, спешка, окончание работ. Вчера наш взвод заступил во внутренний караул. Я – посыльный штаба дивизиона. Работа нетрудная, но неприятная, а особенно потому, что приезжал н[ачальни]к училища для осмотра лагеря. Нашим строительством остался очень доволен. На этом пока окончу записывать, т. к. уже поздно и нужно идти сменяться.

19 июня

Наконец-то нашлась свободная минута для того, чтобы записать события последнего дня. И эта свободная минута явилась лишь только потому, что все курсанты нашего взвода ушли купаться на речку, а я вместе с Галиной Бакановой решили заняться личным делом, т. е. я записями в сию тетрадь, а Галя строчит письмо домой. Мне лично много бы хотелось записать, но успею ли? А, в общем, нужно постараться и успеть записать как можно больше. Позавчера я уже начала записывать о своей жизни в лагере, но за отсутствием времени записала очень коротенько. Сегодня буду распространяться более подробно. Итак: лагерь представляет из себя небольшой «городок» из дерева и соломы. На одной линии стоят 9 шалашей, в которых располагается 9 взводов. Напротив каждой батареи построены «ружейники» и столы для чистки винтовок. Рядом с нашим ружейником построен шалаш для к[оманди]ра дивизиона, а рядом с ним штаб дивизиона. Влево от линии шалашей и напро-

тив 13 батареи расположены шалаши всего комсостава. Перед взводными шалашами разбита линейка для вечерней поверки, а по всему парку лагеря разбиты хорошие дорожки, посыпанные песком. Все это сделано руками курсантов. Внешний вид лагеря просто замечателен! Опишу внутреннее устройство нашего шалаша. Посредине прорыт проход, глубиной 0,5 м, по обеим сторонам которого на соломе мы расстелили свои постели. В нашем шалаше имеется 2 пары подпорок, которые мы закрыли травой, а поэтому вид в шалаше очень хорош. Даже сам н[ачальни]к училища сказал, что в нашем шалаше, как в тропическом лесу. Жизнью в лагере я очень довольна. А особенно чем довольна, то тем, что можно купаться в речке. И мы, конечно, пользуемся этим во всю: купаемся по 2-3 раза в день. Купаемся, как только выдается свободная минута. Речка, несмотря на то, что она не широка, но глубока, и купанье в ней дает лишь нам большое удовольствие. Ну, уж начала описывать природу, то придется и коснуться окружающей местности. Лес, в котором расположен наш лагерь, гол и пуст, т. к. лес дубовый, а листья дуба поели гусеницы. В результате этого вид леса какой-то грустный и печальный. Нет нигде тени, но зато, отойдя от лагеря, кругом метров на 100, расположены прекрасные кустарники и зеленые луга. О берегах реки я ничего записывать не буду. Они так же живописны, как и у нас берега Исети на далеком и любимом Урале. Записываю при заходе солнца и любуюсь им: небо покрыто багрово-пурпурным цветом, с синим оттенком. Галя говорит, что этот заход вестник сильного ветра. Я еще об этом никогда не слышала. Интересно, правда или нет? Завтра проверю.

20 июня

Воскресенье! Вчерашние предположения оправдались полностью. С самого утра дул какой-то ветер, а когда мы окончили работу, пошел дождь. Правда, дождь не сильный, но все же мы им довольны, т. к. пыли будет гораздо меньше. Как только пройдет дождь, сразу же пойдем всем взводом на речку купаться. Да! Недурно выкупаться за целый день работы. А поработали мы сегодня на славу. После завтрака сразу же взялись за дело, натащили веток и стали крыть маскиров[очную] крышу для артпарка[220]. Хотели сделать все очень быстро, но благодаря тому, что в первый раз сделали все небрежно, то пришлось конец переделывать заново. А это потребовало немало времени. Да к тому же, если б мы сегодня не занимались строительством, то прямо не знали бы, на что нам потратить время. Труд никогда не бывает вреден, а наоборот, он облагораживает людей. Для нас же физическая работа вдвойне полезна, а то мы засиделись совсем без дела, а вместе с этим в наших умах произошел застой мыслей, а особенно, живя в лагере, это бросается в глаза. Все курсанты огрубели (не только грубы между собой, но так же грубо от-

220 Вероятно, *артиллерийского парка.*

вечают командирам на любое их приказание), не хотят ни с чем считаться, газет мы не читаем, последних известий не слышим, и живем, действительно, как в лесу, в полном смысле этого слова. Сейчас сижу на берегу реки и заношу эти свои мысли. Между прочим, очень хорошо выкупалась. Залезла почти первая и в продолжение всего часа плавала и дурачилась в воде. Девчата все увлеклись стиркой белья, а у меня кроме 2-х грязных носовых платков, стирать нечего, т. к. все белье чистое, а платки я решила выстирать завтра. Наплавалась и села записывать продолжение мыслей, бродивших в моей голове.

<…>

21 июня

Сначала о вчерашнем вечере. После часа отдыха к нам пришли 2 хлопца с баяном с 4-го дивизиона, а в настоящее время живущего на другом берегу реки. Но, несмотря на присутствие «веселого инструмента», веселье не ладилось, танцующих было мало. Наблюдала интересную сценку встречи Веры М. с ее другом моряком. Результат наблюдений записывать не буду. Сегодня с самого утра любуюсь природой. Как чудно выглядит лес! До завтрака занимались стрелковой подготовкой. Выполняли упражнение стрельбы из нагана стоя без упора. Дожидаясь своей очереди, я легла в высокую траву и стала любоваться голубым небом, а вместе с тем воздушной борьбой 2-х самолетов. Недалеко от лагеря находится аэродром, и ежедневно проходят тактические занятия: бой в воздухе. Наблюдать за ходом боя очень интересно, несмотря на то, что я в этом мало понимаю. Но меня просто волнует вид летящих самолетов, а так же вид летчиков. Видя их, я всегда с болью вспоминаю о своем горячо любимом брате, о своей мечте быть на Дальнем Востоке после окончания десятилетки. Все эти мечты и желания пошли прахом, а больше всего досадно то, что нет у меня больше моего родного Ванюши. А теперь даже я и жену его потеряла из вида. Где она теперь? Ничего не знаю, и очень удивлена, что из дома о ней ничего не пишут. Неужели она осталась в Запорожье? Меня пугает даже мысль об этом. Ведь вместе с ней погибнет и сын Юрочка. О, как я жалею, что не взяла фотокарточки с них! Ведь я даже не имею возможности видеть дорогие мне лица.

22 июня

Сегодня была боевая тревога. Мы занимались политподготовкой в лесу, к нам пришел дневальный с объявлением о тревоге. Мы бегом добежали до шалашей, разобрали противогазы, скатали скатки, взяли винтовки и патроны и быстро выстроились, ожидая, что же будет дальше. Тревогу объявили по приказанию п[олковни]ка Подольского, который дал обстановку, после чего

мы «пошли в атаку». Атаковали рощу и с криками ура «заняли» обороняемый объект. Тревога показала, что мы еще недостаточно готовы к ней, и что нам еще нужно очень много учиться. В связи с тревогой до конца месяца мы будем изучать Уставы внутренней и гарнизонной службы, а 28 июня опять будем сдавать зачет по уставам. Опять будет боевая тревога, которую будет проводить полковник Подольский.

23 июня

Я в полном недоумении! Ничего не понимаю и не представляю. Опять слухи и слухи. И чего-чего только не болтают наши курсанты! Опять все заговорили о выпуске, об окончании. Удивляюсь лишь тому: откуда берутся все эти слухи? Кто их приносит? Кто дает такие точные сведения? А, в общем, болтают о том, что нас выпустят в начале июля. Между прочим, у нас есть приказ сдать все предметы на отлично (у кого имеются посредственные оценки), а у кого хор[ошо], то сдать по матчасти и стрелковой подготовке. Исправить все оценки не позднее 27 июня. Вот из всего этого и выходят все выводы насчет выпуска. Мне почему-то безразлично, когда будет выпуск. Конечно, хочется поскорее уехать отсюда на самостоятельную работу, но опять-таки страшно подумать о приезде в часть. С чего начать? Как вести себя? Как поставить работу? Эти вопросы остаются еще пока неразрешенными.

27 июня

Наконец-то положение выясняется! Приехал п[олковни]к Эйхман и сообщил, что наш выпуск будет 1-го июля и совсем в другом направлении. После выпуска мы будем работать в войсках НКВД. Конечно, все очень удивлены этой вестью, но разочарования нет. Примерно 36 человек поедут на фронт, а остальные поедут в разные города и будут ждать своей очереди. Теперь очень интересует вопрос, куда я попаду: или на фронт, или в тыл. И с кем попаду. Хотелось бы быть с надежными девчатами. Больше писать ничего не буду до выяснения.

1 июля

Итак, мы вернулись в город! Вчера, начиная с самого утра, собирались в дорогу, т. е. обратно в город. После обеда вышли в путь. На пределах городской черты нас встретил оркестр, под шум которого мы продолжали шествие по Пензе.

Сегодня ходили на аттестационную комиссию к п[олковни]ку Капустину. Ходили повзводно, сначала 3-й взвод, за ним 1-й, и мы в самом конце. Шли по очереди, и каждой из нас были предложены вопросы, касающиеся большей частью о местонахождении родителей. После комиссии бездельничали, а вечером ходили в кино. Из нашего взвода восемь человек едут в Москву

в главное управление арт[иллерии]. Я вместе с Зоей Шабалиной, Великой и Масловой едем в Казань, Сашка Сафонова, Гребнева и еще несколько человек едут в Чапаевск, а остальные пока остаются здесь. Но эти сведения, кажется, неточны. Завтра лишь на параде мы все узнаем, кто и куда поедет. Сегодня же мы получили полевые погоны по 2 пары, эмблемы и пуговицы, а завтра после парада нацепим их себе на плечи.

5 июля

Вот мы уже и лейтенанты! Живем какой-то «свинской» жизнью, целыми днями спим, в батарее грязь, полы никто не моет. Ходили с Сашей Сафоновой в кино, в сад и так просто ходили по городу. Вчера же проводили четверку наших девчат в Москву. Прощанье вышло очень трогательным. Уехали Галя Баканова, Зина Рудакова, Роберт и Кравцова. Очень жаль девчат. С Галей сфотографировались на открытку. В следующее воскресенье будет готово. Если я доживу до тех дней, то получу и вышлю Галинке.

2-го июля был выпускной вечер, торжественный ужин. Было шумно и весело. Прогуляли всю ночь, но я ввиду «болезни» легла спать в 2 часа.

Сегодня мы получили вещи и сдали постельное белье, так что придется спать на голых нарах. Сколько еще дней проживем здесь, не знаю, но все это ужасно надоело и опротивело. Такая жизнь лишь озлобляет, но не веселит. Все-таки так хочется выбраться из этого захолустья! Безразлично, хоть куда, но прочь из Пензы. Вчера получила письмо и фото от Зои. Как я благодарна ей за все. Ведь только она поддерживает меня и вселяет в меня бодрый дух.

9 июля

Все эти дни слоняемся по городу: ходили в кино, в театры, особенно в Музкомедию, где играют ростовские артисты оперетты. Посмотрела вещи «Фиалка Монмартра», «Сорочинская ярмарка», «Коломбина». Вещи по содержанию замечательные, но игра артистов не особенно живая. Все как-то получается вяло, безжизненно. За все это время были некоторые изменения, как перемещение нас наверх в помещение 13 батареи. В последние дни жизни комбат заставил нас вымыть и убрать помещение нашей батареи, что мы и сделали с большой неохотой: все же, мы получили чин лейтенанта, и вдруг мыть пол!.. Девчата были очень недовольны, а я лично пол не мыла, т. к. была в роли командира взвода, а командиру мыть пол не положено. Да, командиром взвода меня назначил комбат. В мою обязанность входило следить за девчатами, чтоб они не ходили без разрешения в город, назначать наряд по батарее и еще все то, что прикажет комбат. Для меня это было мучением, т. к. мне самой хотелось удрать из батареи, а не сидеть и не держать в ней девчат. В этой роли я пробыла до сегодняшнего дня. Вчера пришла

разнарядка на оставшихся лейтенантов, и всех распределили по желанию. Я выбрала для себя Курск, несмотря на то, что была возможность ехать во Фрунзе, Сталинобад, Курган, Елец. В Елец ехали больше всех – 80 человек, а в Курск – 25 человек, в том числе и я. Сегодня целый день собирались, и в 5 часов вышли из помещения батареи. Было нас всего 88 чел., 53 чел. вместе с препод[авателем] ст[аршим] л[ейтенан]том Белоусовым ехали в Елец, а остальные вместе со ст[аршим] л[ейтенан]том Сергиенко ехали в Курск. Нам подали машину, на которую сложили все вещи, а сами строем с песнями двинулись в путь к вокзалу. Нас провожали все оставшиеся лейтенанты и преподаватели, в том числе ст[арший] л[ейтенан]т Полоса, капитан Жабон, ст[арший] л[ейтенан]т Земляков и командир 3-го взвода Сусоров. Он очень трогательно провожал своих воспитанников и был на вокзале до отхода поезда. На вокзале мы с большим трудом разместились по вагонам, я попала вместе с Тамарой Великой и Антоненко и, кроме того, с девчатами 3-го взвода. Итак, сегодня я последний день в Пензе. Может больше уже никогда не придется побывать в этом городе. Но я все же буду надеяться на лучшее, не зная, что ожидает меня в Курске.

10 июля

Нахожусь в дороге. Проехали через Ртищев[221] и едем дальше до ст. Поворино, где будет пересадка.

11 июля

Целый день провели в Поворино. Ходили на рынок, покупали всякую ерунду, ходили в столовую и ели вкусный обед. Целый день провалялись на земле в небольшом садике возле дома станции. Вечером, в 9 часов, наша группа отделилась от группы едущих в Елец, и дальнейший путь продолжали в товарных вагонах. Дорога наша лежала по равнинному полю. Всюду, куда ни глянь, расстилалась эта огромная черноземная полоса, и лишь изредка встречались в виде оазисов, как в среднеазиатских песках, хутора с роскошными садами и беленькими хатками, которых я, между прочим, не ожидала здесь встретить, т. к. я думала, что они имеются лишь на Украине и в Малороссии, но не в этой части СССР.

12 июля

Вторая пересадка на ст. Лиски. Только сошли с поезда, не успели еще умыться, как Сергиенко сказал, чтоб мы размещались в военном эшелоне. Мы забрали свои вещи и погрузились на платформу. Не знаю, сколько мы на ней просидели, как вдруг приходит работник желез[ной] дороги и говорит, что эту платформу отцепят. Мы срочно стали перебираться на новое место,

221 Вероятно, *Ртищево* – небольшой город Саратовской области.

но ввиду того, что все вагоны были занятые, нас разместили по 3-4 человека в вагоны, наполненные бойцами авиачасти, вернее все был технический состав: механики, техники и др., с этим эшелоном мы доехали до Воронежа, но не до самого, т. к. эшелон шел в другом направлении мимо Воронежа.

13 июля

Утром сошли с эшелона и пришли на ст[анцию], название не помню. Подождали минут 20-30 и с пригородным поездом попали в Воронеж, где я увидела ужасную картину разрушения. От прекрасного города остались одни развалины. Ни одного большого дома. Правда, в гор[оде] налажено трамвайное сообщение. Мы проехали на трамвае с одного вокзала на другой. Только лишь успели приехать на вокзал, как началась погрузка на поезд, и опять в товарные вагоны. Мы заняли почти одни вагон, правда, с нами вместе была группа летчиков и среди них – девушка-старшина. Она острижена по-мальчишечьи. С Воронежа мы приехали на ст. Косторная, где получили продукты и пообедали в столовой. С приближением ночи пошли ночевать в деревню, расположенную в полутора километрах от стан[ции]. Придя в деревню, мы только разочаровались, т. к. в дер[евне] стояло подразделение бойцов, и нас поэтому не пустили, и нам пришлось разместиться возле одной хаты на соломе. Некоторым удалось ночевать в хатах, а мы вместе со ст[аршим] лейтенантом и пятью человеками разместились на крыльце. Только успели разместиться, как услышали шум мотора летящего самолета. И в этот момент я увидела работу прожекторов. По самолету открыли стрельбу зенитчики. Все это произошло очень быстро, и мы спокойно уснули до утра.

14 июля

Утром, позавтракав, отправились на станцию. И почти тотчас же погрузились на поезд, идущий в Курск. Но здесь случилось небольшое происшествие. Из деревни не вернулись Волкова и Балабанова, и мы уехали без них. К вечеру мы подъехали к г. Курску, но и здесь случилось чрезвычайное происшествие: поезд стоял на станции всего минуты 3-4, а поэтому из вагона успели выпрыгнуть лишь 9 человек вместе со ст[аршим] лейтенантом, а остальные уехали дальше за 18 км. Мы их ждать не стали, а пошли в город. Идя по городу, я просто не верила своим глазам: город был почти цел, лишь кое-где были разваленные дома, жизнь здесь кипит вовсю. Работают почти все организации и даже церковь. Мы пришли к Управлению НКВД, где после некоторого ожидания нас развели по квартирам. Я поселилась вместе с Путинцевой и еще одной девушкой из 14 […][222].

ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 50. Л. 1-35. Копия. Рукопись.

222 Далее текст обрывается.

ВОСПОМИНАНИЯ участников Великой Отечественной войны 1941–1945 годов

Александр Яковлевич Грузков

Родился 1 мая 1924 года в селе Попова Мельница Барышского района Ульяновской области в семье крестьянина. В селе Барыш в 1941 году окончил 8 классов. По комсомольскому набору осенью 1941 года послан учиться в школу ФЗО в город Сызрань Ульяновской области, после окончания работал токарем на авиационном заводе в городе Куйбышеве.

В 1942 году А. Я. Грузков был призван в ряды Красной армии. На фронте в бою за город Сталинград тяжело ранен. В январе 1943 года А. Я. Грузков направлен на курсы артиллерийских оружейных техников в город Куйбышев. С августа 1943 года продолжал учебу на отделении приборов управления артиллерийско-зенитным огнем Ленинградского артиллерийского зенитного училища (ЛАТУЗА), эвакуированного в 1941 году из Ленинграда в Томск, после окончания которого, в августе 1944 года, в звании младшего техника-лейтенанта был направлен в лагерь войсковой зенитной артиллерии резерва Главного Командования Москвы. Затем служил лаборантом кафедры гвардейских минометных частей в Артиллерийской академии имени Дзержинского (Москва). В феврале 1945 года А. Я. Грузкова откомандировали в распоряжение командующего артиллерией 3-го Украинского фронта, в составе войск которого воевал в Венгрии и Австрии.

После окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. А. Я. Грузков продолжил службу в Советской армии. В 1947 году – в Дальневосточном военном округе, в 1950 году – в Одесском военном

округе. В 1960 году после окончания Артиллерийской радиотехнической ордена Отечественной войны академии Советской армии имени Маршала Советского Союза Л. А. Говорова (АРТА) (г. Харьков) дальнейшую службу проходил в городе Свердловске (с 1991 г. – г. Екатеринбург) и свою жизнь связал с этим городом.

А. Я. Грузков в звании инженера-полковника военной службы вышел в отставку в 1975 году, занимался пчеловодством, навыки которого приобрел в селе Попова Мельница, будучи молодым человеком. Являясь заместителем председателя Свердловского общества пчеловодов-любителей, пропагандировал новые методы ведения пчеловодства, добился больших медосборов на своей пасеке в деревне Киселевка Нижнесергинского района Свердловской области.

За боевые заслуги А. Я. Грузков был награжден орденом Отечественной войны II степени (1985), медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1946), «За воинскую доблесть. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» (1970), знаком отличия «25 лет Победы в Великой Отечественной войне» ([1970]).

Умер Александр Яковлевич Грузков в 2017 году, похоронен в Екатеринбурге.

№ 3

Воспоминания А. Я. Грузкова

2011–2014 гг.

Война началась, когда я закончил восьмой класс. Мы строили в это время дорогу Барыш – Ульяновск. Приехал представитель военкомата, объявил, что можно идти домой, отмечать этот день печали. Я помню, как многие плакали – мы проходили через несколько деревень. Сразу же молодежь, которая перед этим отслужила в армии, получили повестки, поехали воевать. Так началась для меня Великая Отечественная война. Придя домой, я тоже увидел, что мать плачет, отец хмурый. Он читал всегда газеты, был в курсе событий, а кроме этого, он имел довольно большой опыт службы в Красной армии, Гражданскую войну всю провоевал. Он тоже был расстроен и сказал: «Да, сын, это тяжелое испытание для нашей страны; я встречался с немцами в восемнадцатом году, я знаю, что такое немецкая армия». Ну что поделаешь, делать было нечего.

В 1941 году наш учебный год начался с одного дня занятий. На другой день, 2 сентября 1941 года, нас отправили на сборку урожая: большинство мужчин было уже взято в армию, в селах остались одни старики, дети и женщины, бабы, как говорят в деревне. Нас отправили в Конновку, деревня такая под Барышом, молотить хлеб. Мы пробыли там месяц, хорошо поработали, и когда вернулись, начались занятия. Через неделю меня вызвали в райком комсомола, нас троих и одну девушку, вызвали из других средних школ ребят. Собралось нас человек пятьдесят со всего района. Секретарь райкома сказал: «Товарищи комсомольцы, по решению райкома комсомола вы все мобилизуетесь на трудовой фронт. В городе Куйбышеве строятся, уже приступают к работе эвакуированные авиационные заводы с Украины и Белоруссии. Работать некому, те рабочие, которые работали на этих заводах там, ушли на фронт, приехали туда только старые рабочие и женщины, которые работали на этих заводах. Вы направляетесь в школу ФЗО[223] № 2 в городе Сызрани, это от Барыша километров шестьдесят. Там вас обучат профессиям токарей, слесарей, фрезеровщиков и других необходимых и нужных профессий, и вы будете трудиться на трудовом фронте».

На наш вопрос: «А как же школа?»

Секретарь райкома ответил: «Ну что ж, война скоро закончится, вы успеете догнать своих сверстников, но зато вам будет предоставлена привилегия

223 Школа ФЗО – школа фабрично-заводского обучения.

вступать[224] в высшие учебные заведения вне конкурса, так что считайте себя мобилизованными». Ну что такое мобилизация в военное время, я прекрасно понимал.

Секретарь райкома добавил: «А сейчас вы можете идти домой, готовьтесь, через три дня вы будете отправлены в город Сызрань».

Мы шли домой трое. Наконец, я остался один. Сел я на скамеечку около Липового ключа: так назывался чистый родничок в липовой роще, через который проходит лесная дорога на Попову Мельницу, – и мне так показалось обидно: как же так, старался, учился, три года ходил пешком в эту Барышскую гору, я заплакал. Потом тяжело вздохнул, попил холодной вкусной водицы и пошел домой. Пришел к обеду. Отец, увидев меня с красными глазами, спросил: «Шура, а что случилось, что ты, плакал, в чем дело?» Я рассказал ему. Он немного помолчал и сказал: «Какой же ты у меня дурачок! Через год ты кончил бы десятый класс, тебя сразу бы забрали в армию. Ну и что, какой из тебя солдат, мало сказать ты еще физически не окреп, как воин, но ты же еще не умеешь воевать!»

Я ему говорю: «У меня же медаль, значок, «Ворошиловский стрелок» первой степени!»

А он мне сказал: «Я прошел Гражданскую войну; умения стрелять далеко не достаточно для того, чтобы быть настоящим солдатом; да ты это и сам когда-нибудь поймешь. А тут тебе дали возможность окрепнуть, научиться хорошему делу, а потом, уже повзрослевший, ты можешь уверенно идти в армию».

И мама тоже обрадовалась этому: «Сынок, не горюй, все под Богом ходим, Господь поможет!»

Ну и успокоила меня, как могла, прижав к себе.

Так мы поехали в Сызрань, там нам сказали: «училище не готово еще, вы можете поехать домой, отдохнуть, а через месяц мы каждому из вас пришлем сообщение, вы явитесь сюда, теперь вы знаете, где будет располагаться ваша школа».

И мы поехали снова домой. Купили нам билеты, посадили нас в поезд, и я приехал в Барыш.

В это время осенью объявили начало фронтовых работ. За Барышом в сторону Тимошкино, в аккурат с юга на север, строился оборонительный рубеж: немцы были уже под Москвой. Рыли окопы, противотанковые рвы, строились доты, дзоты, велись тяжелые земляные работы. На эту работу должна каждая семья выделить одного человека. Отец у меня в то время работал с бригадой фронтовых валяльщиков, валяли валенки для предстоящей зимней войны на фронте; все для фронта, все для победы. Поэтому окопы отправилась рыть моя мать. Полный двор был скотины, отец запа-

224 Правильно *поступать*.

рился, говорит: «сынок, съезди, подмени мать, пусть она хоть на недельку приедет, наведет порядок, а то скотина не кормлена». Ну, я через неделю собрался, потеплее оделся, было уже холодно, на дворе стоял конец ноября. Мама уехала домой, я стал работать. Таким образом, я целый месяц с лишним проработал на этих фронтовых работах. Мы закончили в аккурат окопы, я приехал домой, маме не надо было ехать снова. А через неделю я получил уведомление, что училище готово, что я через неделю должен быть в Сызрани. Так и случилось.

Я закончил с отличием школу ФЗО по профессии токаря. Сперва меня учили на слесаря месяц, а потом почему-то перевели в токарную группу. Ну, я обрадовался: это все-таки была более высокочтимая квалификация. По окончании школы нас сразу же направили в город Куйбышев. Там в поселке Безымянный на окраине города строились два авиационных завода. Я попал на завод № 2. Он прибыл из Киева. Стен у цехов еще не было, они только строились. Были забетонированы полы, на них поставлены станки, сделана электропроводка, на крыше крыто, а уже с боков начинали строить стены. Стены строили во многих цехах из кирпича, а некоторые просто из деревянных досок. Токарные цехи, их было два, длинные метров по семьдесят, широкие, с высокими окнами. Через неделю нас распределили к мастерам уже по группам, закрепили за станками. И мы в практически насквозь продуваемых цехах начали работать. Но поскольку перед этим мы побывали дома, я взял с собой все зимнее обмундирование: валенки, теплые штаны, куртку, меховую шапку – то есть работать было можно. Так и началась моя рабочая эстафета, так я стал «его величеством рабочим классом». Токарное дело мне давалось легко, буквально через три месяца присвоили четвертый разряд, потом – пятый. Меня поставили нарезать нарезы в стволах авиационных пушек ШКАС[225]. Это скорострельный пулемет, который устанавливался на истребители в центре пропеллера. Работа у меня сначала не получалась, потом со мной рядом работал мой шеф, старый рабочий киевский, Митрич звали его. Он меня подучил, и вскоре я стал выполнять не только норму, а и больше, до полутора норм. Меня повесили даже на доску почета. Так проработал я год. Потом я получил из дома письмо, отца взяли в армию, он направлен на южный фронт под Сталинград. А в это время в Куйбышевскую область прибыла разбитая под Харьковом 25-я Чапаевская дивизия, в которую был объявлен добровольный набор комсомольцев. Я, недолго думая, а меня уже начинала мучить совесть, как так, все мои товарищи уже воюют давно, более того, уже половина из них погибли: они попали в самое пекло под Москву – написал заявление. Начальника цеха в это время не было, его заместитель с удовольствием мне подписал заявление, и я ушел в военкомат. Там меня сразу направили на Красную Глинку. Это тоже под Куй-

225 ШКАС (Шпитального – Комарицкого авиационный скорострельный) – первый советский скорострельный синхронный авиационный пулемёт.

бышевом в верховье Волги, где был лагерь, где формировались фронтовые команды, маршевая рота, в ее составе было 350 человек. Нас две недели погоняли по плацу с деревянными ружьями, два раза мы постреляли из трехлинейной винтовки Мосина, пятизарядная, калибра 7,62 мм. И отправили на фронт. Маршевая рота до Харькова не доехала, под Харьковом наши понесли большие потери и через донские степи отступали к Волге. Так мы еще на марше влились в свой полк, и под палящим августовским солнцем мы пришли на окраину Сталинграда. Там уже были вырыты окопы, ходы сообщения, доты, дзоты. Меня назначили наводчиком 82-мм батальонного ранцевого миномета, а он был переносной. Так началось мое боевое крещение.

<…> Отступление было тяжелым: жара, все колодцы отравлены, пили только подвозимую воду. И вот в таких условиях – они очень хорошо описаны в произведениях Шолохова – все это я видел своими глазами.

<…> Мы заняли позицию уже в пригороде Сталинграда, успели окопаться, пообедали, и вдруг на противоположной стороне оврага, у которого мы расположились, мы увидели большие грузовые немецкие тягачи с прицеперными[226] пушками большого калибра. Батарея на наших глазах, а это было всего в полкилометра от нас, видима простым глазом, особенно заметна в прицел миномета, стала располагаться в боевой порядок, отцеплялись тягачи, восстанавливались пушки в направлении Сталинграда. Я доложил об этом, я первый увидел в минометный прицел, командиру отделения, тот доложил командиру взвода, командиру роты. Вдруг поступила команда открыть по противнику огонь. Позиция была отличная, все было видно как на ладони. Немцы неспешно располагались на артиллерийских позициях, подъезжали автобусы с личным составом, так как транспортировались эти крупнокалиберные пушки на гусеничных тягачах. Открыт был огонь внезапно, неожиданно для немцев. Рядом стоял второй батальон, в котором тоже был 82-мм миномет. Огонь был открыт внезапно, причем особенно хорошо было видно разрывы в прицел. Мины сразу угодили по выбранным позициям. Потом одна мина попала непосредственно в пушку, другая – в автобус, из которого еще не успела выгрузиться немецкая прислуга. Мы успели из своего миномета выпустить двенадцать мин, как вдруг, я в это время наводил миномет для очередного выстрела, в наш окоп, да это и нельзя было назвать окопом, а просто так выровненная площадка, попала крупная немецкая мина. Взрыв оглушил меня. Я не был убит осколками: меня заслонил ствол. Весь остальной расчет погиб. Я потерял сознание и очнулся только в госпитале в городе Оренбурге. Из ушей еще текла кровь, были порваны ушные перепонки, кружилась голова, все время тошнило. Я получил тяжелую контузию. В городе меня лечили почти три месяца. И хотя я еще слабо ходил, кружилась голова, меня направили на комиссию, где признали годным для строевой службы,

226 Вероятно, *прицепными.*

и я в составе маршевой роты был направлен в город Самару на формировочный пункт, что находился на одной из улиц Самары, Запанской переулок его звали, или бандитский переулок. Полк формирования располагался в средней школе. Я пробыл там два дня, была уже сформирована маршевая рота, которая должна была быть отправлена на фронт, немцы еще были в Сталинграде. Так однажды после обеда в расположение нашего пункта прибыли капитан и старшина. Было приказано маршевой роте построиться. Капитан стал перед строем, объявил, что он прибыл за пополнением для вновь открывшихся в Самаре курсов оружейных артиллерийских техников Кукар № 40. Он объявил – все, кто имеет среднее образование, – два шага вперед. Я уже выше говорил, что меня взяли в армию в 1941 году[227], в конце сентября. Я десятилетнего образования не имел. Люди стали выходить из строя, довольно много. У меня в голове крутилась мысль: а что, если попробовать, ведь из меня еще плохой солдат – я и на марше пройти не могу, у меня еще кружиться голова, еще болят уши, плохо слышу. Я хлопнул впереди стоявшего солдата в плечо и тоже сделал два шага вперед. Нас повели в один из классов школы, где сидел за столом капитан. Он задавал вопросы. Документов об окончании школы, как правило, ни у кого не было, да и у меня не было, у меня солдатская книжка была, там было написано: десять классов – это с моих слов. Передо мной – вызывали по алфавиту – вышло больше двадцати человек, с хмурыми лицами выходили из школы, только в углу сидело два человека за партами. Он мне задал вопрос: «Скажите, красноармеец, как вы сказали, Грузков, сколько будет синус квадрата альфа плюс косинус квадрата альфа?» Я отвечал: «Единица». Это мы проходили в девятом классе.

Капитан продолжил спрашивать: «А тангенс квадрата альфа плюс котангенс квадрата альфа?»

Я говорю: «Тоже единица».

Капитан: «Функцию нарисовать сможете?»

Я говорю: «Могу».

Я нарисовал ему и синусоиду и тангенсоиду.

Капитан: «Правильно. А что такое бином Ньютона?» Мы только что успели его пройти за первый месяц обучения.

Я ему: «Это многочлен с двумя неизвестными, решается методом замещения».

Он сказал: «Хватит, садись туда, к этим ребятам». Я сел.

Из более чем сорока вышедших из строя людей было им отобрано около двенадцати человек. Старшина нас построил и объяснил, что сейчас мы поедем в расположение курсов, там нас покормят, и потом мы должны будем пройти комиссию: медицинскую и общеобразовательную. Так я оказался слушателем курсов оружейно-артиллерийских техников № 40, в которых я

227 А.Я. Грузков имеет в виду трудовую мобилизацию.

и стал учиться. Учиться на курсах мне было легко, так как я закончил ФЗО, работал и слесарем, и токарем, то есть имел опыт практической работы с металлом. Кроме этого, теоретический курс тоже давался довольно успешно, я был отличником.

Однажды я получил письмо от тетушки Нади из Барыша, где я учился в средней школе. Она мне писала, что в Самаре учится Тося Ипатова. Это та соседка ихняя, с которой я вместе учился в десятом классе. Я был в классе А, она – в классе Б. Я к ним сходил. Мне запомнилась эта тюрьма с длинными коридорами, железными полами, железными ступенями, шаги по которым гулко раздавались по всему зданию. Они жили в бывшей тюремной камере, шесть человек, с ней были еще две ее одноклассницы. Девчата меня встретили очень приветливо, угостили свежей вареной картошкой, правда, без хлеба: хлеба не было, карточки уже кончались, был конец месяца. Я у них просидел почти весь вечер, потом еще несколько раз приходил, мы часто встречались. Интересно было встретиться, поговорить с близкими людьми. Между тем меня перевели из оружейного курса на артиллерийский постольку, поскольку я занимался отлично, и мне был предложен переход. Я согласился. Почти уже заканчивали трехмесячный срок, когда вдруг учебу продлили до шести месяцев. Я еще почти шесть месяцев проучился, и уже в 1943 году, в июне месяце, вдруг нас подняли по тревоге и мы пешим маршем вместе со своей боевой учебной техникой выдвинулись в направлении Сызрани. Вышли в открытое поле, рядом была деревня, вернее, железнодорожная станция. Нас построили. Начальник перед строем вышел и прочитал список. Всем, кто учился отлично, было предложено выйти из строя и отдельно построиться, остальных – всем на погрузку в железнодорожные вагоны. Зачитали приказ о присвоении званий старших орудийных и старших ружейных мастеров с отправкой в действующую армию. Нас же снова вернули назад в Самару, тогдашний Куйбышев. Мы там переночевали. Нам объявили, что курсы расформированы, якобы по причине ненадобности, мы направляемся в распоряжение училищ: артиллерийского в городе Томск и автомобильного в городе Челябинск. Нас спросили, как отличников, кто куда желает. Я попросился в артиллерийское училище – это был ЛАТУЗА, Ленинградское артиллерийское техническое училище зенитной артиллерии. Там меня зачислили на отделение ПУАЗО – это приборы управления артиллерийским зенитным огнем, которые я начал изучать. Проучился я до 1944 года. Там тоже срок обучения с восьми месяцев продлили до года, и уже в 1944 году, летом, нас выпустили в звании младших лейтенантов с направлением каждого на тот или иной фронт. Меня направили в Резерв Главного командования артиллерии, город Москва, куда я и прибыл. Попросившись заехать домой, мне отказали, сказали, что идет война, и ни о каких отпусках речи быть не может. Ну что ж, война так война, поедем воевать. А вместо войны я попал опять в

тыл, в Резерв Главного командования. Это был уже сентябрь месяц. Резерв Главного командования только что создавался. Готовились к зиме, заготавливали продукты, ездили на уборку овощей, в частности заготавливали, солили капусту, резали ее ножами. А я видел в одной из столовых Самары, как это делается путем соломорезки, такой вал с двумя ножами, которым вилок капусты разрезался мгновенно. Я предложил начальнику училища сделать такое нехитрое приспособление. Мне разрешили. Я пошел на соседний завод в Подмосковье. Начальник училища позвонил с просьбой помочь. Мы сделали эти валы с подшипниками, сторочи, станки и, таким образом, проблема заготовки солений на зиму была решена. За это я получил благодарность. Обо мне сложилось хорошее мнение у командования Резерва. Буквально через полмесяца – мы уже ждали отправления на фронт – в Резерв приезжает полковник Шапиро, начальник кафедры внешней политики артиллерийской академии имени Дзержинского, что располагалась в Москве. Им нужен техник, имеющий опыт практической работы. А поскольку я доказал на практике, что я могу сам работать непосредственно на станке, начальник Резерва, хорошо знакомый с полковником Шапиро, ему порекомендовал меня. И я был направлен в Москву. Меня поселили в комнату одной из коммунальных квартир академии, где я и стал работать на кафедре КМЧ. Это кафедра гвардейских минометов, Катюш. Готовились кадры для укомплектования армии новым видом вооружения, реактивной ракетной артиллерией М 30 Н. Так я освоил впервые это изделие. Занимался на кафедре различными работами в основном научного характера. Жизнь пошла по накатанной колее. Я много имел свободного времени, ходил по Москве, посещал различные выставки, картинные галереи, театры. Жизнь-то, в общем, была неплохая, но с другой стороны все время гложила мысль: идет война, люди воюют, а я тут занимаюсь опытами по баллистическим наукам. Все время сверлила мысль: надо проситься на фронт. С этой мыслью я и обратился к начальнику факультета, был генерал-лейтенант Васильев Иван Васильевич. Как сейчас помню, он перед этим за две недели получил похоронную на сына, который закончил артиллерийскую академию и погиб на 3-м Украинском фронте. Я к нему обратился и сказал. Он меня спросил: «А чем тебя не устраивает твое нынешнее положение, ведь ты же можешь поступить в академию?»

Я ему сказал:

– У меня недавно убили отца на фронте под Сталинградом, погибло три брата, Вы извините, товарищ генерал, мне просто перед самим собой стыдно.

– Ну ладно, хорошо, молодец.

– Я единственное прошу, чтобы меня направили там, где потеплее[228].

228 А. Я. Грузков поясняет слушателям: «А мы устанавливали баллистический маятник, и я простыл, на 25-градусном морозе сидя на рельсе на шестом этаже без подкладки, без ватных брюк, ну и застудил свою нижнюю часть конечностей».

– А что случилось?

– Вот у меня было обморожение.

– Хорошо, я попрошу.

Я получил назначение на 3-й Украинский фронт, в распоряжение отдела кадров. Таким образом, а это уже был 1944 год, я оказался в действующей армии на 3-м Украинском фронте. Командовал фронтом Маршал Советского Союза Толбухин. Приехал я уже под Ясско-Кишинёвскую операцию, которую успешно завершали, потом вошли в Румынию, и так снова началась моя война, но уже в другом качестве: я был специалист зенитной артиллерии по приборам ПУАЗО. Приборы я знал отлично, училище закончил с отличием. Первое, что я сделал, я проверил, настроил все приборы ПУАЗО, которые были, прямо скажем, не готовы к работе в боевых условиях. И впервые на моих глазах мы сбили под Тыргу Жиу[229], один из городов южной Румынии, два немецких самолета за три налета. За что я был представлен к ордену Красной Звезды. Я, не боевой командир, а техник по приборам. Командир полка сказал перед строем всего полка: «Самолеты мы начали сбивать после того, как к нам прибыл специалист по ПУАЗО. Я могу вам его представить, младший техник лейтенант Грузков, выйти из строя!». Я вышел.

Командир полка продолжил: «Вот, благодаря кому мы научились правильно и хорошо стрелять».

После Румынии была Венгрия, Австрия. Войну я закончил западнее Вены, на реке Брук[230], где мы встретились с наступающими с запада американскими частями. Мы закрепились на левом берегу реки, американцы – на правом, при попытке их форсировать реку было приказано открывать огонь. Наше командование предупредило американское командование, что мы получили приказ занять оборону и нарушение его повлечет за собой открытие [огня] на поражение. Американцы приняли это к сведению, и так мы стояли. Через две недели состоялась встреча американских и советских офицеров. Встреча была на американском берегу. Они нас встретили за накрытыми столами, говорились речи, но мы не понимали по-английски, они не понимали по-русски, все переводили переводчики. Но встреча была замечательна тем, что мы увидели настоящих наших союзников прямо лицом к лицу. Это были крепкие, здоровые ребята, с веселым духом, с отличным настроением, всегда и при всяком случае улыбались. Потом встреча была на нашем берегу. Перед встречей всех наших офицеров тщательно инструктировали, как вести себя, что можно, что нельзя. Ну мы это хорошо запомнили. На нашей встрече их угощали. Они нас угощали и ромом, виски и пивом. С нашей стороны угощение было только русской водкой, как сейчас помню, Столичная, в бутылках со светлыми горлышками. И что нас поразило, что все американцы, даже

229 Правильно – *Тыргу-Жиу*, город в Румынии.

230 Здесь и далее так в фонодокументе.

при первой встрече на ихней стороне, и ром, и виски пили только разбавляя содовой водой. Мы к этому не привыкли: что значит это пойло разбавленное? Им наливали чистую водку. Они тоже начинали ее разбавлять водой, благо стояла газированная вода в бутылках. Напротив меня сидел молодой американский лейтенант Джон, как он мне представился. Я им представился Александр. Разговаривать мы, конечно, не могли. Он мне подарил доллар, на котором вечным пером написал по-английски и расписался. Я ему подарил наши десять рублей. Тогда это были деньги, напечатанные красной краской с портретом Ленина.

Отечественная война закончилась 9 мая 1945 года. Окончание войны я встретил на реке Брук. Это юго-западнее Вены, Западная часть Австрии. Там мы встретились с американскими войсками, которые успешно продвигались в направлении Вены. Встреча произошла утром 9-го числа. Все торжественно праздновали этот великий день. Американцы имели намерение и дальше придвигаться вперед, но при попытке их перейти реку Брук, на правом берегу которого они стояли, их предупредили, что они будут уничтожены, что нам приказано стоять и дожидаться распоряжения командования о дальнейших действиях. Американцы послушались, да и кому хотелось погибать после окончания войны. Так началась моя мирная жизнь. Но буквально утром 10 мая была объявлена тревога. Полк срочно строился в боевые порядки и получил приказ двигаться на Прагу, где в это время в Праге произошло народное восстание против немцев. Немцы подтянули туда основную силу юго-западной группировки и начали подавление восстания. Двигались мы срочно военно-походным маршем своим ходом. Дорога была, правда, горная, но асфальтовая, широкая. Вошли в предгорье Карпат и через день мы были уже в предместье Праги. К этому времени к Праге подоспел 9-й кавалерийский корпус генерала Плиева. Немцы были остановлены, окружены и практически все были взяты в плен. Вместе с ними в плен попал с остатками своей власовской народно-освободительной армии сам Власов, которого я видел близко. Это был невзрачно одетый, небритый, с осунувшимся серым лицом человек с бегающими глазами. И глаза как будто показывали всю полноту его вины. Его арестовали и направили в ставку командующего фронтом. После разгрома немецкой группировки мы вернулись на исходные позиции для прикрытия пришедшего туда же корпуса Плиева. Начались будние мирные дни, но это был сплошной праздник. Вокруг были богатые поместья, крестьянские фермы полные скота, хлеба, птицы, так что фуражом практически мы не пользовались, жили на подножном корму, как говорил наш командир полка. Старшина с двумя-тремя солдатами, а то и с десятком, отправлялся на одну из ферм, выбирал свиней пожирнее, индеек, гусей, кур, белой муки, круп, все что надо, а самое главное, вина. Вино от нас и венгры, и австрийцы зарывали в землю в бочках. Но наши ребята находчивые, соору-

дили шипы, или щупы с остро отточенными концами и недавно вскопанную землю быстро обнаруживали, заставляли того же хозяина раскапывать эти бочки, грузили их на машины и привозили в полк. Вина было хоть залейся. Это было доброе венгерское или австрийское вино, выдержанное в толстостенных дубовых бочках. Солдатам наливали по кружке вина перед обедом, офицерам ставили на столы графины. В общем, была жизнь победителей.

ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 4. Ед.хр. 1. Ед.уч. 1. Фонодокумент.
Общая продолжительность записи – 11 ч. 23 мин. 28 сек. В сборник включены эпизоды, касающиеся времен Великой Отечественной войны.

Анатолий Леонидович Лузин

Родился 27 ноября 1912 года в Екатеринбурге, закончил 3 курса Свердловского государственного университета, работал преподавателем математики в школе для взрослых № 16, располагавшейся по адресу улица Малышева, 31-ж. Одновременно работал по совместительству преподавателем математики в Свердловском вечернем дошкольном педагогическом училище и на подготовительных курсах при юридическом институте.

В августе 1941 года А. Л. Лузин был призван в ряды Красной армии Свердловским городским военкоматом. Служил командиром взвода и старшим адъютантом командира батальона 688-го мотострелкового полка 103-й мотострелковой дивизии 24-й армии. Попал в плен 4 октября 1941 года в районе города Ельня Смоленской области.

А. Л. Лузин оставил свои воспоминания о работе в антифашистской подпольной организации советских военнопленных в лагерях «Кальвария» (Литва), «Нейбург» и «Нюрнберг» (Германия). А. Л. Лузин – участник антифашистской организации генерала И. А. Преснякова в лагере для военнопленных офицеров «Кальвария». После пересылки в лагерь города Нейбург А. Л. Лузин продолжал заниматься подпольной деятельностью. В январе-феврале 1944 года им была установлена связь с антифашистской организацией БСВ (Боевой Союз Военнопленных) Страсбургского Интернационального лазарета для военнопленных.

Находясь в Страсбургском лазарете, в течение 2-х месяцев А. Л. Лузин провел 14 литературных вечеров, посвящая их произведениям Маяковского, Твардовского, Исаковского, Симонова, Михалкова,

Горького, Пушкина, Некрасова, Гоголя, фронтовым песням и стихотворениям, патриотическим, полным веры в Победу нашего народа произведениям военнопленных авторов.

В плену Анатолий Леонидович находился до освобождения в апреле 1945 года. После был направлен на фронт. За мужество и героизм, проявленные в годы Великой Отечественной войны, награжден орденом Отечественной войны II степени и девятью медалями.

После демобилизации в 1946 году трудился преподавателем математики в Политехническом техникуме, экономистом-финансистом в советских учреждениях. С 1958 года – старший преподаватель кафедры бухгалтерского учета и анализа хозяйственной деятельности Свердловского филиала заочного финансово-экономического института, а с 1961 года – кафедры экономики экономического факультета УрГУ.

В 1966 году Анатолий Леонидович успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Ученое звание доцента ему присвоено в 1968 году. С октября 1967 года исполнял обязанности, а в 1969 году был избран по конкурсу заведующим кафедрой бухгалтерского учета СИНХа.

В должности заведующего кафедрой он проработал 7 лет. Это был сложный период становления молодого института.

А. Л. Лузин вел активную научно-исследовательскую работу. Его отмечал постоянный поиск всего нового, прогрессивного.

Анатолий Леонидович – автор более 100 научных работ. Под его руководством успешно защитили кандидатские диссертации 6 аспирантов, постоянно выступал на всесоюзных, республиканских и региональных конференциях.

А. Л. Лузин в течение трех лет (1985–1988) был деканом впервые созданного в СИНХе спецфакультета по переподготовке кадров по новым перспективным направлениям науки и техники в области «Организация управления производством» со специализацией «Бухгалтерский учет и анализ хозяйственной деятельности с применением современных электронно-вычислительных машин».

Десятки благодарственных записей руководства УрГЭУ украшают трудовую книжку Анатолия Леонидовича. Ему заслуженно присуждено звание «Ветеран труда». В 1988 году А. Л. Лузин ушел на заслуженный отдых.

№ 4

Воспоминания А. Л. Лузина

1945 г.

Масса советских военнопленных, оказавшихся [в плену] в силу разного рода обстоятельств, ни на минуту не прекращала борьбы с врагами своего народа, с фашистами. В целях достижения больших успехов необходимо было действия одиночек объединить, направить эти действия по определенному руслу. С одной этой целью организовывались антифашистские группы, подпольные антифашистские организации, связывающие людей, борющихся с фашизмом, не только единством мыслей, но и заданиями и дисциплиной.

В исключительно тяжелых, нечеловеческих условиях фашистского плена в тюрьме гор. Барановичи, сидя в подвалах этой тюрьмы, наиболее активные люди из военнопленных проводили агитационную работу среди остальных, пропагандируя побеги, проведение диверсий на работах, на которых использовались военнопленные. Разбивалась вражеская болтовня о достигнутом якобы поражении Советского Союза. Внедрялась уверенность в том, что, несмотря на временные успехи фашистов, Красная армия и весь советский народ достигнут победы над фашистской Германией и ее вассалами, что враги Советского Союза будут неизбежно повержены в прах.

Несмотря на то, что гестапо ежедневно пачками арестовывало военнопленных, набивая арестованными герметически закупоренные камеры, и пачками же вывозило их на расстрел, работа продолжалась, и дух уверенности советских людей в правоте своего дела, в неизбежности разгрома врагов Советского Союза фашистам сломить не удавалось. Из людей, проводивших такую агитационную работу, в то время я был связан с мл[адшим] лейтенантом Лукьяном Ивановичем Молчановым, с фельдшером Мерзловым, военфельдшером Иваном Тихоновичем Лариным (из Ленинградского военно-медицинского училища), ст[аршим] лейтенантом Петром Александровичем Струковым (штурман эскадрильи бомбардировщиков), мл[адшим] лейтенантом Лебедевым Анатолием (из г. Горького). Целый ряд таких людей был брошен в карцер, и затем они были расстреляны: политрук Козявкин, капитан Марков, капитан Коробков, Арсений Балыбердин и др.

Из людей, поведение которых было позорным и постыдным, мне в то время были известны: капитан Алексей Петрович Кравченко (из г. Харькова, ком[анди]р батальона, бывший на курсах «Выстрел» в августе или сентябре 1941 г.). Он явно сотрудничал с органами гестапо и выдал им политрука Козявкина, служившего в его б[ата́льо]не.

Полковники Афанасович и Кригер-Лебедь работали в гестапо. Впоследствии они были на немецких курсах будущих бургомистров или каких-то других высших должностных лиц в г. Орел.

Ахматов Ал[ексан]др (окончивший Ленинградское бронетанковое училище, работавший ранее в конструкторском отделе завода «Уралмаш» в гор. Свердловске) передал немцам расположение завода, его цехов, сведения о его производственной мощности. В июне 1942 г. в лагере Лесная около Барановичей он вместе с каким-то другим военнопленным оставлен зондерфюрером для какой-то работы. Николай Ибраев (татарин по национальности из г. Кустанай, б[ывший] курсант 1-го Свердловского пех[отного] училища) по заданию гестапо выявлял политсостав, евреев и агитаторов и выдавал их немцам. Мельник Николай Михайлович (из г. Киева или Киевской обл.) также выдавал немцам людей, высказывавших свою ненависть к немцам и симпатии к Советскому Союзу и его народу и армии. Впоследствии был на курсах бургомистров в г. Орел. Бригалда Ал[ексан]др, Бабенко Евгений (из г. Белгорода) и др. занимались антисоветской агитацией. Списки на них и сведения находятся замурованными в лагере г. Кальвария (Литва).

10.06.42 г. вместе с военнопленными лагеря Лесная я прибыл в лагерь г. Кальвария. Лагерь только что организовывался. 14.06.42 в этот же лагерь прибыли транспорты военнопленных из лагерей Минск и Молодечно. В числе прибывших были генерал-майоры Пресняков, Данилов и Наумов. Генерал-майор Пресняков вместе с полковником Самойловым проводили беседы с военнопленными главным образом с теми из командиров, которые раньше служили в дивизии, которой командовал генерал Пресняков и нач[альник] штаба которой был полковник Самойлов. В этих беседах Пресняков указывал, что долгом каждого является в существующих условиях помогать всеми силами своей Красной армии бить фашистов, вселял уверенность в неизбежность победы Советского Союза и его народа. На этих беседах, проходивших обычно в яме за казармой, присутствовали также я и упомянутый выше мой знакомый по Барановической тюрьме Л. И. Молчанов.

Т. к. лагерь находился в стадии организации, генерал Пресняков поставил задачу проникновения во все места по обслуживанию лагеря и по внутренней организации своих надежных людей. Так были посланы с определенными целями люди на пекарню, кухню, дезинфекционную камеру, мастерские, командирами рот, и один из ставших мне потом известных людей – лейтенант Кондрашов Михаил (из Калинковичского пех[отного] училища) был послан в полицию лагеря.

В конце июня или в начале июля ко мне подошел командир б[атальо]на капитан Салютин (летчик) и спросил меня относительно согласия работать в лагерной полиции. Имея ввиду советы генерала Преснякова и посоветовав-

шись с находившимися тогда в Кальварии Молчановым, Струковым, Лебедевым и Лариным, я дал свое согласие.

Русским комендантом лагеря в то время был майор Иван Васильевич Шамала, человек, настроенный антисоветски, в особенности против большевистской партии и в особенности против политсостава. Ярый антисемит. Основой его «работой» было выявление политсостава и евреев и выдача их немцам. Даже в лагере он ввел для евреев особые значки на груди и на спине. По словам майора Витюкова, бывш[его] н[ачальни]ка штаба 688 м.ср[231] 103 с.д.[232], Шамала в Минском выдал немцам многих лиц политсостава и работников Особого Отдела своей дивизии, а также работников парт[ийной] организации, завоевав себе тем самым особое доверие со стороны немцев. Впоследствии был отправлен в Ригу, по слухам, для формирования добровольческих отрядов в немецкую армию.

Нач[альник] лагерной полиции был враг Сов[етской] власти, враг ВКП(б) – Копытов, интендант III ранга, служивший ранее в г. Красноуральске и еще ранее в 1-м райсовете г. Свердловска в РайФО[233]. Так же, как и Шамала, выдавал немцам работников политаппарата и евреев. Грабил военнопленных, и награбленное пропивал вместе с зондерфюрером – литовским немцем Турманом.

Переводчиком лагеря, вместо уехавшего на курсы бургомистров полковника Афанасович[а], стал ст[арший] лейтенант Краснов Леонид (Лев) Иванович, пытавшийся оказывать сдерживающее влияние на майора Шамала.

Среди полицейских были люди, настроенные явно антисоветски, напр[имер], Невшута Григорий (лесник, из Черниговской обл.); Бригалда Ал[ексан]др, добровольно ушедший в немецкую армию, Иваненко Василий (из Ростова н/д[234]), беспощадно избивавший военнопленных, Луценко Федор (служивший в Новгород-Волынском) и ряд других. Приходилось и здесь очень осторожно, исподволь, в условиях двойной конспирации от немцев, с одной стороны, и от их агентов, имевшихся среди военнопленных, с другой, проводить агитационную работу, разоблачая ложь фашистов о скором поражении Красной армии, вселять уверенность в неизбежность победы Сов[етского] Союза, бороться с антисоветскими настроениями и разговорами. Удавалось доставать у вновь прибывших в лагерь советские газеты или даже обрывки из них, и распространять таким образом слова правды о Сов[етском] Союзе, приглашать патриотически настроенных вновь прибывших военнопленных в помещение, где жили полицейские, пробуждая забытое некоторыми из них чувство ответственности перед страной и народом. Служба в полиции использовалась для того, чтобы легче изучать людей; для лиц, запятнавших

231 688-й мотострелковый полк – из биографии А. Л. Лузина.
232 103-я мотострелковая дивизия – из биографии А. Л. Лузина.
233 Районный финансовый отдел.
234 Вероятно, *Ростов-на-Дону*.

себя службой на пользу врага, выдававших немцам политруков и евреев, добровольно служивших или изъявлявших желание добровольно служить в армии врага, перебежчиков и других, искусственно создавались более тяжелые условия, делали их преступления достоянием гласности, показывали их отвратительные личные качества, и этим самым навлекалось на них общее презрение.

Я постоянно держал связь с майором Алексеем Никифоровичем Солонцевым (Тамбов, Пролетарская, 92), подполковником Степаном Дмитриевичем Проскуриным (г. Калинин), с полковником Андреем Семеновичем Прудниковым и другими лицами, проводившими большую подпольную антифашистскую агитационно-пропагандистскую работу, и выполнял задания этих лиц. В июле 1942 года познакомился со вновь прибывшими в полицию Дмитрием Крыловым (Горьковская обл., б[ывший] студент Новосибирского института инженеров транспорта), работником одного из особых отделов дивизий 2-й ударной армии, и Виктором Поповым и привлек их к агитационной антифашисткой работе.

Будучи в течение нескольких дней в лагере Лесная (на пути следования из Барановической тюрьмы в Кальварию), мне впервые привелось слышать выступление хора под управлением И. А. Тарасова. Приятно было видеть на лицах военнопленных выражение одобрения при исполнении песни «Бородино», напомнившей об Отечественной войне 1812 года, когда в тяжелых условиях была спасена Родина от иноземного Наполеоновского нашествия. Невольно приходила мысль, что и сейчас, в годы 2-й Отечественной войны, Родина будет победительницей, что враг и на этот раз будет разбит. Но в то же время до злобы и боли поразило исполнение песенки «Московские калачики», мелодия которой была взята по популярной массовой песне «Москва майская» бр[атьев] Покрасс, но с грубым антисоветским текстом. Этот хор вместе с нашим транспортом прибыл в Кальварию. У меня появилась мысль использовать этот хор как одну из легальных форм борьбы с врагом. Я начал читать с эстрады. Читал отрывок из произведения Гоголя «Мертвые души» о тройке, где говорится о широте и мощи русского духа, о могуществе и величии нашей Родины, произведения М. Горького «Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике», сказка о матери, убивающей своего сына, осаждающего свой родной город (это читалось в б-не[235], состоящем из людей, согласившихся добровольно вступить в армию врага, чтобы бороться против своего народа). Произведение А. С. Пушкина «Рославлев» об Отечественной войне 1812 года, произведение Лермонтова «Беглец», клеймящее изменников, предателей и трусов. Читались стихи советских поэтов Маяковского, Твардовского, Исаковского, Конст[антина] Симонова, Лебедева-Кумача и др. советских поэтов. Стихотворения из фронтовых газет Кр[асной] армии. Узнав от Виктора Попо-

235 Вероятно, *в батальоне*.

ва, что Глеб Лазарько является политруком, я постарался прилечь к работе и его, рекомендовав ему так же использовать эстраду для агитации. По моему предложению он читал отрывки из повести Гоголя «Тарас Бульба», в которых опять-таки восхваляется стойкость и мужество русских людей в боях за свою Родину и клеймятся презрением трусы и предатели своего народа и Родины. Сперва у некоторых участников хора это вызывало опасения репрессий со стороны немцев и их агентов-власовцев, но со временем под влиянием генерала Преснякова и Данилова, полковников Прудникова, Якова Ивановича Хивова и других также и хор в значительной мере перешел на путь использования эстрады для укрепления патриотических чувств сов[етских] военнопленных, постоянно напоминая им о Родине и о долге по отношению к ней.

В октябре или ноябре 1942 года я познакомился с прибывшим в Кальварию майором Алексеем Никифоровичем Солнцевым (настоящая фамилия, кажется, Солонцев А. Н., звания не знаю, но известно, что из политсостава, чуть ли не комиссар дивизии. Адрес его – Тамбов, Пролетарская, 92), проводившим большую агитационную работу среди военнопленных против вступления во власовские отряды, доказывавшим скорую и неизбежную победу Советского Союза в Великой Отечественной войне. В это время в Кальварийском лагере военнопленных существовала оформившаяся подпольная партийная антифашистская организация, в руководящий центр которой входили майор А. Н. Солонцев, полковник А. С. Прудников, подполковник С. Д. Проскурин, майор Малышев (бывш[ий] ком[анди]р 400 сп[236]), полковник Я. И. Хивов. В это время я вовлек в работу организации Крылова Дм., С. Ф. Карпенко (из г. Киева, работник системы НКЗема[237]), М. В. Еременко и Г. В. Лазарько. Через Крылова удавалось оказывать материальную поддержку лицам, сохранившим верность своему народу и Родине, политработникам, работникам ОО[238] и военных трибуналов.

При содействии Крылова, работавшего в то время переводчиком на кухне, также проводились работы по организации и проведению подкопа из лазарета блока № 1. Правда, побег не удался из-за трусливого поведения врачей Конькова Ф. И. и Самойлова.

Постоянно проводилась работа по изучению людей.

Так, с помощью Карпенко и Бориса Великосельцева, работавших в канцелярии, удалось собрать и составить списки лиц, служивших в добровольческих отрядах вражеской армии или записывавшихся в нее, перебежчиков. Ряд лиц таких был выявлен в разговорах. Полные данные об этих лицах с указанием года рождения, места жительства и некоторых других сведений были запрятаны в ряде мест Кальварийского лагеря. Мне точно известно

236 Вероятно, *стрелковый полк*.
237 Вероятно, *Народный Комиссариат земледелия*.
238 Вероятно, *Особого отдела*.

пять таких мест с замурованными и запрятанными материалами и несколько мест известны предположительно, т. к. непосредственного личного участия в самом процесс запрятывания в этих остальных местах я не принимал, а только получил сведения о выполнении этого задания. В числе других материалов были запрятаны данные о долголетней шпионской деятельности полковника Назарука, начавшего свою шпионскую деятельность с 1932 года и до последних дней, о его связях с Шафаловичем, Корженевским и другими шпионами, работавшими в Генеральном штабе РККА[239] и в Академии Генерального штаба. Все места, где были запрятаны подобного рода документы, были сообщены также подполковнику С. Д. Проскурину.

В течение всего времени организация оказывала содействие побегам, снабжая намеревавшихся бежать картами, продуктами питания, инструментами, компасами и т. д.

Члены организации постоянно и непрерывно проводили агитационную работу среди военнопленных, направлявшихся с транспортами в Германию. Подчеркивалось, прежде всего, что каждый советский человек, где бы он ни был, должен не переставая, неуклонно бороться с фашизмом, непрестанно оказывать помощь Красной армии и своему народу в борьбе с врагом. Проводились беседы и инструктаж о проведении актов саботажа и вредительства на немецких предприятиях, указывалась необходимость вести работу среди немецких солдат и населения, усиливая и разжигая антивоенные и антифашистские настроения, в особенности среди населения захваченных немцами стран и солдат других национальностей, призванных в немецкую армию – чехов, поляков и др. Каждому уезжающему члену организации вменялось в обязанность немедленно по прибытии к новому месту начать работу по борьбе с врагом, создавая вокруг себя подпольные антифашистские организации. Т. к. в целях конспирации члены организации не знали друг друга, связь между членами организации была основана по принципу цепочки, то для облегчения членам организации найти друг друга на новом месте сообщался отъезжающим пароль.

После отъезда из лагеря коменданта 2-го блока упоминавшегося выше майора Шамалы, комендантом (старшим блока) по решению антифашистской группы был на эту должность рекомендован подполковник Меньшиков Борис Васильевич, принимавший участие в работе антифашистской организации. Через некоторое время он и переводчик Л. И. Краснов были арестованы. Комендантом блока был назначен узбек или казак[240] – фамилии его я теперь не помню. Я и еще несколько человек были выгнаны из полиции из-за «несоответствия своему назначению». Через некоторое время новый комендант был переведен по настоянию военнопленных в другой блок, и мне

239 Рабоче-крестьянская Красная армия.

240 Возможно, в тексте ошибка, правильно – *казах*.

было предложено вновь войти в полицию, но по согласованию и решению антифашистской группы (при участии Малышева и Проскурина) это предложение было отклонено, т. к. сейчас это не являлось необходимостью, тем более, что в составе полиции оставались привлеченные мною к работе лица, в частности Борис Великосельцев. Я продолжал оставаться в хоре, продолжал использовать эстраду для популяризации фронтовых стихотворений, текстов песенок с фронта, патриотических произведений и т. д.

30 или 31 октября 1943 года я вместе с транспортом в 300 человек был вывезен на работу в Германию. Перед отправкой транспорта было условлено провести массовый побег из эшелона. В пути следования во всех вагонах должны были [быть] совершены побеги. Во всех вагонах, кроме одного, начали прорезаться дыры для побегов, однако удалось убежать только из одного вагона 22 человекам. Немедленно была поднята тревога, многих избили немцы до полусмерти, в частности в вагоне, в котором оказался я, угрожали немедленным расстрелом, однако резчики в вагонах не были выданы. Все были раздеты, оставлены только кальсоны, загнали по 100 человек в вагон, и голодными и голыми были привезены 7 ноября 1943 года на ст. Нейбург в Эльзас.

Перед отправкой транспорта мне в Кальварии было сообщено майором Малышевым, что по решению подпольной антифашистской организации руководство работой организации на новом месте возложено на капитана Сергеева Сергея и на меня. Капитан Сергеев был в числе бежавших 22-х человек. По приезде в Нейбург я приступил к работе. Из известных мне по Кальварии членов организации в Нейбург приехали вместе со мною Еремин и Лазарько. С помощью пароля были отысканы Бухтияров, Анцупов и Кондрашов. Был привлечен для работы мною капитан Громов Ал[ексан]др Иванович (ст[арший] политрук Сорокин Иван Никифорович), впоследствии гв[ардии] майор Димитрий Колбин и др. Немедленно начали проводить агитационную работу среди военнопленных, указывая им их цели и задачи. В инжерном[241] парке, где работала наша команда, на штабелях, в уборных, на вагонах появились надписи, призывающие к проведению актов саботажа, к снижению производительности труда, к вредительству, к разложению солдат немецкой армии. Устанавливались связи с антифашистки и антивоенно настроенными солдатами, через которых получены сведения об английских и советских радиопередачах, получали листовки, сбрасываемые самолетами союзников. Распространяя эти сведения, мы разоблачали ложь немецкой фашистской пропаганды и пропаганды немецких агентов-власовцев о положении на фронтах и в стране. Среди служивших в немецкой армии чехов, поляков проводилась антинемецкая, антифашистская пропаганда о необходимости сбросить гнет фашистов, о необходимости борьбы с немцами.

241 Вероятно, *инженерном*.

На работах проводились акты саботажа и вредительства. Умышленно устраивались крушения, в буксы вагонов засыпался песок, при погрузке станков для оборудования какого-то завода, например, бригадой, в которой работали я, Попов Ал[ексан]др, Горшков Михаил и некоторые другие, не было погружено ни одного исправного станка – все они были поломаны, моторы засыпаны песком, важные детали этих станков были сняты, поломаны или зарыты в песок. При погрузочных и разгрузочных работах умышленно проводились работы так, чтобы возможно больше материалов было поломано и испорчено. Умышленно задерживались вагоны под погрузкой и выгрузкой, отрезались тормозные шланги вагонов.

При погрузке в вагоны различных деталей на них и на вагонах писались на русском и немецком языках воззвания антифашистского содержания, обращения к тем, кто будет разгружать эти вагоны, с требованиями саботажа и вредительства при разгрузке и других работах с целью облегчения победы над фашизмом, с целью оказания помощи нашим участием в общем деле разгрома врага.

Среди населения Эльзаса проводили агитацию против немцев. В пассажирских вагонах на французском языке писались лозунги, призывающие к изгнанию немцев, к борьбе за свободную Францию, лозунги в честь Красной армии и ее вождей.

По случаю всех революционных праздников и знаменательных дат проводились беседы и концерты с исполнением советских песен, стишков и рассказов. В день годовщины смерти Ленина 21.01.44 г. во всех командах одновременно во время работы была подана команда «Смирно» и в течение нескольких минут память тов[арища] Ленина была почтена молчанием и снятием головных уборов.

Проводились организованные отказы от принятия пищи с требованием улучшения питания и условий. Во время работы бригады, в которой был я, один фашистский хам позволил себе наглость плюнуть на разрезанную автогеном, вывезенную на склад бронзовую статую тов[арища] С. М. Кирова. Бригада немедленно прекратила работу, потребовав удаления этого наглеца и не повторения подобных случаев. Немец был снят с работы с нами и принес, по-видимому с целью искупить свою вину, хлеба, но бригада отказалась.

После расстрела одного из военнопленных было решено отказаться от работы всей командой в 300 с лишним человек, пока не будет наказан немецкий солдат-убийца. В ответ на это требование первоначально была приведена в боевую готовность вся конвойная рота немцев в составе свыше 100 человек, охранявших лагерь, со станковым пулеметом. Однако требование было повторено. Явившийся немецкий капитан заверил, что требование будет выполнено. Убитый военнопленный был похоронен на кладбище в од-

ной деревне в присутствии делегации военнопленных, и над его могилой была произнесена майором Акопян[ом] короткая речь о близкой расплате фашистов за все их злодеяния.

В январе и феврале 1944 года через майора Полещук[а] была установлена связь с антифашисткой организацией БСВ (Боевой Союз Военнопленных) Страсбургского Интернационального лазарета для военнопленных. В феврале 1944 года с этой организацией связался и я лично. В русском отделении Страсбургского госпиталя работой этой организации руководили Юрий Степанович Кузьмин (Сталинград, Быковский лесхоз), доктор Михаил Карпович Кравчук.

Была установлена связь с сербскими военнопленными офицерами, проводился обмен информациями о работе и борьбе с врагами, обмен приветствиями по случаю годовщины РККА, 1-го Мая. Ко дню Красной армии со стороны сербов были организованы подарки советским военнопленным. О настроении этих сербских офицеров и о значительности их работы можно судить по следующим фактам. Один из сербских военнопленных генералов зашел в Русское отделение госпиталя. Кто-то назвал его, обращаясь к нему: «Господин генерал», он оборвал его и сказал: «Я не господин генерал, а товарищ генерал!». В беседах о положении на фронтах, об успехах Красной армии он заявил: «Я генерал, но я хотел бы быть простым солдатом вашей Красной армии!». Радуясь успехам Красной армии, непоколебимо веря в ее силу, сербские офицеры с любовью отзывались и о маршале Тито и радовались, что скоро их страна будет такой же, как и Советский Союз, и, как сказал один из сербских офицеров: «Скоро я смогу проехать по своей родной стране от Триеста до Владивостока».

Находясь в Страсбургском лазарете в течение 2-х месяцев, лично я провел 14 литературных вечеров, посвящая их произведениям Маяковского, Твардовского, Исаковского, Симонова, Михалкова, Горького, Пушкина, Некрасова, Гоголя, фронтовым песенкам и стихотворениям, патриотическим, полным веры в победу нашего народа, произведениям военнопленных авторов.

Проводились также беседы с отдельными членами антифашисткой организации по вопросу о формах и методах нашей работы. Особо были проведены беседы с Суровцевым (настоящей фамилии его не знаю) и Дмитрием Масловым о вредительстве и о подготовке к освобождению госпиталя в случае чрезвычайных обстоятельств. Из известных мне лиц, принимавших участие в работе Страсбургской антифашистской организации, кроме упомянутых, были фельдшер Морозов, военфельдшер Коробка, военфельдшер Палистрат, Василий Маслов. Известно также, что участие в работе принимал б[ывший] секретарь Одесского Г.К.[242] ВКП(б) Дегтярь (точно не помню его фамилии).

242 Вероятно, *городского комитета.*

Во время пребывания в госпитале мне удалось через мл[адшего] л[ейтенан]та Фролова (Юнгблют) Дмитрия Степановича и Иванчина организовать антифашистскую группу в команде «Кабель» в Штейнзальце (р-н Вайссенбурга).

Наша организация на ст. Нейбург включилась в работы организации БСВ согласно ее уставу и программе. Однако параллельно с нею была сохранена и старая организация с ее конспиративной связью цепочкой, в состав руководящей тройки которой входили Лузин, Колбин и Громов (И.Н. Сорокин).

Уполномоченным БСВ был майор Николай Федотович Полещук. В состав совета входили Лузин, Громов (Сорокин) и Бухтияров. В числе активных членов организации были: Копылов, Подгузов, Караваев, Лебедев, Колбин, Гусаров, Еремин. Членские взносы расходовались на оказание материальной помощи больным, на покупку газет, по которым делались обзоры. Привлеченные к работе в организации врач Копылов, фельдшера Подгузов и Лебедев по заданию организации прятали под видом больных отдельных лиц, которым грозили репрессии фашистских сатрапов.

По прибытии в новый лагерь в г. Нюрнберг при предстоящем расформировании команды каждый член организации помнил задание: немедленно начать борьбу с врагами, сколотив около себя новую группу.

Я попал 22.10.44 в команду Нюрнбергского завода фирмы Сименс-Шуккерт. Вместе со мною из членов организации в эту команду попали Сорокин, Еремин, Лазарько и Гусаров. Так же и здесь проводилась агитационная работа. 6 и 7 ноября 1944 года были проведены беседы о годовщине Октябрьской социалистической революции. 05.12 отмечен был день Конституции, день рождения тов[арища] Сталина, Новый год. В ночь под Новый год в командах Сименс и Манн под видом встречи Нового года, под видом тостов проведены беседы о положении на фронте и сообщения об успехах Кр[асной] армии и о близящейся недалекой победе Советского Союза над фашистской Германией. Ежедневно освещались события на основании листовок, сообщений американского, английского, французского и советского радио.

День смерти тов[арища] В. И. Ленина был отмечен беседами и вставанием по команде «Смирно».

По случаю Нового года, дня 8-го Марта были написаны обращения к увезенным в фашистское рабство советским женщинам и девушкам с призывом усилить борьбу с фашизмом всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами в целях ускорения и облегчения неизбежной скорой победы над фашисткой Германией.

После нашего освобождения частями американской армии 25.04.45 г. в районе г. Эйштадт почти все члены организации оказались на Нюрнбергском сборном пункте. Первоначально было решено собраться всем вместе и отчитаться о своей работе, однако по рекомендации бывш[его] л[ейтенан]та

гос[ударственной] безопасности Аксенова, работавшего в то время в штабе Нюрнбергского сборного пункта, это не было сделано, но были собраны отчеты некоторых членов организации и вместе с моим кратким отчетом переданы были в г. Нюрнберг упомянутому Аксенову, находившемуся впоследствии на сборном пункте в г. Баутцен.

Таким образом, были переданы отчеты следующих лиц: Письменный (Еремин), гв[ардии] майор Д. Колбин, ст[арший] политрук И. Н. Сорокин (Громов), И. Я. Бухтияров, А. Анцупов и Фролов Дм. Ст.

Подробный отчет о работе подпольной организации лагеря Кальвария (Литва), членом которой являлся и я, представлен полковником Андреем Семеновичем Прудниковым в отдел контрразведки на сборном пункте г. Баутцен, офлаг[243] № 269.

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 36316. Л. 16-27. Подлинник. Рукопись.

243 Вероятно, *офицерский лагерь*.

Георгий Илларионович Копылов

Родился 28 апреля 1917 года в деревне Валовой Курьинского сельсовета Сухоложского района Свердловской области.

После окончания Московского силикатно-керамического техникума Георгий Илларионович был призван в армию в полковую школу 629-го стрелкового полка города Славянска. В апреле 1940 года в звании командира отделения был направлен в 43-й Особый инженерно-строительный батальон Краснознаменного Балтийского флота.

22 июня 1941 года батальон выступил на фронт в составе 16-й стрелковой дивизии. В ноябре 1941 года, участвуя в боях при обороне города Таллина, Г. И. Копылов попал в плен. До марта 1945 года Георгий Илларионович Копылов содержался в лагере для военнопленных «Эстифосфорит» (в 12 километрах от г. Таллина); в лагерях для военнопленных в городах Тапа (Эстония), Деблин, Лимберг-Лан[244], Кайзерслаутерн (Германия). В марте 1945 года Георгий Илларионович был освобожден американскими войсками.

Вернувшись на родину, Г. И. Копылов 36 лет проработал на кирпичном заводе рудника имени Кирова в городе Березовском.

В 1997 году в Государственный архив административных органов Свердловской области поступили документы бывшего военнопленного Георгия Илларионовича Копылова. Коллекция состоит из 26 дел разнообразных по составу: это рукописи, фотографии, статьи и письма за 1939–1995 годы.

244 Вероятно, *Лимбург-на-Лане*, город в Германии.

№ 5

«Плен»

Автобиографические воспоминания

1980–1989 гг.

Когда два барака были подготовлены, вместимость их по 200 человек. Я уже говорил, коек, нар там не было, спали на полу, а ведь уже наступали большие холода. Оставлять нас в таком виде нельзя, перемерзли бы все. Пропарили всю нашу одежду и вселили в подготовленный барак. Расположились мы все в одном углу на выстланный из досок пол. Несмотря на то, что сильно были голодные, крепко все спали. Свалились с нас как будто целые горы. Это может понять тот, кто продолжительное время спал во вшивой одежде.

Когда подготовка двух сараев была закончена, стали их ежедневно заполнять через душегубку. На наше счастье как-то еще тифа не было. Группа наша от строительных работ освободилась и приступила к старой работе, к зарыванию трупов. Мысль у каждого из этой группы была бежать, бежать любыми путями. Группа редела и пополнялась. Наш Гаврилович тоже упал духом, из его группы было убито трое при побеге. Из разговоров я понял, что он собирался бежать.

Да, я узнал, что наших ребят перевели из 2-х бараков /около 400 человек/ в городской Таллиннский лагерь. Он находился в центре города Таллина на улице Копли Тартусского шоссе, рядом с автобусной станцией. Братская могила представляла яму, примерно, около 3-х метров глубины и ширины. Кто их выкопал, я не знаю, но есть предположение, что ямы были подготовлены под снаряды, а зарывали в них трупы. Набросаем, завалим землей сверху на глубину 10-15 см и снова бросаем, и так до самого верха. А когда подошли морозы, зарывать мертвецов стали уже тогда, когда до самого верха набрасывали, т. е. клали друг на друга. Похоронная группа наша состояла из 30 человек. Когда кто умрет, из бараков вытаскивали наружу, мы по пути подбирали всех, в том числе и из нашего барака, везли на большой тачке-двуколке. Когда зарывать было некого, нас использовали на других работах лагеря, вплоть до очистки уборной. В общем, условия были такие невыносимые, что у каждого было на уме – жить или не жить, а в открытую выступать еще боялись. Однажды привели нас на очередное захоронение, один из нашей группы сделал то, о чем я мечтал. Он работал на противоположной стороне ямы, несколько минут не работал, а стоял с лопатой. Немец к нему подойдет,

покажет, почему не работает, ударит раза два прикладом и снова отойдет, очевидно, боялся быть рядом, и так повторялось раз 5-6. Почему он не махал лопатой? Я не могу понять, наверно, у него в душе все переварилось, наверное, задуманное не мог осмелиться сделать. Товарищ первое время молчал, ни звука не произнес. Посмотрит на немца, а после побоев постонет, покидает немного и снова останавливается. Когда немец разошелся и стал уже ругаться и угрожать оружием: подошел к нему, наставил автомат, заговорил: «Нихт арбайтен, их пу, пу». После этого разговора товарищ налетел на охранника, закричал сильно, проклиная фашистов, хотел выхватить автомат, но силы у него не хватило, а в это время заметил второй /было два охранника/ и открыл стрельбу по нашему. Убил еще двоих. Вернее, не убил, а ранил, добивал потом, когда пришел из лагеря офицер. А сделали сволочи вот что с нами: согнали нас в кучу, выстроили плотно друг к другу на бруствере ямы, а рядом раненые стонали и истекали кровью. Один охранник наставил автомат на нас, а второй побежал в лагерь за офицером. Пришел офицер. Что-то спросил у охранников, после этого добил всех 3-х товарищей, а нам сказал, угрожая пистолетом, если это еще повторится, будете все расстреляны. После этого охранники приказали нам взять лопаты и зарывать своих товарищей. Целый вечер и ночь думал я о том, ведь это могло быть и со мной. Что делать? Что делать? Жить хочется, а это разве жизнь, и умирать глупо тоже не хочется. На следующий день мы туда не ходили. Вечером подходит Гаврилович и говорит: «Глупые твои решения были, видел, что получилось. У меня есть более интересные действия. Согласен нет на них пойти?» Я не выслушал его решения, ответил – на все согласен. Он мне пригрозил, чтоб я держал язык за зубами, иначе спустим тебя в туалет, а сам улыбнулся.

Почему он меня выбрал?

1. Наверное, потому, что я его не знал, кто он такой, не знал даже, как зовут, какая у него фамилия. Для меня он был только Гаврилович. Остальные ребята из его группы знали о нем все. Наверняка это послужило выбором моей кандидатуры. В случае неудачи и концы в воду.

Второе, у меня уже стали пухнуть ноги, лицо стало сухим, скуластым. Стал походить на мертвеца. Такое продолжительное время прожить без дополнительного куска невыносимо. Иногда, если кое-где перепадет что, они делили, крадучи от меня.

Третье, видно и Гаврилович, смотря на меня, заключил, что можно провернуть вариант. Он заключался в следующем: при очередном покойнике в нашем бараке присоединить меня к нему и бросить в яму. А как это сделать, ведь при вывозке сам офицер всегда смотрит трупы мертвецов. Иногда вывозили сильно больных в полуживом состоянии. Офицер их добивал, а иногда и в мертвецов выпускали пули.

А вариант заключался в следующем.

Пайку с жирами мы получали утром, а баланду вечером – это почти во всех лагерях так было. И вот после получки очередной пайки хлеба я должен «умереть». Гаврилович узнав, что в нашем бараке есть покойник, пошел к полицаю и спросил его, куда сегодня нас погонят. Если на могилы, то надо и наших забрать.

Полицай узнал, что на могилы. Тогда Гаврилович говорит, что сегодня и из нашей группы будет мертвец. «А кто?» – спросил полицай. Гаврилович ответил: «Помните того парня, которого вы сунули нам вместо своего дружка, отправленного с этапом в городской лагерь, он ходил последние дни опухший, а сегодня получил пайку и завернулся. Идите посмотрите нашего доходягу. Интересно, пайку получил, а не съел, зажал ее так, что и взять невозможно. Странный какой-то. Я хотел вывернуть, да совесть не позволяет. Ведь все же с нами жил».

Я был подготовлен и лежал с думами: пройдет или нет. Полицай прибежал, хотя и сыт был, но все равно пайка не лишняя, за нее он может еще кое-кого купить. Взял вывернул у меня эту пайку, а я ее жму. Слышу Гаврилович говорит, что, наверное, у него судороги. Сам стал оголять мои ноги и показывать. Полицай даже не стал смотреть и проверять пульс. Сказал: «Забирайте и его, а я скажу офицеру, что загнулся». Сам побежал.

Да, страшное впереди. Помню, я уже совсем отключился, был безразличен, старался совсем не дышать, но не получалось. Помню, как бросили меня в тачку, а на мою спину положили мертвеца, повезли, доехали до проходной. Привезли к яме, осторожно бросили возле стенки, рядом моего друга. Гаврилович убеждал меня не беспокоиться, глубоко не будешь зарыт, и у тебя возможность будет дышать – воздух около стенки. Земли больше будем бросать в середину. Причем наказал, если пройдет номер, зарой свое место, чтобы не было заметно, а то нас расстреляют.

Самое рискованное было и то, что коляску-тачку везли разные люди, из которых кто-то мог бы и продать, а мне вот сейчас вспоминается, что я несколько раз повернулся, но продан не был, а может, и внимание не обратили, ведь и полуживых много возили. Помню, на прощание, когда уходили пленные от ямы, Гаврилович сказал: «Прощай, Родыч, земля пухом тебе, вспоминай на том свете и нас русских бородачей».

Номер удался, для меня он был началом борьбы за жизнь. Спасибо тебе, Гаврилович, спас ты меня на сей раз от смерти.

Первый сделанный побег мне удался, я считаю потому, что немцы считали тогда нас русскими дикарями ни на что не способными, и не особенно обращали внимание на разные хитрости. Они не ожидали от нас этого, а потом, когда стали уводить машины, самолеты, убивать постовых и т. д., месяца через два этот прием наверняка не удался бы.

С другой стороны, в борьбе за жизнь на любой прием пойдешь. Кто не делает их – погибает. Кто делает – не все погибают. Значит, вывод – идти

по последнему пути, по которому я и шел. Спросите у любого бывшего военнопленного: «Сколько выжило в плену, которые попали в начале войны?» Скажут – немногие.

Могут и сказать, что могли выжить только те, которые питались крестьянским хлебом, т. е. были у крестьян. В моей судьбе этого не было. Правда, было в конце войны около 15 дней, т. е. тогда, когда проблема хлеба уже роли никакой не играла. Итак, умер в лагере военнопленных г. Таллина на аэродроме Копылов Георгий Илларионович, 1917 года рождения, рядовой строительного батальона. Родился вновь Колпаков Григорий Иванович, 1917 года рождения, уроженец Свердловской области. А родиться мне пришлось в ту холодную уж пору 1941 года из эстонской холодной земли в рваной гимнастерке, рваных штанах, босой, без головного убора. Первое время разрешали хоронить, вернее не разрешали, а сдирали со всех умерших хорошую одежду, догола не раздевали. Большинство хоронили в нижнем белье, гимнастерки рваные пропускали, позднее хоронили голых. Еле-еле дыша, около 8 часов вечера я выполз из ямы. Сам себя не мог успокоить, сильно дрожал. Надо было уходить, а земля была уже мороженая, но температура была около 3-4 градусов мороза. Снега еще не было, иногда пролетали крупинки. Откуда вылез, яму зарыл, а вот ноги одеть было нечем, разрывать мертвецов силы не было. Я с полкилометра отошел от могилы, разорвал рубашку и обмотал ноги тряпками, пошел дальше. Так шел, наверно, километров 5-6, уже было темно, в домах еще не спали. К домам я не подходил, но мороз и голод так и толкали к ним. Правда, я дорогой кое-что похватал, но все равно требовалось хлеба. Но в дома решил не заходить, пищи и одежды добиваться другими путями. Действовать силой – ее не было, значит надо действовать хитростями.

Выбрал отдельный домик, сарай, который находился против дома.

В Эстонии раньше у большинства сено хранилось под крытыми навесами, иногда со всех сторон обшитыми досками, кое-где закрыто толью сверху. Залез я на сено – место удобное и для тепла, и для наблюдения. Проспал ночь. Припоминаю, что только я не видел в ночь во сне: и свою любимую девушку, мать, брата. Брат во сне мне всегда виделся к изменению обстоятельств в жизни. Представьте себе и сейчас, как только увижу брата во сне, обязательно будет изменение в жизни.

Да, перед тем как залезть на сеновал, я сходил нарвал капустных листьев, две уже мороженых свеклы, приготовил себе еду на день и зарылся в сено. Было очень тепло, очевидно, вот эта теплота, запах свежего сена меня и убаюкали крепко. Проснулся на рассвете, стал обдумывать дальнейшие действия. Решение было такое – наблюдать целый день за хозяевами, а вечером совершить кражу и уходить. Нужны спички, одежда, обувь, хлеб. В части картошки, овощей, молока – достать проблемы никакой не составляло. Это я доставал испытанным старым способом. Двор выбран без собаки. Часов в

6-7 появился хозяин. Запряг лошадь и куда-то уехал. В доме еще кто-то есть, значит, надо ждать. Появилась хозяйка, стала поить, кормить птицу, коров. Вышел парнишка лет 12, очевидно, в туалет, ушел обратно в дом. Я уже хотел действовать, пойти к женщине, просить есть, одежду, но вижу, она куда-то засобиралась. Вместе с мальчишкой пошли на большую дорогу. Заметил, куда положили ключ. Надо действовать так, чтоб не заметен был след, иначе могут найти. Открыл дом, в переднюю не пошел, нашел хлеб старый черствый, было 3 куска, я взял один. Нашел сало, немного отрезал, взял спички, тоже нашел новую пачку. Взял около пяти штук яиц. Заметил, где живут куры. Взял из сарая теплую рваную одежонку, она мне была велика, но теплая. Долго не мог найти обуви. Которая лежала в доме, боялся взять, по этой обуви могут сразу обнаружить посетителя. Наконец, в ящике обнаружил сандалеты летние, вот их-то я и взял. Захватил еще тряпку и нож, который лежал во дворе на ящике. Со всем взятым побежал в сарай, они еще не появлялись. Прошло несколько минут, вижу едет хозяин. Я вздохнул, значит, сейчас все следы мои заметет. Так и получилось. Правда, и напугал меня крепко. Распряг лошадь, поставил в стойло, а сам пошел за сеном ко мне. Ну, думаю, сейчас обнаружит, а какой-то оказался мужчина не приметлив. Можно было обнаружить по смятому сену меня, но он не обратил внимания на это. Угроза миновала. Он стал что-то мастерить, готовить какую-то оснастку. Так оно и есть, готовил себе лучковую пилу. Когда пришла хозяйка, покушав, хозяин стал пилить мелкие дрова. Когда стемнело, в плане у меня было взять курицу, у них было много – не заметили бы, но почему-то не пошел за курицей, а отправился дальше. Ноги хорошо обмотал тряпками и в сандалии. Они были большие, получилось хорошо. На голову одел тряпку, хоть потеплей немного.

В Эстонии хуторная система немного помогла нам скрываться. Там же дом от дома, примерно, до 1-2 километров. Так что полностью можно хутор ограбить, все утащить с силой оружия. Есть центральные хутора, большие, по несколько домов, обычно они стоят на шоссейных дорогах. Задача моя – как можно быстрей поправиться. Не было никаких планов. Только один – быть скрытным и есть, есть все, что можно взять. В первый же день не стала устраивать меня обувь, стали промокать ноги – ведь не совсем все замерзло, днем были еще оттепели, и получалась кое-где вода, грязь, а ночью не видно. Значит надо искать сапоги. Шапку уже нашел, снял с забора. Как найти обувь – это проблема. Значит, раздевать хозяина, а он сразу догадается и подымет тревогу, будут поиски. Нет, покуда я этого не делал. Отойдя километров 10 от первого посетившего двора, я облюбовал около леса сарай с сеном, с длинными дровами. Их было запасено кубометров десять, очевидно, натасканные из леса, плохой выборной валежник. Этот сарай находился от дома метров 400-500. Только расположился на дневной ночлег, уже стало светать, покушал. Я удивляюсь сейчас, ведь абсолютно все ел в сыром виде. Ни черта

ничего не было – все переваривал желудок. Не успев свернуться, сделать себе гнездо, вдруг заметил идущую лошадь к этому сараю, на телеге сидели двое мужчин. Все, мне деваться некуда, сейчас схватят. Они подъезжают к сараю. Разворачивают лошадь и ставят к дровам. Видимо, приехали не за сеном, а за дровами. Сена было очень много, возов, наверное, около 10, по сену, по дровам можно определить, что хозяин был зажиточный. В Эстонии не каждый имел свои лесные делянки. Один эстонец был очень здоровый, широкоплечий, говорил другому на эстонском языке, другой молчал. Меня это насторожило – не русский ли это? Второй был среднего роста и молодой, наверное, русский. Я стал наблюдать, как они сортировали дрова, опиливали концы, в общем, пилили определенной долготы, чтоб укладывалось на телегу. Очевидно, готовили на продажу – пилили по мерке. Эстонец командовал, иногда покрикивал, второй молчал. Примерно через полчаса я определил, что он был русский. А я уже знал ведь, что это возможно. Значит, сам эстонец – богач, возможно, кайтселиит – эстонский фашист, а это у него работник из пойманных в лесу.

Когда они окомплектовали воз дров, эстонец взял пошел смотреть копны, их было в болоте 5 штук, или зеленую траву около копен, но, в общем, пошел по направлению копен. Русский остался у лошади, стал обвязывать веревкой дрова. А я в это время решил объявиться русскому. «Браток, не смотри на меня, я из таких, как ты, бежал из лагеря, будь добрый, принеси мне хлеба или что-нибудь съестное. Будь добрый. Еще раз говорю, не смотри на сарай. Продашь, Родина будет тебя проклинать». Он ни слова мне ничего не сказал. Я уже покаялся, что объявился, продать может. А потом подумал, что ему продавать, он ведь сытый. Я решил ждать. Лошадь уехала. На следующий день не появился, не появился и ночью. Я уже подумал, что трус, наверное. Только на третьи сутки, опять рано утром, является один, главное один, с лучковой пилой. Как только подъехал к дровам, так разу заговорил радостными такими словами: «Эй, друг, откуда ты узнал, что я пленный?» – Я ему ответил, что определил по поведению. «Рискованно делаешь, дружок, могут в любое время взять кайтселииты, только в сараях и ловят нас. Нас тоже в сараях поймали». Почему-то давай говорить о себе все: что он из Ивановской области, из деревни, из крестьян. В общем, почти все о себе рассказал, а потом спросил меня. Я ему соврал, сказал, что твой земляк из гор. Иваново, с силикатного завода в г. Иваново. Знаешь нет такой завод. Я ему сказал: «около вокзала в противоположную сторону от меланжевого комбината». Он убедился, что я действительно оттуда и расположился ко мне дружелюбно. В действительности на силикатном заводе я проходил практику студентом, когда учился в Москве. В общем, жил я в этом сарае 10 дней. Парень меня кормил всем, чем мог, достал мне и одежонку, а при приобретении сапог чуть не «попух». Сказал мне: «Сматывайся отсюда в эту же ночь, а то меня разоблачат – подозре-

вать стали, земляк. Дружок, не забудь место свое прибрать, чтоб незаметно было, что там жили». Я это исполнил, зарыл все свои объедки в сено глубоко, глубоко, наверх натаскал свежего и примял. Отправился в путь. Спрашивал у него о партизанах. Он посмеялся, говорит: «Сейчас партизан не найти, сейчас происходит ловля нашего брата. В каждом лесу на каждого русского по 10 кайтселиитов. У них даже дети участвуют в поисках, а ты партизан ищешь».

Да, неважные наши дела. До русских мест далеко, зима уже на носу. Попрощались мы с этим пареньком, он даже меня не видел, я его благодарил за все. Он мне на прощание крикнул: «Не забыл мой адрес?», я сказал, что не забыл, но записать было негде и хранить негде, вскоре он забылся. За 10 дней окреп, появилась сила, стал бегать даже бегом. Я сам удивился тому, много ли человеку надо, чтобы восстановить силы. Отойдя от этого хутора километров на пять, ночью я наскочил на двух мужчин, они со мной стали разговаривать по-эстонски, я молчал и ускорил шаг в сторону леса. Они что-то между собой поговорили, но преследовать не стали. Я еще раз послушал – преследования не было. Было уже 11 ночи, в лес идти не решился. В этом месте леса были небольшие и в них не укрыться. Местность плотно заселена хуторами. Преследования все же я ожидал и решил скрываться непосредственно в хуторе. Свернул в левую сторону, пошел на огни домов, их было около 5-6 домов-дворов. Дойдя до первого попавшегося двора, я стал смотреть, где в нем можно спрятаться. Слышу шаги раздаются, а потом чуть доносился разговор. Что делать? Наверное, преследование. Недалеко стояла баня. Вначале я не думал, что баня, думал, что сараюшка. Я тихо, тихо дошел до нее, открыл калитку, зашел в предбанник, в баню. Все это делал тихо, без звука. Сел к окну и стал наблюдать. Тишина не нарушалась. Я просидел примерно около полутора часов. Собрался уже в путь, т. е. искать другое место ко дню, ведь в бане днем могут обнаружить. Слышу стук и шорох. Я посмотрел в окно, вижу две фигуры идут в баню, это были мужчина и женщина. К моему счастью под полок мог пролезть человек, я туда. Шлепнулся в грязь и лежу в ней без движения. Они зашли в баню не сразу, постояли немного около бани, около стены, потом зашли. Я думал, они пробудут недолго, а они задерживаются. Мне же долго не промолчать и не пролежать, все равно я сам себя выдам. Думал, думал и решил, буду скрестись, как мышь, может, побоятся и уйдут. Раз поскребся рукой, да получилось так, что и небольшой шум создал. Рука-то лежала на влажной земле, и она шуршала. Я затих, они притихли. Как только заговорят, я опять поцарапаюсь. Ну, видимо, на женщину это подействовало. Вскоре они ушли. А вдруг мужчина заметил меня? Мне тоже надо уходить. Куда? На рассвете, выйдя из бани, я заметил пасеку с ульями, их было около 20 штук. Около них было что-то черное. Я пошел туда и определил, что это доски. Решил обложиться ими и дневать тут. Это будет надежнее. В пасеку ходят не каждый день. Вот тут-то меня и поймали, взяли.

Бывает же так. Вот именно в этот день пришел мужчина. Зачем пришел, черт его знает. Или ульи перетаскивать, или просто посмотреть, а, может, тот самый, который был в бане. Вначале пришел и все осмотрел, потом подошел к доскам и обнаружил меня. Я мог убежать, но подумал, что это бесполезно, все равно возьмут или пристрелят. Лучше мирно. Стал его уговаривать не выдавать меня, но он был не согласен. Он повел меня к другому хозяину, что-то говорили между собой. Стали меня спрашивать – кто и откуда? Я же эстонский язык не знаю, они не знают русский. Значит, нужен переводчик, и решили отвести в волость, а рядом штаб кайтселиитов. Я обдумывал, что мне говорить, что я из лагеря, где находились свои. Бежал 12 дней назад. Когда их вели с аэродромного лагеря. Меня отвезли в тот лагерь и сдали руководству лагеря. В этом лагере порядки были совершенно другие, чем на аэродроме. В лагере было человек 1500. Жили они в бывших казармах. В казармах было тепло. Пленные работали также группами в городе, на любых работах. Построения были такие же, что и в том лагере. Паек был такой же, только здесь многим удавалось кое-что найти съедобное со стороны во время работы. Половина пленных были сытые, пусть и отбросами. Пухлых пленных почти не было. Из общего количества пленных три или четыре группы работали без дополнительного питания. В некоторых группах даже прикармливали, т. е. варили специально на работе для пленных что-то. Была возможность и собирать окурки.

Полицаи в этом лагере были упитанные, подобраны специально такие здоровые псы. Все были вооружены толстыми, длинными резинами, ходили с ним как с саблями, подвешенными к боку. Обычно почти все одеты были в бушлаты и тельняшки, хотя и во флоте не были. В этом лагере чувствовалось разъединение пленных. Очень много было полицаев из наших, почти на каждые 20-30 человек полицай. Очень много было прислужников лагерному начальству, короче говоря, по сравнению с аэродромным лагерем продажных душ здесь было больше в несколько раз. Все они отъевшиеся за счет остальных. Действовали напористо, жестоко. Лупили резинами без разбору всех, били так, как не били даже немцы. Всем прислужникам было разрешено занимать отдельные кубрики-помещения. Общие залы со всех сторон были окружены этими «каютами» полицаев. Я спал и жил в общем зале. В нем была всегда тишина. Громко разговаривать не разрешалось. Спали так же, как и в том аэродромном лагере, повалкой на полу. Я еще заметил такие различия – краж здесь было меньше. Это, наверное, объясняется тем, что здесь народ был не на пределе голода. Почти весь лагерь произвольно делился на группы. Каждая группа между собой жила дружно. В каждой группе был старший, выбирали его сами, обычно сильного, здорового, умного, умеющего наказывать за проступки. В группе был самосуд. Наказывал старший группы по предложению большинства. Были

между людьми в группе разногласия, вражда вплоть до драки. Старший всегда оберегал своих, не давал обидеть ни одного из своих. В общем, была своеобразная дисциплина внутри группы и во всем лагере. Лагерное начальство при помощи наших отщепенцев-полицаев издевалось над нами как могло. Надо было противопоставить единый кулак. Вот с этой целью, очевидно, и создались отдельные группы. Если где-то кого-то куда-то забирают, выскакивает из помещения вся группа и отстаивает его любыми путями. Вот что я в этом лагере заметил. И еще вот что. Более организованнее здесь стали пленные. В той группе, в которой я находился, было много моряков. Однажды полицай пришел к нам за тельняшкой. Принес две пайки хлеба за нее /они были самые дорогие в лагере/. Старшой не отдал тельняшку, сказал: «Приходи завтра вечером, они у нас грязные. Мы тебе вымоем тельняшку. Получишь чистую. Пайки можешь отдать, а можешь и завтра». А когда ушел полицай, старший сказал всем: «Ребята, даю вам задание – за вечер насобирать около 100 штук вшей. Завтра придет этот хрыч, запустим мы их ему. Я займу его разговором, а ты, Рощин, сыпанешь их за ворот ему. Понял? Так и сделай». Так и было сделано в отместку за изъятие тельняшки. Позднее прошел слух, что якобы этого полицая избили сожители кубрика за эти вши. Они же расползлись по всему помещению. А мы в часы отдыха посмеялись над выдумкой старшего.

Когда привезли меня в лагерь, стали спрашивать: когда, из какой группы бежал. Я стал путать все, они давай меня пытать, бить. И так держали меня в карцере 5 суток. Сидел я в карцере с одним летчиком. Но я не сказал, что из лагеря аэродрома. Потом стал говорить, что просто жил в лесах один. Долго допытывались, с кем жил, кто помогал. Ответ был один – никто, сам все воровал. Через 5 суток меня выпустили из карцера и пустили в общий лагерь, где я встретился с друзьями – Рощиным и Руденко. Долго думал, что меня выдадут, расскажут, что я с аэродромного лагеря, но прошло. Через две недели я стал ходить на работу вместе с друзьями. Они стали меня подкармливать, да и вообще их группа была не на голодном пайке. Наша группа, в которую я влился, работала в «Сперваффенкоманде», т. е. работала у немецких моряков, в том самом порту Минной гавани, откуда нас хотели эвакуировать в Ленинград, откуда мы ушли прорывать фронт. Вся группа, в которой работал, была более нормальная, не голодная. 1942 год. Прорыв блокады под Ленинградом, бои под Москвой, под Псковом изменили обстановку. Враг был сильно потрепан, остановлен. Началась перегруппировка сил в тылу врага. Если раньше нас, военнопленных, убивали на каждом шагу и никакого внимания на это не обращали. То сейчас уже враг стал готовиться к большой войне и, очевидно, стал рассчитывать на нас как на рабочую силу. Было запрещено и объявлено нам, что убивать без суда немцы не будут. Кое-где иногда стали поговаривать, что немцы дружелюбны к

нам, не бьют и не стреляют в нас, а делают это наши же. Иногда даже стали убеждать в этом. И в действительности, в лагере больше били наши полицаи. Вот не помню, в какое время, кажется, в начале июня 1942 года, выстроили нас всех на площади, и давай приглашать в немецкую армию. Помню, набрали тогда человек 40 мирно, без всякого шума, стрельбы. Много попало полицаев. Потом мы узнали, что продажные попали в разведгруппу, которая была создана в г. Таллине, их видели в немецкой форме – это были отдельные отщепенцы. В лагере в основном все были патриотически преданы своей Родине. Интересно, если раньше, где я был на аэродромном лагере, там голодные продавали за пайку хлеба друг друга, здесь были сытые. Условия в лагере были лучшие, а люди почти все были патриотами. Иногда и уже в коллективе поговаривали о победе наших и о гибели фашизма. Меньше стали бояться смерти, больше стали проявлять смелости. Я помню, прошел слух по лагерю об угоне немецкого самолета нашими военнопленными, ведь что только не говорили /конечно, покуда разговор шел между друзьями/. В общем, патриотизм тех ребят, которые угнали самолет, был примером для многих из нас. Стали доходить слухи о подвигах и других наших товарищей. Много о них рассказывалось, все их не опишешь. Жуткие вещи рассказывали ребята, прибывшие с турбоэлектрохода «И. Сталин». Он был потоплен на рейде из г. Таллина в г. Кронштадт.

Людей там, на теплоходе, было эвакуировано около 3-х тысяч человек. Вот что рассказал один очевидец из прибывших: «Прошли мы, наверное, миль 40-50 более-менее удачно, но чувствовалось, что все время мы были на прицеле. Но катера немецкие, очевидно, боялись заходить в наши воды, вообще, морской атаки не было никакой, а самолеты беспокоили. Вначале отдельные по 3 самолета. Зенитки были на теплоходе, отбивали атаки. Нас успокаивали, что дойдем, дойдем, ребята до г. Кронштадта, а не дошли. Немцы решили, видимо, нас потопить. В день потопления сделано немцами около 10 вылетов. Весь день и на палубе, и в кораблях была напряженная обстановка с техникой. В начальный период атаки все лезли вниз, а когда замолчали наши зенитки, начались сильные взрывы, теплоход получил несколько пробоев, когда стала заходить вода в нижние отсеки. Люди стали лезть кверху, командование корабля ничего не могло сделать, чтобы было спокойно на корабле. В период выхода людей на палубу сверху, с бреющего полета сыпались мелкие бомбы, а иногда и стрельба из пулеметов. Жуткая картина была. Люди прямо лезли на смерть. Когда корабль был доведен до такого состояния, подорвавшись на 3-х минах. Когда не было уже никакой возможности произвести ремонт, приказывало выходить наверх и прыгать в воду с расчетом спасения на воде. Корабль от эстонского берега был в 10 милях. Белого флага не выбрасывалось долго. Когда я очутился на палубе, видел такое зрелище: все, кто как мог, спустился на воду, одни пры-

гали, другие осторожно спускались на воду по веревке, третьи спускались на уцелевшие шлюпки. Часть людей сами в себя стреляли. Видел как один, очевидно, начальник финансов с двумя шпалами интендантской службы, возился с двумя чемоданами денег. Вижу, один чемодан открыл и давай пачки денег бросать в воду. Я понаблюдал за ним, он, освободив таким способом оба чемодана, что-то кричал, я при шуме не мог разобрать. После этой операции прыгнул в воду. Прыгнул и я. Все плыли по направлению к берегу. Кто как мог. Плыли и на лодках, плыли и на кругах, и на досках. В общем, был многолюдный заплыв к берегу. А ведь плавать то не каждый умел хорошо, да и не каждый был выносливый, вода холодная. Через несколько часов заплыва стали хвататься друг задруга, обращаться за помощью, тонуть и тащить за собой сильного. Ухватился и за меня один товарищ. Страшно умолял меня помочь ему. А как? Значит, самому погибать. Я ушел от него, впереди наскочил на другого, который схватился за меня и кричит: «Помоги немного». Да так меня умотал, что я чуть-чуть концы не отдал. 10 миль расстояние не большое, в мирных условиях в теплой воде переплыть можно просто. Люди целыми сутками иногда бывают на воде, ничего не делается. Но вода-то была уже холодная».

Далее рассказывает товарищ: «Доплыло до берега несколько человек, остальные все потонули. Что было с кораблем и с остальной командой на корабле – не знаю. Был туман, и видимости корабля не было, но тонул он медленно. Была спасательная группа или не была – не знаю, на своем пути никаких мелких кораблей и катеров не видели.

Не доплыв около километра до берега, и со мной случилось то же, что и с предыдущим утопающим. Вода холодная, тело не в состоянии продолжительное время воспринимать нагрузки в такой воде. Разница температур тела и воды действовали на организм человека: одни задыхались, другие выходили из сил, у третьих были судороги, от которых также тонули. У меня наступило последнее. Спас вот тот дружок, который сидит спиной ко мне в черном бушлате. У него в зубах был нож. Когда я закричал, обращаясь за помощью, что мне стало тянуть ноги. Он крикнул: «Я помогу тебе», а было уже недалеко до берега. Взял вначале одну ногу, потом на другой сделал около ступни небольшие ранки, из которых пошла кровь и моментально судороги исчезли. «Ничего, успеешь доплыть, а если живы, и кровь будет» – так он мне сказал. Оказывается, действительно, при судорогах в воде помогают удары с пробоями кровяных сосудов».

С такими жертвами потонул наш теплоход. От очевидцев я узнал, что было потоплено с людьми и военной техникой ряд кораблей, которые выходили из бухт, из Таллиннских портов. Немногим посчастливилось добраться до г. Ленинграда или до Кронштадта.

СПРАВКА
о турбоэлектроходе «И. Сталин»
из книги «На дальних подступах»
Сергея Ивановича Кабанова – генерал-лейтенанта,
страница 130

«Днем, 20 июня 1941 года на базу «Ханко» прибыл рейсовый турбоэлектроход «И. Сталин» – это был большой товаро-пассажирский корабль водоизмещением 13500 тонн, недавно купленный СССР в Голландии. С весны этот корабль совершал регулярные рейсы на линии Ленинград – Таллин – Ханко <…>[245]

Я срочно донес командованию, что задержал турбоэлектроход, рассчитывал отправить на нем семьи командиров <…>

Выход турбоэлектрохода назначили на 18 часов 22.VI.41. Он вышел с Ханко, а как дошел до Ленинграда в книге не описано. Очевидно, благополучно, т. е. хорошо без потерь, и с первых дней войны турбоэлектроход находился в Ленинграде.

<…> В канун декабря за нами из Ленинграда прислали столько единиц, что мы сможем вывести всех с полуострова «Ханко», в том числе огромный турбоэлектроход «И. Сталин». На турбоэлектроход была погружена почти половина всех защитников полуострова, оставшихся к концу обороны /2 и 3 декабря/. В составе уходящей эскадры были кроме турбоэлектрохода эсминцы «Стойкий», «Славный», шесть базовых тральщиков № 205, 207, 211, 215, 217, 218, семь катеров и четыре торпедных катера. Эти корабли везли 8935 человек, более 3-х тысяч находились на турбоэлектроходе <…> На Гогланде /остров/ я узнал, что подорвался на минах турбоэлектроход «И. Сталин». Сонливость, усталость – все как рукой сняло. Я сидел как на иголках <…>

<…> Только позднее, уже в Ленинграде, я узнал все подробности случившегося. Примерно в 1 час. 16 мин. 3 декабря у борта электрохода взорвалась мина. Взрыв вывел из строя рулевое управление, корабль попятился вправо, стал поперек курса. За первым взрывом последовал второй в кормовой части. Судно осталось без хода и управления.

Около гибнущего электрохода находились эсминец «Славный», два базовых тральщика № 217 и 205, четыре катера. Эсминец пытался взять на буксир турбоэлектроход. В 1 час. 26 мин. под корпусом турбоэлектрохода раздался третий взрыв. Эсминец «Славный», на борту которого находилось 602 защитника Ханко, боясь подрыва, отошел от гибнущего судна <…>

<…> Судно резко погрузилось в воду.

<…> Турбоэлектроход «И. Сталин», как оказалось впоследствии, не погиб. Обладая еще значительной плавучестью, он дрейфовал и находился у южно-

245 Здесь и далее по тексту справки, автором воспоминаний опущены части текста.

го берега Финского залива в районе между мысом Сурули и Пакри. Там он сел на мель и был захвачен фашистами».

Такие данные о турбоэлектроходе в книге Кабанова. Да, интересная справка дается Кабановым в книге: было посажено на корабли с полуострова «Ханко» 27809 человек. Дошли до Ленинграда 22822 человека. Около 5 тысяч погибли. Германские и финские историки считают, что спаслось не более 10 тысяч гангутцев.

Многих кораблей сложилась судьба, похожая на судьбу теплохода «И. Сталин». Значит, если бы мы попали в порту на какой-то корабль, то были бы, наверняка, в таком положении, о каком рассказывал товарищ.

Все это позади, а что впереди?

Впереди на каждом шагу смерть, но надо выжить, надо научиться бороться со смертью. Да, надо еще и постараться расплату сделать, иначе Родина-мать в свой дом не пустит, хотя и вины твоей в этом нет. Очень сложно это сделать, ведь мы сейчас в фашистской колеснице, в фашистском тылу, даже помогаем чем, под силой оружия. Итак, я в группе военнопленных, которая работает в морской части фашистов. Среди нас, военнопленных, есть минер с нашего минного тральщика. Фамилия его Винокуриев Сергей Ильич. По своему умению, выходкам, наверное, был старшиной, а может даже офицером. О бывшем звании своем он никогда не говорил. Сперваф-командо – это часть тоже была связана прямым образом с минным делом. Когда нас водили в порт, то часто заставляли разбирать всякую оснастку минного дела /буллера, троса, лодки и разная холера/. Немецкие мины я не видел. Водили в порт группу нашу два немецких солдата в морской форме. Один был пожилой и немного говорил по-русски. Звали его Францем, он говорил, что раньше в первую империалистическую войну был у нас в плену. Этот охранник к нам относился хорошо, другой солдат был очень жестокий. Они друг друга ненавидели. Франц часто говорил нам про него, что он фашист. Про себя он же говорил другое: «Я не фашист, меня заставляют делать то, что сейчас делаю. Мне войну не надо. Война никому не нужна». В дальнейшем с этим Францем мы говорили почти все, он нас не продавал командованию своему. Он тогда уже в 1942 году /в начале 1942 года/ говорил, что Гитлеру будет капут: «Ваша Россия большая, людей много. Хотя мы и зашли на нее, но всю Россию нам не взять. Если зайдем далеко, вы с тыла нас будете давить. Это сейчас у нас победы, когда союзники наши помогают, а как откажутся, так и капут нам. Я знаю русского Ивана, он дерется не хуже наших французов». Как-то раз даже рассказал такую историю: «Набрали наши русских для разведки в тыл к вам. Перебросили их на вашу землю, а они все разбежались. Один даже по радио передал, благодарил наших за сделанные услуги перебросок его туда». Как-то в одно время злой охранник отлучился, так этот Франц, что

только нам не рассказал, а закончил вот чем: «Смотрите, ребята, на наши корабли садятся чайки. Это значит – всем им будет конец. Может, вы не доживете до этого времени, но им всем будет капут». Не глупый был Франц, угадал. Благодаря ему наша группа всегда почти была сыта. Он почти каждый день давал дополнительно нам супа, не баланды, а настоящего супа. Но в то же время часто, часто говорил: «Вы, ребята, не подводите меня, не убегайте от меня, а то мне будет капут. Я знаю, сам был в плену, и у вас много хороших людей, которые спасли мне жизнь». Однажды, когда на наших глазах один офицер, увидев, что он нас подкармливает и братанится[246] с нами, прямо при нас избил его, т. е. не избил, а дал пять оплеух. Потом мы спросили его, за что он получил, он сказал – за братание с вами, и добавил: «Ничего особенного, у нас в армии применяется рукоприкладство. Офицеру разрешено это делать». Многое этот Франц нам рассказал, подкормил нас хорошо. Через 10-15 дней его заменили. Мы были все из этой группы в теле, т. е. сытые, и имели силу. Когда Франца сняли, мы стали думать, покуда есть сила в нас – о побеге. В порту работали эстонцы. Нет-нет, да и кто-нибудь подсунет нам что-нибудь. Благодарили за это их и все время просили сообщить, где есть партизаны. Проработали мы в порту несколько месяцев, и ни один эстонец не помог сделать побег к партизанам. По всем приметам не было их еще в то время. Сочувствующих было много, а действенных организаций, наверняка, в городе Таллине не было в тот период времени. Значит, надо решать самим без всякой помощи. Вот мы и решали. У одних эти номера проходили удачно, у других обрывались, и превращались они в неудачников. Таким неудачником оказался и я, но об этом позднее.

Так вот, наша группа, работающая под автоматами в порту, в части «Сперваффенкомандо» делала все черновые работы вплоть до очистки уборной. Но делала и опасные работы как для фашистов, так и для нас. В особенности часто толкали под смерть нашего минера. Однажды и я был в таком положении. Немцы обнаружили в заливе нашу плавающую мину. Нужно было ликвидировать опасность. Перед приводом нас в часть в порт приходит к нам офицер с переводчиком и говорит: «Кто из вас тут минер?» После долгого молчания нашей группы Сергей ответил: «Я». «Мы обнаружили мину, надо ее обезвредить. Решили /он указал на Сергея/ заставить тебя, ведь, наверняка, было дело твоих рук, вот твои руки пусть ее и обезвредят. Ведь мина-то может пригодиться и нам». Сергей стоял со мной рядом, глядя на него, я заметил, как он страшно побелел, молчал и ничего не говорил. «Еще одного надо человека, сам бери». Сергей указал на меня. Офицер забрал нас двоих, посадил в машину и куда-то повез. Привез в порт, посадили в катер, повезли морем. Подошли к мине на расстояние 250-300 метров. Офицер кричит нам: «Куке» /смотри/. Сам показывает рукой на плавающую мину, у которой из

246 Вероятно, *братается*.

воды виднелись одни только рога, саму мину видно не было. Вскочили они на борт и нас заставляют идти туда. Когда заталкивали в катер, я не заметил шлюпку на борту, заставляют эту шлюпку спускать на воду. Все стало ясно. Сергея подвели к набору медных ключей. Когда оказались в лодке, я говорю Сергею: «Что будем делать? Управлять лодкой я не совсем хорошо умею». Правда, к нашему счастью был на воде штиль – тихо. Волны маленькие-маленькие были, но все равно было очень опасно.

Немцы оттолкнули лодку от катера и показали на мину. Сергей сам сел за весла, из катера закричали, чтоб я сел за весла. Он дал знак, что хочет обучить меня. Когда Сергей рассказывал мне все, как надо подводить к мине, маневрируя шлюпкой, немцы насторожились, появился у одного в руках автомат. Сволочи, думают, что мы сдрейфим или сделаем попытку удрать. Правда, мы думали об этом, но обстоятельства подсказывали: или умирать от своей мины, или обезвреживать мину. Уйти на шлюпке невозможно, догонят и расстреляют. Отказаться – тоже могут кокнуть. Мы поплыли к мине, на ходу Сергей еще раз рассказал мне, как удаляются запалы у мины. Он говорил мне: «Запал с детонатором находятся в одном из рогов мины, надо осторожно к мине подплыть, так, чтоб не было удара шлюпки о мину». Многое-многое он говорил о морских минах, но я запомнил только слова Сергея: «Нужно удалить запал и мина безвредная. Запал удаляется умелыми руками. Ошибка для минера – смерть. Ошибешься – взлетим на воздух. Ты знаешь, какая силища у этой мины – она же корабельная». Когда стали подъезжать к мине, он посадил меня на весла, сам лег на носок шлюпки, растопырил свои руки, сказал: «Тихо, тихо подплывай». Когда он осмотрел мину, определился и сказал: «Слушай, надо с другой стороны подъезжать к ней – на ветер, чтоб не было возможности шлюпкой толкнуть мину, и невыгодное положение для операции». Мы повернули в обход. Слышим – загудел мотор катера, насторожились, видимо. Подъехали с противоположной стороны, Сергей ухватился рукой за мину, шлюпка стояла спокойно, чуть-чуть даже ее отбрасывало от мины, тоже в какой-то степени затрудняло работу, но это было менее опасно. Сергей молчал, молчал и я. Когда сделал «операцию», заговорил: «Слушай, знаешь, что можно сделать. Найти запальный стакан в порту, а этот оставить в мине. А немцам сказать, что мина обезврежена. Красиво бы они взлетели на воздух». Поговорив еще кое о чем, стали махать катеру, чтобы шел. Он не трогался. Видим, выскочил из кабины тот офицер, который привез нас, и машет рукой, чтоб мы плыли к ним. Холеры, боятся подходить, а ты хотел их пустить в воздух. Когда подошли к катеру, показал Сергей вытащенное из мины, и то не поверили. Офицер говорил и показывал, что они могут взлететь. К мине катером не пошли, а повезли нас обратно и сдали в группу. На следующий день взяли одного Сергея. Он сказал, что мину приволокли. Солдаты подымали ее на берег при помощи лебедки и длинных толстых тросов.

Описанная операция, проделанная немцами, не единична. Нас заставляли делать очень опасные работы, но эта операция самая опасная, страшная для нас. У меня и у Сергея во время «работы» тряслись поджилки. У меня изо рта текла слюна от перенапряжения нервной системы. Ведь при незнании дела, при маленькой ошибке в «работе» – неминуемая смерть – это мы ощущали всем телом. Фашисты – сволочи, посылали нас на явную смерть, а сами заливались смехом в катере.

Но смерть и по сей день миновала нас. Этот случай был в 1942 году, фашистские минеры рыскали по всему Финскому заливу и по всему Балтийскому морю, очищая фарватеры и порты от своих и наших мин. Позднее я узнал, что выставленные мины тральщиком подымаются на поверхность воды, выводятся на неопасное место и взрываются при помощи привязанного к мине взрывного патрона. Только в исключительных случаях разоружаются на месте и вывозятся на берег.

В описанном случае устроили они нам испытание на выносливость, трусость. Не только испытание, но и проверку устроили минеру. Как он знает минное дело. Но наш минер, видимо, был опытен в своих делах, да и по его словам, он был неплохим минером. Запомнились мне его слова о минах: «Мина – это силище, она разламывает корабль пополам». Он знал тогда уже, что у немцев есть очень опасные неконтактные мины /магнитные/. При появлении вокруг мины любых железных предметов /катеров, кораблей, подводных лодок и т. д./ чувствительный механизм в магнитном поле замыкает цепь с запальным стаканом, детонатором, часовой механизм вступает в работу, и через определенное время происходит взрыв огромной силы. Даже необязательно соприкосновение корабля с миной. Так вот, такие мины уже висели и лежали в Балтийском море тогда. Но, несмотря на большую опасность от мины, они к себе подпускали мирного человека, т. е. такого человека, который голыми руками трогал ее, разоружал. Оказывается, только знать ее надо было хорошо, и знать, за что браться.

Работали в военном порту в части «Сперваффенкомандо», нашу группу не допускали к складу мин, к нашим советским и немецким черным, серым из алюминия, круглым, продолговатым, похожим на пузатых свиней-стервятников. Видеть мы их видели и иногда волочили их по трапам-рельсам в склад или из склада. Опасная для нас была работа в порту. А что сделаешь?

Да, а как же узнали фашисты, что в нашей группе есть минер? А вот как. Сергей, минер наш, как-то крадучи забрался в склад наших советских мин и вытащил из мины с а х а р и н! Для чего он применялся в минах – не знаю. Сколько было вытащено, тоже не знаю. Но крупинки сахарина с горошину после прихода группы в лагерь поползли по рукам военнопленных. Ведь сахар-то мы не видели и не ели продолжительное время, и лакомство сахаринкой представляло удовольствие каждому военнопленному.

Сергей же менял этот сахарин на табак, а знакомым так давал. Видимо, кто-то из охраны лагеря, а может из наших сволочей-полицаев сообщил руководству лагеря, что у военнопленных появился сахарин. В военном порту работала только наша группа. При расследовании определили, что это дело нашей группы. Немцы-моряки знали, что достать сахарин из мины из склада может только минер. Нашли минера, нашли и виновника. Но его почему-то не наказали, а стали использовать в своих целях, посылая на смертельные операции.

Какая участь минера-Сергея – не знаю. Забегу вперед: когда я ездил на открытие памятника узникам в городе уже Маарду в 1987 году, мне один эстонец многое рассказал о Винокурцеве Сергее. Оказывается, он был жив до 1973 года и жил в Таллине. Похоронен на Таллиннском кладбище.

Вскоре после этой операции, примерно 5 июня 1942 года, из нашей группы сбежал один товарищ. Было это в порту. Были разделены на две группки. Мы с одним охранником работали в складах, с другим работали на уборке двора. За стеною двора стояла грузовая машина. Ребята говорят, что якобы через уборную выскочил со двора и прыгнул в кузов машины. Машина тронулась и его увезла. Это предположение. В действительности, может, было совсем по-другому. Но факт тот, что одного товарища у нас не стало, исчез. В конце смены ох и поискали охранники его, а потом давай нас дубасить, чем попало. Привели в лагерь всех избитых, били, допытывались, куда он сбежал. А на следующий день на эти работы подобрали другую группу. Мы были оставлены на работах в лагере. Кончилось наше преимущество перед другими. Запасик в теле снова стал истощаться. Старались попасть в другие группы – не удавалось. Побыв несколько дней в лагере, 11 июня 1942 года, при комплектовании группы в 60 человек нас направили в лагерь смерти «Эстифосфорит».

Сергей, наш минер, был взят обратно этими моряками-немцами.

Лагерь «Эстифосфорит» находился недалеко от гор. Таллина километров 26. Там была небольшая шахтенка по добыче фосфоритных ракушек /мелкие зеленые ракушки – морские/. Залегали они на небольшой глубине. От этой шахты до Таллиннского порта была сделана узкоколейная дорога. По этой железной дороге вывозили ракушки. Когда зашли в Эстонию немцы, шахту не закрыли, а добычу ракушек производили военнопленными и эстонцами. Ракушки залегали разным химическим составом. Сливки /с хорошим составом/ они заставляли грузить в мешки и отправляли по ж[елезной]/дороге в порт, а оттуда в Германию. С плохим составом ракушки вывозились на вагонетках в отвал возле железной дороги. Около шахты был небольшой поселок, в стороне от поселка был лагерь военнопленных. Находилось там 150 человек в 2-х бараках, сделанных из тонких бревен. В каждом бараке было два входа. Бараки разделены на два помещения и отгорожены заборкой друг от

друга /плотной/, общего хода не было. Бараки были обтянуты колючей проволокой в два ряда, высота проволоки около 3-х метров. Внутри лагеря была оставлена площадь для построения военнопленных. В одном углу проволочного квадрата была сделана уборная, на расстоянии от проволоки 4 метра. С внешней стороны проволочного квадрата было караульное помещение, небольшое человек на 5-6. Находился лагерь около 1 км от шахты и небольшого хуторного поселка на открытом ровном месте. Березовый лес находился от лагеря 200-250 метров с двух юго-западных сторон. Между лесом и лагерем был луг, очевидно, принадлежавший владельцу шахты. С восточной стороны шахты по направлению к Ленинграду была большая поляна с отдельными березами и огородами. Терриконики ракушек около шахты были небольшие и невысокие, длиной не более 250-300 метров, шириной 5-6 метров. Сама шахта каркасная с капром. Около капра было большое кирпичное здание 4-х этажное. Около лагеря с восточной стороны виднелась братская могила /обыкновенная большая яма, в которую, по рассказам ранее живущих, ежедневно выносили мертвых по 5-6 человек/. Я уже писал – лагерь состоял из 150 человек – это количество всегда придерживалось. Партии из 30-60 человек привозили через 1-2 месяца взамен замученных. Привезли на сей раз нас. Освободили для нас один барак. Всех доходяг /ранее живущих/ перевели в другой барак. Выстроили нас на лагерной площадке и объяснили, для чего мы привезены сюда. Сказали, что будете строить железнодорожный тупик для ракушек около шахты, продлять существующий на 300-400 метров. Старая группа в 60-70 человек работает в шахте. Охрана лагеря была в основном из эстонских кайтселиитов /фашистов/. Начальник лагеря был немец унтерофицер низкого роста, ярый фашист, очень злой не только к военнопленным, но доставалось и охране. Охрана состояла из 20 человек. Охранники были в гражданском, с повязками, все молодые не более 30-35 лет /вся эстонская сволочь при отступлении наших скрывалась в лесах/[247]. Объяснили нам, для чего мы привезены сюда, и когда пришли с работы прежние группы, мы объединились. Увидев их костлявых, часть опухших, каждый из нас думал, что это же ожидает нас. Достать со стороны что-то съестное в этом лагере было исключено, кроме овощей. Старые ребята, куряки, говорят, что по 10-15 суток не курили ничего. Нам готовы были отдать последнюю пайку за одну затяжку. Привезли нас на явную смерть. У всех привезенных была одна мысль: бежать, бежать любыми путями, бежать пока есть силы. В том числе была мысль и у меня. Здесь еще процветало продажное явление. Утопающие, хватаясь за соломинку, продавали других. Открытый разговор между пленными о побеге невозможен был. Внутри лагеря были кражи и убийства в особенности у наших ребят, прибывших из гор. Таллина. Мы 4 человека держались друг за друга крепко. Всегда четвертый у нас барствовал днем и ночью.

247 Фраза */вся эстонская сволочь при отступлении наших скрывалась в лесах/* зачеркнута.

Мои друзья – трое: Рощин Александр, Руденко Петр, Персиянов Иван. Персиянов Иван Михайлович примкнул к нам позднее – в период комплектования и отправки сюда. Он был со мной из одной базы г. Палдийска[248]. Случайно встретились мы с ним в лагере и после этого не расставались. Он был старше меня лет на 5. Носил уже большую бороду и казался стариком. Мать у него была еврейка, отец грузин. Сам он был очень умный, толковый мужчина. Говорит, что был студентом одного из институтов. О Рощине я писал – он моряк с Балтики. Руденко из сухопутных частей, кажется, тоже был строителем. Мы все четверо жили дружно группой. В дальнейшем охранники нас называли – иудской. Поясняю: евреев в лагере нашем не было. Был только в нашей группе Персиянов, и то не еврей. Он не походил на еврея и не писался евреем. Он, скорее, походил на грузина. Но было немного и еврейского. Во время построения охранники лагеря искали его, били его, а сам унтер издевался над ним – выведет его одного на площадку и дубасит и кричит: «Иуда он, иуда». Так как он наш друг и всегда был около нас, вот поэтому и наша группа стала иудской группой. «Иудская группа, становись сюда, иудская группа, иди туда, иудская группа, делай то-то». А вот делали мы самое последнее и трудное. Из-за этого друга много и нам перепадало. В общем, жили мы в этом лагере, как смертники. Смерть ходила у нас по пятам. Мы всей группой сразу решили сделать побег. Вначале мнения у всех были – сделать групповой побег. А как? Возможности такой не оказалось. Все четверо дали друг другу клятву, что друг друга не продавать и разговоры, которые буду между собой, не распространять другим. Между собой мы всем делились. Записали адреса домашние друг у друга. Каждый рассказывал о себе более подробно с тем расчетом, что если кто-то из нас останется жив, то должен сообщить родителям обязательно. Планы наши были такие – при любых возможностях бежать из лагеря одному или группой. При побеге друг другу помогать. Опыт побега у нас уже был, смерти мы уже не боялись, но хотелось жить, раз так, то хотелось и сделать побег без смерти. Но беда была в том, что каждый из привезенных думал о побеге. Почти каждый день были побеги. На второй день, когда нас привели на строительство железнодорожного полотна узкой колеи. Работали мы на грунте, делали полотно. Были очевидцами такого случая: те ребята, которые работали в шахте, взяли одного забросали в вагонетке ракушками и отправили на-гора. Я в шахте не работал, не знаю, какая она была: наклонная или вертикальная, но видел, как груженые ракушками выходили из шахтного здания и отвозились в отвал, около здания тянула вагонетки тросом лебедка. А на месте выгрузки стоял охранник с 6-тью военнопленными, которые отбрасывали ракушки в сторону. Когда подошли вагонетки, около 10 штук /емкостью около куба/, к краю отвала, военнопленные стали их перевертывать и отбрасывать ракушки. В ракушках

248 Вероятно, *г. Палдиски* – город в Эстонии, порт на берегу Финского залива.

обнаружили человека своего, наверно, договорились раньше. Мы находились на расстоянии 30-35 метров от отвала, это, очевидно, ребята не учли, что мы тут будем работать и нас было человек 30, четыре охранника. Ребята, выгружавшие ракушки, в замешательстве. Им надо бы первую вагонетку выгружать, они ее не стали выгружать, а работали у тех, где нет человека. Ждали момента, когда отойдет охранник куда-нибудь, а он назло не отходил. Они разгрузили почте все вагонетки, а охранник не отлучался. Видя такое дело, они через шесть-семь вагонеток от той, в которой человек был, подняли шум, один притворился припадочным: упал, остальные возились около него. Подошел к ним и охранник, хотел стрелять, те закричали. В это время стал вылезать из вагонетки человек – даже мы все видели, видела и охрана наша. Вначале не знали, что делать. Кричали охраннику, тому, который был в вагонетке, делать было нечего, как бежать, а куда – кругом охрана. Все равно умирать, но побежал. Наш охранник пытался его догнать, но не догнал, а убил его. Все это было на наших глазах. На третий день один попытался из нашей группы сделать побег, но тоже неудачно – был убит. Видимо, здесь не считались ни с чем, всех при попытке к бегству убивали. Дней через пять был такой случай. Было в нашей группе два родных брата. Они решили сорвать несколько капустных листков. Один подошел к охраннику, стал упрашивать его, а второй давай уже рвать. Охранник ни на какие уговоры не пошел, оттолкнул упрашивающего, а рвущего листы убил наповал. Второй брат бросился на него, хотел вырвать автомат, но на помощь подоспели остальные охранники, и давай прикладами бить. Убили второго брата. Остановили нас, пригрозили, чтоб мы больше этого не делали. Стояли мы около часу. Вызвали унтера. Тот прибежал – вместо спроса с охраны давай бить нас. Конечно, не всех, но кое-кому попало крепко. Вот так началось наше новое существование. Еще дней через 5-10 нашу группу из 15 человек направили на разгрузку мешков с фосфоритом из вагончиков узкой колеи в порту на площадку. Был состав для узкой колеи из 7-8 вагонов[249]. За паровозиком была подцеплена платформа, а дальше были вагоны, гружёные мешками. Погрузили нас на платформу пустую, посадили 2-х охранников. Один был впереди платформы, другой позади. Но заставили всех сесть в вагоне. Вагон был с невысоким бортом – см 40-50, не больше. Я сел на середине около левого борта, рядом были мои друзья. Поезд тронулся, дал пар, он обволок паровоз и вагоны. Я шепнул ребятам: обстановка дает возможность бежать. Сейчас нельзя, а если будет дорогой, можно рискнуть. Кто первый? Сашка говорит: «Ты сидишь в середине – давай пробуй». Я мотнул головой. Когда мы разговаривали, через четыре человека от меня сидел ненадежный парень, мы его боялись. Он видел, что мы разговариваем о чем-то. Охранник не видел и не слышал наш разговор. И действительно, такая возможность, какую я ожидал,

249 Слово *вагонов* написано от руки поверх печатного текста.

была. Проехав км 15 от шахты, дорога пошла в гору, стал наш паровозик пыхтеть, обволакивая паром нас. Я шепнул Сашке /почему-то я всегда считал его более надежным и верным/: «Пошел». Он заслонил меня, я быстро перебросил ноги через борт. Тот ненадежный парень заорал: «Что ты делаешь?», еще что-то кричал, но я не помню, не помню и того, как я снова очутился в вагоне. Мои друзья растерялись, взяли меня за руки и вытащили на площадку, подошел охранник, часть этой операции заметил. Была у него толстая резина, и он этой резиной стал меня дубасить. Так избил, что я несколько времени лежал без движения. Ребята мои уцелели. Охранник, наверное, подумал, что они не дали мне спрыгнуть. Мы были все запуганы. Нам говорили, что если кто-то из вас убежит, будет каждый десятый расстрелян. Кое-кто этого боялся, и по этой причине продавали друг друга, что и случилось со мной. На своих ребят я не обиделся, так как мне в ту минуту прыгать было нельзя. Место не позволяло, я выжидал. Нужно лучше место, а там какие-то валялись шпалы – я их боялся. Если бы прыгнул, наверняка, покалечился бы, был добит. Мы неоднократно ездили разгружать мешки в порт. Была еще одна возможность мне сбежать. Рискованная, правда, но была. Стояла недалеко от штабеля груда бочек. Около бочек были эстонские грузчики. Я уже скрылся из своей группы. Находился возле бочек. Обнаружил меня один грузчик, короче говоря, увидел. По его поведению вижу, что он продает. Он заметил меня, я сразу же побежал к нему и стал просить хлеба. Он схватил меня за руку и повел к охранникам нашим. Приведя, очевидно, сказал, что я у него просил хлеба – так я из разговора понял, благодаря этому я отделался побоями. Но в порту были и такие эстонцы, которые подбрасывали нам картошки, иногда сухие корочки хлеба – было и это. После этого я упал духом. Надежды на побег иссякли. Неудача за неудачей. После работы до отбоя, отбой у нас в лагере был в 11 часов, в 11 часов всех строят, проверяют, загоняют в барак, закрывают на замок. Внутрь барака ставят параши для тех, кого прижмет ночью. А прижимало ночью часто. Ведь нас кормили баландой, изготовленной из овощей, овощи были разные, бывали и такие, которые свиньям негодные. В общем, вода и всякая дрянь, этого мы принимали много, поэтому каждое утро выносили парашу полную. В вонище приходилось и спать. После работы с 20 до 23 часов мы отдыхали внутри лагеря за проволокой кто как мог. Я обычно выбирал полянку помягче, лежал и думал обо всем. Ни с кем я не делился, ни с кем не разговаривал, кроме своих друзей. Знал, что это делать нельзя. Пробыв продолжительное время в этом лагере, стали друг за другом следить и замечать, кто чем дышит. Однажды в такой момент приходит ко мне пожилой товарищ и говорит: «Я знаю, о чем ты думаешь. Ты думаешь о том, как сделать удачный побег. Давай объединимся, нас шестеро и вас четыре. Десять человек многое могут сделать, подумай. Я знаю, что ты не продашь». На следующий день в том же месте я дал ему согласие. И так образо-

валась в нашем крайнем отсеке крайнего к лесу барака группа с планом коллективного побега. Руководителем группы был товарищ, предлагающий мне побег, а помощником оказался я. Каждый день по несколько минут мы совещались с ним. Первоначальные планы побега были такие: в каждом помещении были сделаны общие нары-площадки на высоте от пола 60 см, посередине помещения была сделана печь-камин, по бокам и стенкам спальные нары. Около топки печки всегда были дрова и дровяной мусор. Было решено в углу около печки под нарами выбить две половые доски и сделать ход под пол. Под полом, под входными дверями, подкопать под фундамент и сделать лаз под крыльцо. У каждых дверей у обоих бараков были высокие помещения – крыльцо примерно 1,5х1,5 метра, сделанные вровень с порогом дверей. Площадки крыльца были сделаны из досок, обитые с боков тонкими досками, выбить их не составляло труда. Так и было решено. В ночное время охрана по одному человеку на барак заходит внутрь лагеря и ходит круг барака, все это беспрерывно по два или 4 часа. Остальные барствуют в караульном помещении. Бывают и такие моменты, когда охранники придут пьяными на дежурство и не ходят круг барака, а усядутся на крыльцо и дремлют. Вот и решено было такого дремлющего удавить, отнять у него оружие. При надобности сделать также и со вторым, а вообще-то решалось также связываться со вторым – из второго барака. Всем десяти человекам короткими перебежками в период захода первого охранника за барак бежать в уборную. Когда все десять человек прибежим туда или переползем бесшумно, за уборной сделать перелаз через проволоку, набросав на нее шинели, доски, принесенные от крыльца. С автоматом стать на защите, а остальным делать перелаз. С автоматом должен перелезть первым. В случае обнаружения открывать огонь до тех пор, покуда не перелезут все. Такие были планы наши, после такого решения все думы, все чаяния были отданы этому. Были распределены обязанности. Каждому поручены работы, 3 человека всегда стояли на посту около сделанного отверстия под пол. В их обязанности входило и всегда содержать ход в одном положении /забросанный мусором угол/. Были и затейники шума в нашей группе, были и сигнальщики. На нашу долю с моим другом выпала самая ответственная работа. Мы должны вначале двое, а потом третий из нас работать под полом. Вначале решено было работать только в период до отбоя, т. е. как только приведут нас с работы, просчитают. Мы должны сразу забегать в свою норку и делать свое дело. Открывать отверстие в полу, закрывать после ухода нас должны делать наши охранники. Решено было заходить в помещение всей группой в 10 человек, чужих в помещение в период захода нашей группы никого не пускать, пытаться отвлекать от захода. Когда работаем под полом, остальные должны устраивать в помещении шум, чтобы не было слышно нашей работы. Инструмент наш был один – мелкие железки. Ни одной лопаты не было, не было и острых

предметов /ножей, вилок, кирок и т. д./. Было всего-навсего 4 железки. Размером 10х15 см. Потом еще нашли проволоки метров 20, притащили ее и сделали от отверстия в лазу под фундамент проволочный указатель. Человек, спустившийся туда, должен ползти по проволоке. Итак, работа пошла. Проработав так три дня и убедившись в том, что можно это делать, стали работать быстрее. Грунт оказался слабый – песочный. Яму под фундамент прорыли быстро. Фундамент оказался не глубоким, см 70 всего. И вот когда делали яму под фундамент, под крыльцом, у меня созрела мысль такая: не под крыльцо делать ход, а прямо под проволоку. Барак стоял в 6-ти метрах от проволоки, плюс 1,5 между проволоками. Всего 7,5 метров сделать тоннель с выходом за проволоку – это трудно делать, но уход будет легче, без убийств охранников и без большого шума. Так и решили на совете. В подполье стали работать мы трое – три друга: Рощин, Руденко и я. Но вскоре случилось вот что: нашего руководителя оставили в вечернюю смену что-то делать на шахте. Замкнули их в первый барак даже не с нашей партией ребят /со старыми ребятами/. Как он среди них оказался – не знаю. Когда нас увели на работу, их закрыли в бараке на замок, и остался один охранник. Он закрыл на замок входные ворота в лагерь, а сам улегся в караульном. Наш руководитель был не из глупых. Он это все заметил в окно, а сам стал готовиться к побегу. Взял выбил доски около трубы печи барака, вылез на чердак, взял две шинели у ребят. С чердака спрыгнул на землю. Потом бросил шинели на проволоку и перелез, ушел. Сделал так хорошо, что ребята, которые были с ним, и то не все знали, знали только 3-4 человека, которым он пригрозил в период операции. Один из очевидцев говорил ребятам: «Когда он выбивал доску, я услыхал, подошел к нему, а он мне и говорит: «Смотри, если пикнешь, удавлю тут же». Остальные ребята лежали на нарах, часть из них спала».

После этого побега товарища руководить пришлось мне. Но ведь руководство-то было стихийное. Все знали свои обязанности и продолжали их, я только координировал работы. Из группы убежавшего товарища были хорошие люди. Великанов Серафим из Казани и другие. Много было шума после побега товарища, много было и страха для нас, как бы ни обнаружили наш лаз, но это миновало. Ведь побег-то планировался из другого барака.

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 34136. Л. 11-62. Подлинник. Машинопись с авторской правкой.

ВОСПОМИНАНИЯ
детей участников Великой Отечественной войны 1941–1945 годов

Александра Тимофеевна Наумова

Родилась 27 марта 1930 года на станции Перловка города Мытищи Московской области. В 1941 году А. Т. Наумова пошла в пятый класс школы, проживала в городе Москве. Являясь командиром тимуровской команды, Александра Наумова заботилась о маленьких детях, оставшихся на долгое время без присмотра в квартирах, выступала с концертами в госпиталях, участвовала в ночных дежурствах на улицах города, писала патриотические стихи.

Александра Тимофеевна Наумова в 1948 году окончила школу и поступила на работу в отдел правительственной связи КГБ СССР, одновременно проходила обучение во Всесоюзном заочном юридическом институте. В 1956 году А. Т. Наумова была направлена на работу в Германскую Демократическую Республику (ГДР), где познакомилась с В. А. Наумовым. В 1959 году они вступили в брак.

Александра Тимофеевна продолжила работу в Военном трибунале группы Советских войск в Германии. В 1958 году А. Т. Наумова окончила Всесоюзный заочный юридический институт и по возвращении из Германии в Свердловск состояла членом Свердловской областной коллегии адвокатов.

№ 6

Воспоминания А. Т. Наумовой о 1941–1945 годах Великой Отечественной войны

2015 г.

Когда началась война мне было 11 лет. В первый день войны мужчины уже получили повестки явиться в военкомат, а на другой день уходили на фронт. Женщины заменяли их на производстве.

Мы жили недалеко от Ярославского вокзала и совсем рядом с железной дорогой, поэтому улица называлась «Железнодорожная». С осени 1941 года на улице установили ночное дежурство с 22 часов вечера до 6 утра. Надо было проверить светомаскировку, чтобы из окон домов свет не стал причиной нарушения безопасности движения поездов по железной дороге.

Люди дежурили по два часа в смену: женщины и подростки, а с января 1942 года на дежурство стали выходить и дети, в том числе и я. Ночью мы дежурили на улице, а утром надо было идти в школу, так как от занятий нас никто не освобождал.

Как стратегический объект немцы стремились разбомбить железную дорогу, но, не смотря на все их старания, ни одна бомба не упала на железнодорожное полотно, и по ней день и ночь шли эшелоны, доставляя к Москве танки, пушки, пополнение бойцов, а в тыл от Москвы уходили поезда с ранеными солдатами. Говорят, что дорогу охраняют от вражеских самолетов зенитчики-уральцы.

Когда немцы подходили к Москве, кто-то из ребят нашего класса принес немецкую агитационную листовку, в которой были напечатаны слова «Москва капут», когда мы прочитали эту листовку, то стали кричать, что это Гитлеру «капут», а не Москве. А у меня сложились такие строчки:

Пусть побольше Гитлер злится,
А не кричит «капут Москва»
Защитить свою столицу
Дружно выйдет 5-А!

Ребята тут же подхватили, что обязательно все пойдем защищать нашу Москву.

Но столицу защищали наши войска, а нам было поручено другое дело. Во многих семьях маленькие дети остались без присмотра взрослых, и в нашей школе была создана тимуровская команда, командиром которой избрали меня.

Сейчас даже трудно представить, какая большая ответственность ложилась на наши детские плечи: отцы на фронте, матери на производстве, а дети маленькие остались дома одни. Вот к таким семьям и были прикреплены наши тимуровцы: надо было вовремя натопить печи, детей помыть, накормить, получить по карточкам продукты питания.

Дежурили мы в таких семьях по очереди, 2-3 человека на семью, чтобы и мамы, и дети знали своих тимуровцев. Может быть, сегодня в это трудно поверить, но, ни жалобы на наших ребят со стороны семей, которым мы помогали, не было. Не смотря на голод и холод, наши тимуровцы ни разу не присвоили себе ни крошки хлеба из детских порций, не взяли себе ни одного полена дров, а наоборот, часто отдавали маленьким детишкам свой школьный завтрак – кусочек картофельной запеканки.

Тимуровцы часто бывали в госпиталях, выступали там с концертами перед ранеными красноармейцами, помогали им писать письма домой родным.

6 мая 1942 года к нам в школу пришел начальник санитарного поезда и просил познакомить с тимуровцами, о которых ему рассказали в госпитале. Он нас поблагодарил, и подарил мне свою фотографию, на которой написано: «Дорогая Шура. На долгую память. Военком И.Г. 845. 6 мая 1942» и его подпись – Тихомиров. Эту фотографию я храню.

Когда мы стали постарше, то работали уже на полях колхозов и совхозов, выезжали на заготовку дров. Мои ровесники в основном не являются труженниками тыла, но мы тоже работали для Победы. А когда была возможность, то мы ходили на Красную площадь, чтобы посмотреть салют в честь освобождения Красной армией наших городов.

Вечером 9 мая 1945 года, в День Победы, весь наш класс пришел на Красную площадь, чтобы посмотреть Салют Победы.

Москвичи шли туда сплошным потоком, мы пришли на мост, чтобы лучше видеть салют. По этому мосту 7 ноября 1941 года наши войска прямо с парада на Красной площади уходили на фронт, а мы на этом мосту 9 мая 1945 года праздновали Победу.

На этот праздник мы пришли всем классом, а возвращались по два-три человека, а иные шли даже без обуви, потому что было столько людей, что в такой толпе нетрудно было потерять и друг друга, и даже свою обувь.

ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 3. Л. 11-13. Подлинник. Машинопись.

Владимир Александрович Наумов

Родился 2 января 1934 года в городе Свердловске в рабочей семье. Отец – Александр Михайлович Безматерных (1902 г. р.), коренной свердловчанин, работал в типографии «Уральский рабочий». Мама – Антонина Ивановна Безматерных (1907 г. р.), уроженка Вятской губернии Орловского уезда Чудиновской волости деревни Трифанцы.

С 1937 года семья проживала в городе Свердловске по адресу: улица Машинная, дом № 17. В первый день войны, 22 июня, отец был призван на фронт.

1 сентября 1941 года Володя начал учебу в первом классе школы № 17, расположенной по улице Белинского, 123.

В трудные военные годы школьники-малыши помогали взрослым по дому, выступали в госпиталях с концертами для раненых, собирали металлолом, макулатуру. В 1949 году В. А. Наумов поступил учиться в Свердловский электротехникум связи. В летние каникулы работал на заводах города, матросом на лодочной станции в парке культуры и отдыха имени Маяковского. В 1953 году защитил диплом и по распределению был направлен на работу в Бурят-Монгольскую АССР. В сентябре 1953 года призван на срочную службу. Служил на острове Сахалин в учебной роте саперного батальона 79-й стрелковой дивизии Дальневосточного военного округа.

В январе 1956 года демобилизовался в офицерском звании младший лейтенант и вернулся в Свердловск. В феврале 1956 года начал

работу в органах госбезопасности. С 1958 года направлен в командировку в Германскую Демократическую Республику (ГДР), в Вюнсдорф, служил при штабе Группы Советских войск. В 1963 году вернулся в Свердловск и в 1964 году поступил на вечернее отделение Уральского электромеханического института инженеров железнодорожного транспорта на кафедру «автоматика, телемеханика и связь». В 1970 году успешно защитил дипломный проект. В августе 1984 года уволился в запас в звании майора.

Женился А. В. Наумов во время службы в ГДР в 1959 году. Жена – Александра Тимофеевна Наумова. Брак был зарегистрирован в консульстве СССР в городе Потсдам. Сегодня семья Наумовых живет в Екатеринбурге.

№ 7

Воспоминания В. А. Наумова о жизни в период Великой Отечественной войны с 1941 по 1945 годы в городе Свердловске

2015 г.

22 июня 1941 года ярко светило солнце, было тепло. В этот первый день начала Великой Отечественной войны мой отец, Александр Михайлович Безматерных (1902–1970), получил повестку из военкомата и был отправлен на фронт. Можно сказать, что мое детство кончилось.

1 сентября 1941 года я пошел в первый класс школы № 17 (ул. Белинского, 123). Но вскоре это 4-х этажное здание отдали под госпиталь для раненых бойцов, и нас перевели в школу № 3 (на углу улиц Щорса – 8-е Марта). Затем и это помещение отдали под госпиталь, и мы занимались в 3 смены в одноэтажном деревянном доме (угол улиц Фрунзе – Степана Разина, дом там стоит и сейчас), около трамвайного парка. В школу я ходил пешком, зимой в легком пальтишке, на ногах баклуши (брезентовые ботинки на деревянной подошве, очень холодные, приходилось утеплять ноги еще газетами). Сестра Маргарита училась в 4 классе школы № 39 по улице 8-Марта.

Был лозунг «Все для фронта! Все для победы». На берегу паркового пруда, по улице Щорса, была кроватная фабрика и ее очень быстро перевели на выпуск ручных гранат РГ-1. Ночью в жилых домах окна плотно ставнями закрывались, чтобы свет от керосиновых ламп не проникал на улицу. Рабочих рук не хватало, и нас, школьников, по ночам собирали из соседних домов и ставили помощниками в упаковочный цех. В домах ночью темнота, всю электроэнергию отдавали заводам, а в цехе все залито светом ламп. За верстаками стояли глухонемые и слабовидящие рабочие. Они укладывали гранаты в несколько рядов в ящики, а мы подносили им тару, забирали от них ящики с гранатами и отвозили их на склад. С начала войны в Свердловск с европейской территории СССР было эвакуировано много заводов, и один из них разместили на берегу Нижне-Исетского пруда. Чтобы доставлять туда рабочих из города зимой 1943 года – в такое трудное время, была построена троллейбусная линия по улице Белинского от улицы Фрунзе до Нижне-Исетска. В то время это была междугородная линия, т. к. Нижне-Исетск включен в состав города Свердловск только в 1953 году. Троллейбусы привезли из Москвы и других западных городов. В Свердловск прибыло очень много людей

с оккупированных западных территорий Советского Союза. К нам в дом на улице Машинной, № 17 поселили семью из Белоруссии.

Моя мама, Антонина Ивановна Безматерных (1907–1978), все военные годы работала на заводе № 73 на улице Фрунзе, около трамвайного парка (сейчас там инструментальный завод). Кроме работы на заводе, она дома пряла пряжу, плела рыболовные сети, стирала и штопала солдатское белье и военное обмундирование, полоскать возили его на парковый пруд. Зимой она на санях возила большие брикеты льда с паркового пруда в холодильные камеры пивоваренного завода. Работала мама очень много. С нами жил мой дедушка Иван Маркович Колпащиков. Он вспомнил свои деревенские умения и стал подшивать валенки всем жителям в округе. Я ему помогал, готовил дратву, натирал ее варом и парафином. Помню, как в круглой печке на углях пекли картошки, на палочке кусочки хлеба посыпали солью и тоже жарили на огне. В русской печке тушили в чугунках варенки из свеклы, редьки, репы, турнепса. В супы использовали всю ботву с редьки, репы, моркови. Заготавливали в зиму крапиву. Жили очень бедно и холодно. Картошку высаживали даже на улице перед домом. Но все равно ее не хватало до нового урожая. Все продукты выдавались по карточкам. Иногда продавали замороженное молоко в брикетах на вес. Однажды мы с мамой поехали в деревню, чтобы поменять вещи на картошку. Зашли в какой-то дом, а там на окнах белые занавесочки, тепло. Меня разморило от усталости, и я уснул прямо у порога. Но жизнь продолжалась. В школе мы участвовали в кружках художественной самодеятельности, выступали перед ранеными красноармейцами в госпиталях. Всем классом собирали металлолом для выплавки стали на изготовление танков Уральского добровольческого танкового корпуса.

И вот что удивительно. В глубоком тылу, на Урале, я в 1943 году встретился с гитлеровскими солдатами. А случилось это в поселке Мезенский. Летом нас, группу ребят-школьников, отправили на две недели отдохнуть на природе. Жили мы в одноэтажной сельской школе, а рядом стояла старая церковь.

После завтрака мы отправились купаться на речку по дороге мимо этой церкви. За изгородью там стояли какие-то дяди и разговаривали между собой, но слов их мы не понимали. За их спинами ходил красноармеец с автоматом.

Мы спросили у воспитательницы, почему тут солдат с автоматом, и она нам объяснила, что здесь охраняются пленные немцы – фашисты.

На следующий день, проходя мимо изгороди, мы, не сговариваясь, дружно и громко запели «Врагу не сдаётся наш гордый Варяг…». Немцы насторожились. И так каждый день с гордо поднятой головой мы повторяли этот марш, который отражал наше детское отношение к этой проклятой войне и был поддержкой наших отцов и дедов на фронте.

Зимой, пока лед на пруду был чистый от снега, катались на коньках. Потом переходили на лыжи, и в парке имени Маяковского гоняли с гор и трамплинов.

Коньки и лыжи крепили к обуви толстыми веревками.

Так прошли эти четыре года. Война закончилась, но отец вернулся домой только в сентябре 1945 года. Помню, подъехала грузовая машина, ГАЗ-АА, полуторка и из кузова спрыгнул солдат, одетый в шинель, на голове пилотка, на плече вещмешок. Я первый увидел в окно отца, и мы выбежали на улицу встречать его. Были слезы радости. Трогали его награды: медаль «За боевые заслуги» (1942), орден Красной Звезды (1944). Командир части направил в адрес нашей семьи благодарственное письмо, в котором с большим уважением подчеркнул его самоотверженность и ответственность при подготовке и выполнении выхода из печати номеров фронтовой газеты «Вперед за Родину». Ему были объявлены благодарности Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина за взятие городов Идрица и Рига. Потом мы с отцом отправились в баню на улицу Куйбышева, и я видел, как люди с уважением смотрели на солдата-фронтовика, орденоносца. Вечером мы за столом с аппетитом отведали солдатский паек: мясную тушенку, сливочное масло, сладкий сахар. Эти деликатесы мы не ели с начала войны. Вскоре отец заболел малярией, которую подхватил на фронте. Более полугода он лежал в областной больнице на улице 8-е Марта.

Вот такие мои краткие воспоминания о тех тяжелейших годах в жизни нашей страны, нашего города и конкретно нашей семьи.

Сейчас очень важно собирать эти сведения о трудных военных и послевоенных годах, чтобы передать правду нашим детям, внукам и правнукам.

Большую патриотическую работу проводят Областной и Городской советы ветеранов войны, тыла, боевых действий, пенсионеров; Уральский Центр Б. Н. Ельцина; Совет ветеранов Уральского добровольческого танкового корпуса; Комплексный центр социального обслуживания населения Октябрьского района Екатеринбурга; Координационное бюро советов ветеранов органов безопасности в Уральском федеральном округе; Государственный архив административных органов Свердловской области и другие организации.

P.S. В 2015 году, накануне Дня Победы, Свердловский областной совет ветеранов войны, труда и пенсионеров получил копию «Знамени Победы».

Был организован «Марш Знамени Победы» по городам Свердловской области. На красном полотнище «Знамени Победы», которое водрузили в Берлине на рейхстаге, написано: «150 стр. ордена Кутузова // ст. Идрицкая див…». Выходит, что «Знамя Победы» на рейхстаге водрузило воинское соединение, в котором воевал мой отец.

ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-10. Подлинник. Машинопись.

ПИСЬМА
периода Великой Отечественной войны 1941–1945 годов

№ 8

Письмо Нюси[250]

Жительница Верхнего Тагила Анна (фамилия неизвестна)

30 июня 1941 г.

Привет из Тагила.

Здравствуй, Вова!

Во-первых, сообщаю тебе, что получила письмо от тебя 29-VI-41 г., в настоящее время я с 24-VI-41 г. нахожусь в отпуске, и этот выходной день 29-VI я провела в Тагиле. На выходной день я пошла на фильм «Моряки», но кино перенесли на следующий день, сделали танцы, вечер провела плохо, в выходной днем время провела хорошо, тут с одной девушкой взяли с собой коечего, гитару и весь день были на лугах. Вечером снова пошла в кино, опять сделали танцы, «кино сгорело», ну этот вечер провела хорошо, и вот сейчас 12 часов дня – пишу тебе ответ. Но надо указать еще на то, что величайшее событие и нерадостное, думаю, и для вас, и для нас, случившееся 22-VI-41 г., очень подействовало на настроение. Как вы там, Вова, себя чувствуете, но последние известия, видимо, получаем мы одинаково. В Кировграде у нас сейчас установлена обязательная военная подготовка для комсомольцев 3 раза в неделю. Но знаешь, Вова, из Кировграда подали так много заявлений из девушек и из ребят идти добровольцами в ряды РККА[251].

Но в Тагиле некоторая молодежь встретила совершенно по-иному. Это все так называемое (роно), включая Драчеву, ходят от одной ворожейки к другой, но о чем выворaживают[252], не знаю.

Драчевой присудили под 2 м[ося]ца, кажется, тюремного заключения, за нарушение закона советской торговли (продавала муку мешками), но она уже столько нанимала защитников и сегодня уехала в Свердловск на областной суд, не знаю, чего ей там присудят.

В клубе публика все такая (устарелая и большинство «вдовые») – Шура Рыкова, Рита Зоркова, Лена Якорнова и др[угие]. Но нужно отметить хорошую сторону клуба – то, что там хорошая стенная газета, очень хорошо оформляется, художественно, и пишут все безобразия Тагила (чаще всего

250 Поверх текста ручкой сделана запись: *Изъято при обыске 7/VIII-41*.
251 Рабоче-крестьянская Красная армия.
252 Вероятно, *ворожат*.

Драчева со своим магазином), пишется в стихотворной форме и выпускается часто, наверное, 2 раза в месяц.

Погода немного постояла хорошая и опять какая-то холодная. Я нынче на лодке каталась всего еще один-единственный раз, и то это ко мне приходили девчата из Кировграда, так уж, по необходимости. И в тот вечер мы играли у клуба в волейбол. В общем, говоря, если бы были все ребята дома, которые были прошлый год, то время мы бы могли провести в Тагиле гораздо лучше, чем это было прошлый год, потому что все-таки в клубе стало немного покультурнее, но опять народ-то остался не совсем-то такой…[253]

Я сейчас кончаю тебе писать письмо и поеду в Кировград, потому что у нас сегодня военное занятие, но знаешь, Вова, за это обучение очень довольна, и пока что хожу с большой охотой, и это мне все пригодится.

Вова, ты зря извиняешься за плохое письмо, вот мне бы не грех извиниться, но пишу все, что только вспомню. Думаю, что все поймешь, и осуждать нам друг друга, я думаю, что не к чему, потому что ты должен мои письма прочитать и порвать, а хранить их не надо.

Ну, больше такого писать нечего, все чего-то забылось, или потому что только что я пришла из огорода, знаешь, ведь все хозяйство, и сейчас тем более уже в огороде полют.

Пока. До свиданья.

Извини за безобразное письмо.

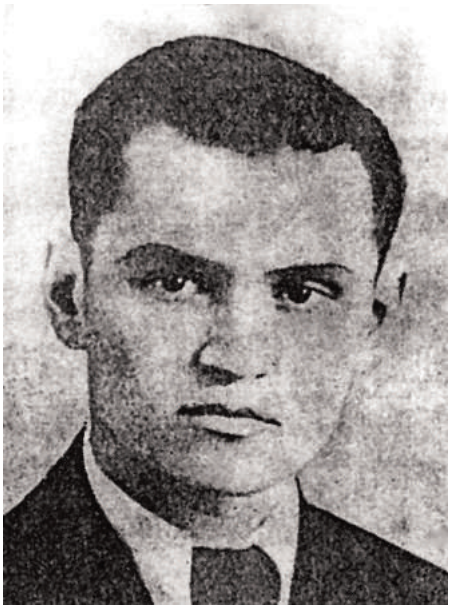
Желаю хороших успехов в твоей службе и учебе.

30-VI-41

<…>

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 43829. Л. 90. Подлинник. Рукопись.

253 Отточие документа.

Андрей Михайлович Крутошинский

Родился 15 января 1918 года в Перми в семье студента Пермского университета Михаила Осиповича Крутошинского. Его мать, Наталья Владимировна Крутошинская (в девичестве Шангина)[254], была дочерью врача. В раннем детстве Андрей лишился отца, в 17 лет – матери и проживал в городе Свердловске в семье своей бабушки по материнской линии О. Л. Шангиной и тети Т. В. Шангиной.

В 1941 году А. М. Крутошинский с отличием окончил Свердловский горный институт по специальности инженер-маркшейдер и был призван в РККА. На фронт направлен в июле 1942 года. Проходил службу в артиллерийских частях. В 1942 году старший лейтенант А. М. Крутошинский командовал штабной батареей начальника артиллерии 139-й стрелковой дивизии 31-й армии Западного фронта. Он умело управлял огнем артиллерии дивизиона, проявляя личную храбрость и отвагу. В начале 1943 года, с присвоением звания капитана, А. М. Крутошинский был назначен заместителем командира 3-го дивизиона 354-го артиллерийского полка 139-й Рославльской стрелковой дивизии. Участвовал в сражениях за освобождение Белоруссии и Польши. В июле 1944 года А. М. Крутошинский назначен помощником начальника штаба артиллерии 139-й Рославльской стрелковой дивизии. 9 сентября 1944 года в бою под деревней Рудзево (ныне Ломжинский повят) во время атаки на противника А. М. Кру-

254 ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 35. Л. 4.

тошинский был убит огнем вражеского автоматчика[255]. Похоронен в местечке Снядово (15 км южнее г. Ломжа) в Польше.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 октября 1944 года капитану Андрею Михайловичу Крутошинскому присвоено звание Героя Советского Союза посмертно.

А. М. Крутошинский за храбрость, самоотверженность и мужество, проявленные при защите Отечества в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, был награжден орденом Ленина (1944), орденом Красного Знамени (1944), орденом Отечественной войны I степени (1944), орденом Отечественной войны II степени (1943), орденом Красной Звезды (1943).

Имя А. М. Крутошинского увековечено в зале Славы Центрального музея Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в мемориальном парке Победы (Москва), высечено на мемориальной доске, установленной на фасаде здания Уральского государственного горного университета (г. Екатеринбург), занесено в книгу «Память» Российской Федерации (Свердловская область).

В институте А. М. Крутошинский дружил с А. А. Покровским. А. М. Крутошинский часто бывал в семье Покровских и был знаком с сестрой А. А. Покровского – Еленой Александровной Покровской. Адресованные ей письма с фронта стали частью данного сборника документов.

255 Крутошинский Андрей Михайлович // [Электронный ресурс]. URL: http://www.fnperm.ru (Дата обращения: 09.01.2019).

№ 9

Письмо А. М. Крутошинского с фронта сестре своего институтского друга А. А. Покровского Елене Александровне Покровской

Б/д

«Милая Ленуська!

Спасибо, что не забываешь. Мы тоже всегда помним о вас – тех, кого мы когда-то давно-давно оставили в родных местах. Не забываем даже в самые горячие минуты. Вы с нами живете, а если умереть придется и умрем спокойно без лишних криков и слез, помня, что нас тоже никогда не забудут. Так ведь, Ленка?

Какой сейчас чудный вечер. Тепло. Такие у нас на Урале бывают только в конце мая, хотя климат почти тот же. Рядом в кустах свищет соловей. Вот неугомонная птичка, и днем, и вечером, и ночью поет. Наш соловей русский. Нет, не слушать немцам, не мять нашу русскую травку. Так будет, Ленка, в это нужно твердо верить.

Тихо. Спокойно на душе и немножко грустно. Эх, гады! Всю жизнь исковеркали. Но мы вернем свое счастье, Ленка. Мы сами вернем его, ведь недаром же столько русских людей отдали свою жизнь за наше счастье. Ведь тоже были так молоды, как и мы. Они хотели жить! Они хотели завоевать свое счастье, наше счастье. Но они не хотели отдавать свою душу, своих девушек, своих матерей немцам, и если бы можно было их воскресить, они сделали бы то же самое. Знаешь, Ленка, мне много раз приходилось видеть смерть в глаза – то свидетели ордена, и я никогда не чувствовал страха, страха за свою маленькую жизнь. Меня жгла лишь жгучая ненависть, ненависть к этим людям, даже не людям, а черт знает чему в зеленой болотной форме. Так-то, Ленуха. Ложусь спать. Спокойной ночи.

Андрей.

Передай привет Саньке и маме…[256]

ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 34. Л. 1. Подлинник. Рукопись.

256 Здесь и далее отточия автора письма.

№ 10

Письмо А. М. Крутошинского с фронта сестре своего институтского друга А. А. Покровского Елене Александровне Покровской

4 октября *1943 г.*

Дорогая Ленка!

Вот уже на два моих письма нет ответа. Очевидно, ты все еще не приехала из командировки.

От Саньки тоже нет ничего, вероятно, адрес сменил. От Лиды Козиной так же ничего не имею, уж не знаю, что и думать. Очень беспокоюсь, не стряслось ли чего-либо с ней, так как последнее письмо было написано накануне ее поездки в Тагил. Была ли она там? Вернулась ли обратно – я ничего не знаю. Да девушки, не хорошо забывать старых друзей. Ведь каждое письмо ваше доставляет столько радости, перечитывается (вернее, зачитывается) до бесконечности. Девушки, девушки…

Я воюю по-прежнему. Дал клятву, что мой орден не будет последним. Увидите, эту клятву я сдержу. Родные мои. Придет же, наконец, время, над нашей страной встанет свободное время. Свободные и радостные люди выйдут из подвалов и блиндажей. Не нужно будет думать: «Что день грядущий мне готовит». И вот тогда, тогда мы встретимся. Соберемся вместе, нальем по бокалу вина и вспомним, как воевали когда-то, как играли со смертью, как били немцев.

А если… умереть придется… Ну что же – мы гордо встанем и громко крикнем «…Я славно пожил, я видел небо…». Так-то, Ленуська! Размечтались мы с тобой. Хочешь я спою тебе нашу[257] песню – в свободные минутки составили ее…

257 Подчеркнуто в документе автором письма.

1) Помню я день, получили повестки,
Нужно идти воевать.
Нужно расстаться с любимой и домом,
Но землю свою отстоять.

2) Поезд летел, мы тряслися на полках,
И каждый мечтал о своем –
Один говорил о любимой девчонке,
Другой вспоминал отчий дом.

3) Учеба в тылу пролетела, как птица,
И снова колеса стучат.
Мы едем на фронт бить проклятого Фрица –
На запад без отдыха гнать.

4) «Юнкерс» и пули жужжали,
Снаряды летели вперед.
Струхнули вначале, а после узнали,
Что смелых смерть не берет.

5) Немало уж раз через смерть мы шагнули,
Стремясь все на запад вперед,
Но знали мы твердо, что нет еще пули,
Которая жизнь оборвет.

6) «Дешевноца», «Бельково», «Зубцов», «Беленково»
Пред нами мелькнули, как сон.
Сейчас в обороне, но скоро мы снова,
Как прежде, на запад пойдем.

7) И вот мы на фронте уж более года.
Немало пришлось пережить.
Но все мы горим лишь одною мечтою,
Чтоб «Гансов» скорей разгромить.

8) Песня моя, ты лети до любимой
И ей передай, что клянусь
Победы для нашей отчизны родимой
Над подлым врагом я добьюсь.

Так-то, Ленка. Вот что мы думаем и вот как мы живем. Ну, пока, дорогая. Передай всем, кто знает меня, бооооольшущие приветы. Поцелуй свою маму.

Андрей.

P.S. Прошу исполнить мою просьбу – напиши адреса и все, что знаешь о следующих личностях: во-первых, о Седом – где он и его адрес, во-вторых, о Лидухе Козиной – тоже самое. И почему они чертенята ничего мне не пишут (к этим чертенятам и ты относишься). Ну, еще раз прости.

Андрей.

ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 34. Л. 2-4. Подлинник. Рукопись.

Эрих Вильгельмович Борхерт

Родился 16 февраля 1907 года в городе Эрфурте (Германия), художник 5-й строительной конторы Уралалюминстроя города Каменска-Уральского. В 1930 году закончил Художественно-архитектурный институт в городе Дессау (Баухауз). Член коммунистической партии Германии с 1928 года. В 1930 году Эрих Борхерт выехал по приглашению на работу в СССР, в Москве ему предложили стать художником-архитектором при Малярстрое (позднее – Госотделстрой). 7 ноября 1931 года Борхерт Эрих Вильгельмович награжден грамотой с присвоением звания ударника 3-го решающего года пятилетки, строителя социализма, активно проявившего себя в социалистическом соревновании по повышению производительности труда, и за организацию и внедрение заграничного метода художественного оформления зданий.

Участник антифашистских выставок графики и живописи в Музее нового западного искусства.

В 1931 году женился на Софье Васильевне Матвеевой. В 1935 году родилась дочь – Эрика Матвеева.

25 декабря 1941 года Э. Борхерт был мобилизован Сталинским военкоматом города Москвы и доставлен в город Каменск-Уральский в стройбатальон № 671. В апреле 1942 года начал работу в качестве художника 5-й строительной конторы в клубе строительства Уральского алюминиевого завода города Каменска-Уральского.

Э. Борхерт, бывший трудармеец строительного батальона № 671, арестован 19 ноября 1942 года по подозрению в антисоветской деятельности, а также в принадлежности к германским разведывательным органам.

Эрих Борхерт был осужден Особым совещанием при НКВД СССР лишь спустя 9 месяцев, 15 января 1944 года, на 20 лет ИТЛ. Эрих Борхерт умер 25 сентября 1944 года в Карлаге[258].

В 1962 году жена Э. Борхерта – С. В. Матвеева, художник Главного ботанического сада Академии наук СССР, проживавшая в Москве, написала письмо Главному военному прокурору с просьбой разобраться в судьбе своего мужа, объявленного «врагом народа». С целью доказать невиновность мужа С. В. Матвеева передала в органы прокуратуры фотокопии рисунков и личных документов Э. Борхерта.

Определением Военного Трибунала Уральского военного округа от 06 июля 1962 года приговор Особого совещания при НКВД СССР от 15 января 1944 года в отношении Э. Борхерта был отменен, дело прекращено за отсутствием состава преступления.

258 Вероятно, *Карагандинский исправительно-трудовой лагерь* – один из крупнейших исправительно-трудовых лагерей СССР в 1930–1959 гг., был расположен в Карагандинской области Казахская ССР, состоял в системе ГУЛАГ НКВД СССР.

№ 11

Письмо Эриха Борхерта, написанное дочери 7 февраля 1942 года

7 февраля 1942 г.
Каменск-Уральский

Маленькая моя дочь Эрика!

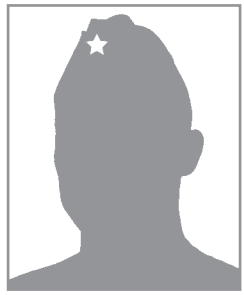
Скоро будет твоя день рождение. Я тебе желаю к этому день все, все хорошого – буд веселея. Буд хорошо к мама, к дедушки – может быть, что мы к следуюшему день твойого рождение мы опять будем все вместе. Но для этого надо все фащисты бить. И ты можешь в этом помогать – если ты хорошо мама послушаеш – помогаеш его – хорошо учишся читат и писат, наверно, ты много рисуеш? Сохранай все твоей рисунки – мне их очень хочется смотрит, когда я буду опять с тобой. Кушай хорошо, так что ты не очень похудееш, не заболееш. Как у тебе была елька? И пиши мне, что тебе подарили к день рождение – наверно, куклу, а тетье Валя, наверно, живую куклу? Да? Плачет наверно? У тебя есть конфект? Подруги? Гулаеш? Как жалько, что я тебе ничего посилать не могу – не какой подарок. Вассе тебе уже писал письмо – наверно, еще нет – он немного лениво.

Эрика – дочь моя – не забуд меня – и жди меня – война кончается, и тогда я приду, и будет хорошо, так хорошо.

Я тебя крепко обнимаю – поцелюу твои ручки, шейки.

Твой папа.

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 43423. Л. 360. Фотокопия. Рукопись.

Михаил Петрович Иванов

Родился в 1912 году в селе Ельховка Сергеевского района Куйбышевской области. Происходил из семьи колхозников. Затем проживал на Дальнем Востоке, а после в Нижнем Тагиле.

Работал на заводе «Уралвагонзавод» водителем. Оттуда был призван на войну.

М. П. Иванов принимал участие в Советско-финской войне (1939–1940 гг.). На фронт Великой Отечественной войны 1941–1945 годов М. П. Иванов был призван Нижнетагильским городским военкоматом 26 июня 1941 года. Служил шофером в звании ефрейтора. Погиб 29 августа 1943 года в Брянской области.

Супруга М. П. Иванова А. И. Иванова продолжительное время болела, в 1945 году умерла. Дети – Владимир, Мария и Юрий – росли в детском доме. Мария Михайловна Землянова (в девичестве Иванова) сохранила письма отца, несмотря на свой малолетний возраст.

№ 12

Письмо М. П. Иванова с фронта семье

10 июля 1941 г.

Июля 10 дня 1941 г. от Иванова М. П.

В первых строках своего письма шлю Вам, Настя, свой пожеланный привет и также шлю привет и деткам: Мане, Вове и Юрику. Затем шлю привет Вере, Наде, Шуре и Петру Васильевичу. Сообщаю, что я Вам, Настя, писал с дороги открытку, а больше не писал, потому что нет времени <…> Моя просьба к вам, Настя, обо мне не думай, так что сейчас время сложилось трудное, жив буду, приду, а не буду, будешь жить одна <…> Прошу Вас, что дети пущай будут, как я их устроил, уезжая от Вас. Маня с Вовой в дет[ском] саду, а малыш в яслях <….> Сама выздоравливай до полного выздоровления и тогда поступай на работу, на легкую и чистую, не гонись за большими деньгами. В общем, рассчитывай сама на себя, больше не на кого <….> Нас из дому привезли в г. Рязань, мою машину и многих других товарищей забраковали и передали в другое подразделение, и сейчас мы находимся в Москве.

Ивановой Анастасии Ивановне

ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 5. Л. 1. Подлинник. Рукопись.

№ 13

Письмо М. П. Иванова с фронта семье

1941 г.

От Вашего папы

Здравствуй, многоуважаемый мой сын Владимир Михайлович. Я Вам шлю свой сердечный и многопожеланный привет. Вова, я жив, здоров, чего и Вам желаю. Быстрей расти, учись писать и пришли мне письмо, написанное Вашей рукой. До свидания. Пишите, жду вашего ответа.

От вашего папы М. Иванова 1941 г.

ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 5. Л. 8. Подлинник. Рукопись.

№ 14

Письмо М. П. Иванова с фронта семье

16 мая 1942 г.

Поздравляю Вас, Вова, с праздником 1 Мая.

Добрый день или вечер, многоуважаемый мой сын Владимир Михайлович. Шлю тебе свой сердечный и многожеланный привет, а также желаю тебе доброго здоровья, хорошей, веселой детской жизни. Вова, сообщи, как живешь и как нравится ли Вам моя картинка, какая Вас интересует. Сообщи, я пришлю танк, самолет, бойцов, возможно, еще какая придет. Привет сестре Мане и маме, с приветом к Вам, Вова. 16.05.1942 г.

ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 5. Л. 2. Подлинник. Рукопись.

№ 15

Письмо М. П. Иванова с фронта семье

7 июля 1942 г.

Июль 7 дня 1942 года.

Добрый день или вечер, многоуважаемый мой сын Владимир Михайлович. Шлю Вам свой низкий и многожеланный сердечный привет. Сообщаю Вам, Вова, что я жив, здоров, живу хорошо, обо мне не сумлевайте[259]. Желаю Вам, Вова, наилучших успехов в Вашей молодой жизни, расти крепкий, будь развитым, капитаном воздушного корабля. Передай привет маме, Мане, Юре, Вере, Наде.

С приветом к Вам, ваш папа М. Иванов.

ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 5. Л. 3. Подлинник. Рукопись.

259 Вероятно, *не беспокойтесь*.

№ 16

Письмо М. П. Иванова с фронта семье

1942 г.

От Вашего папы

Здравствуй, многоуважаемая моя дочка Мария Михайловна.

Шлю я Вам свой сердечный привет. Прошу Вас передай привет маме, Вове, Юре, Вере, Наде.

Желаю Вам доброго здоровья, передаю, что будь стойким пионером. Будешь ходить в школу – хорошо учись.

Люби Вову, ходи с ним гулять. Я жив, здоров, ожидай меня домой.

Ваш папа М. Иванов. 1942 г.

ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 5. Л. 9. Подлинник. Рукопись.

№ 17

Письмо М. П. Иванова с фронта семье

28 июля 1943 г.

Июля 28 дня 1943 года.

Добрый день или вечер, многоуважаемое мое семейство.

Здравствуй, Настя.

В первых строках своего письма спешу передать Вам, многоуважаемая моя супруга, свой чистосердечный, многожеланный, теплый привет, а также шлю привет своим ненаглядным деткам: Вове, Юре и дочке Мане.

В 8 часов вечера я поимел счастье: мне передали от Вас пришедшее письмо. Сегодня пишу Вам, Настя, ответ на Ваше письмо. Крепко-накрепко благодарю Вас, Настя. Ваше письмо меня возрадовало, но нет спасения. Я узнал, что Вы из Свердловска с операции прибыли, и Ваше здоровье восстанавливается, что самое нужное, и вы собираетесь на курорт отдохнуть, набраться свежими силами для дальнейшей культурной работы, для дальнейшего воспитания детей.

Настя, Вы правильно решаете. Вам необходимо нужен отдых и хорошая спокойная чистая работа, усиленное питание, спокойный отдых и вкусная жизнь. Я думаю, что вы добьетесь для себя и для детей. Настя, я много писать не буду, ибо у меня нет времени. Сообщу несколько строк о себе. Я с 10.07.1943 года нахожусь, Настя, на фронте, где гремит канонада, обстрелы минометов, пулеметов, самолетов, танков и шквал вылета огня от наших современных Катюш. Но все ничего нам не страшно. Выбьем немца, закончим войну, навязанную проклятым Гитлером, будем живы и будем с Вами, не будем – будем там, в сырой земле. Все ерунда, прекрасная Маркиза, все хорошо, все хорошо, а самое главное, прошу Вас, живите не расстраивайтесь, обо мне особо тоже думать не надо, ибо все мечты и думы ни к чему не приведут. В данное время все ни к чему.

ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 5. Л. 10. Подлинник. Рукопись.

Вячеслав Сергеевич Каменев

Родился 3 октября (по старому стилю) 1908 года в селе Челнавско-Дмитриевское Козловского уезда Тамбовской губернии в семье учителей.

Отец – Сергей Михайлович Каменев, примерно 1885 г. р., из мещан, работал в 1918 году старшим учителем начальной земской школы в селе Челнавско-Дмитриевское Тамбовской губернии. Далее работал в различных советских учреждениях. В 1927 году уехал в Донбасс, в 1928 году прервал связь с семьей, вторично женился. Умер в 1936 году.

Мать – Дарья Яковлевна Каменева (урожденная Мягкова), 1890 г. р. С 1906 г. по 1943 г. без перерыва работала учительницей. С 1943 г. по 1945 г. была председателем сельсовета в селе Сестренка Избердеевского района Тамбовской области. За многолетнюю безупречную работу была награждена орденом Ленина.

Вячеслав Сергеевич Каменев окончил школу-десятилетку с педагогическим уклоном в городе Мичуринске (бывший г. Козлов) Тамбовской области и получил квалификацию учителя начальной школы. Начал работать в школе и одновременно учился заочно в Воронежском педагогическом институте, окончил институт в 1940 году и получил диплом на право преподавания математики в средней школе. С 1928 г. по 1932 г. работал в разных школах области. С 1932 г. по 1940 г. был директором неполной средней школы в селе Сестренка Тамбовской области. 1 августа 1941 года В. С. Каменев был мобилизован в РККА Избердеевским РВК и направлен в военное училище на ускоренные

курсы обучения, которые окончил в феврале 1942 года в городе Катта-Курган Узбекской ССР. Был парторгом роты. После окончания назначен на должность помощника начальника штаба батальона разведки. В составе батальона в ноябре 1942 года прибыл на Северо-Западный фронт. В декабре 1942 года был ранен осколком мины в правую руку и по излечении в феврале 1943 года возвратился в ту же часть на прежнюю должность. В апреле 1943 года 87-я особая бригада была отправлена на переформирование, и образована 76-я стрелковая дивизия, где В. С. Каменев был назначен на должность помощника начальника штаба 93-го стрелкового полка. Был парторгом первичной организации в 93-м СП[260]. С апреля 1943 года по сентябрь 1944 года участвовал в боях за освобождение городов Ельня, Ковель, форсировал реку Западный Буг, в составе 76-й стрелковой дивизии 1-го Белорусского фронта участвовал в освобождении городов Прага (предместье г. Варшавы), Бяла Полдляска[261] и других городов Польши.

В июле 1944 года был контужен под городом Ковель, но остался в полку.

В сентябре 1944 года приказом командующего 1-м Белорусским фронтом маршала Рокоссовского награжден орденом Красной Звезды, после окончания войны – медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне».

В октябре 1944 года приказом Управления высших учебных заведений В. С. Каменев был отозван с фронта и направлен офицером-воспитателем в Орловское суворовское училище в город Елец Орловской области (воинское звание – капитан). В 1947 году вместе с училищем переехал в город Свердловск, работал в той же должности. В сентябре 1948 года по личной просьбе был назначен преподавателем математики того же училища. В 1944–1945 гг. и в 1946–1947 гг. был парторгом первичной парторганизации в Орловском суворовском училище, в 1945 году – член партбюро училища.

Вячеслав Сергеевич Каменев женился в 1932 году. Жена Мария Николаевна Каменева, 1913 г. р., учительница русского языка. Имел двух сыновей 1933 г. р. и 1939 г. р. и дочь 1946 г. р.

В послевоенные годы был награжден вторым орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги»; юбилейными медалями 20, 30 и 40 лет Вооруженных сил СССР.

В 1960 году Указом Президиума Верховного Совета РСФСР В. С. Каменеву было присвоено звание «Заслуженный учитель школы РСФСР».

В 1960-е годы в результате сокращения армии В. С. Каменев, подполковник, был демобилизован и по личной просьбе оставлен в Свердловском (ранее Орловском) суворовском училище вольнонаемным на должности преподавателя математики.

260 Вероятно, *стрелковом полку*.
261 Вероятно, *Бяла-Полдляска* – город в Польше.

В 1970 году уволился из Свердловского суворовского училища по собственному желанию и стал работать преподавателем математики в Свердловском филиале Талицкого заочного лесотехнического техникума.

В течение ряда лет избирался председателем Кировского райкома профсоюза работников просвещения.

В результате осложнения после перенесенной операции В. С. Каменев умер 24 февраля 1972 года в городе Свердловске.

(Из воспоминаний дочери Ирины Вячеславовны Каменевой)

№ 18

Письмо В. С. Каменева жене

2 октября 1941 г.

РСФСР. Ст. Сестренка Ю-В ж/д.
с. Сестренка Избердеевского р-на, Тамбовской области.
Сабуровой Марии Николаевне.

Здравствуйте, родные!

Уже шестые сутки трясемся в вагоне. Кажется, что с момента погрузки в Кирсанове прошла целая вечность. Четверо суток отчаянно мерзли, спали в шинелях, на ноги накидывали матрасы, на голову – одеяла, и к утру все же замерзали. Тесноты не чувствовали, наоборот жались друг к другу. На пятые сутки обогревались, поскидали шинели, а сейчас топимся от жары. Дует знойный сухой ветер, от которого сохнут ноздри и губы. Песок клубится, как снег у нас, – настоящая поземка, только нет холода. Пятые сутки из вагона видим бесконечную выжженную солнцем песчаную степь, переходящую порой в полупустыню. Редкими пятнышками в ней попадаются кучка глиняных домиков с плоскими крышами, две-три юрты, верблюды, ослы, кучки, стада, непривычного облика люди. Третий день объедаемся арбузами и дынями. Дыню за 1 рубль съесть можно лишь хорошему едоку, арбуз сейчас купили за 8 рублей – еле осилили целым взводом.

Казенного рациона, достаточно сокращенного на время переезда, теперь хватает всем; сухари, хлеб даже остаются. Пьем бесконечно воду – сегодня выдали селедку. Весь день сижу у открытого люка, теперь можно допустить и сквозняк. Нет привычных глазу картин. Селенья голые, без деревьев, низкие домики с плоскими крышами серо-желтого цвета – сверху не отличишь от песка. На остановках бросаемся в атаку на ларьки, буфеты, торговок. Всякий старается успеть, а то заиграет рожок – сигнал на посадку – тогда сиди в вагоне. Фактически нам запрещено высшим начальством вылезать из вагонов, но это запрещение обходится по воле и поневоле не только курсантами, но и нашими непосредственными командирами. Как остановка, так из вагона выскакивают люди; одни усаживаются на корточки вдоль полотна, другие – стремглав разбегаются в разные стороны. Некоторым удается уже достать хлеба, булок, селедки и прочей еды. Некоторым, т. е. первым подбежавшим, т. к. на всех, конечно, хватить не может.

Вчера вечером удалось одному курсанту моего отделения купить 3 буханки хлеба. С каким удовольствием сегодня утром мы оплели грамм по 700 мягкого, пшенично-кукурузного хлеба с арбузом и дыней! К обеду вдвоем почти закончили буханку. Моя мечта – налупиться до отвала именно хлеба – сбылась. Можно подумать, что мы голодаем. На самом деле гражданская привычка – наедаться до тяжести в желудке – сказывается. Пробую заниматься со своим отделением – плохо выходит – и охоты нет, и гром большой. Когда кончится дорога и где – ничего не знаем. Едем и все. Запасайте мне хорошей махорочки. Оснуемся[262] на постоянном месте – напишу и вышлете. А пока желаю всем вам здоровья и счастливого проведения осени и зимы.

ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 86. Л. 1-2. Подлинник. Рукопись.

№ 19

Письмо матери В. С. Каменева Дарьи Яковлевны сыну на фронт

10 апреля 1942 г.

Сестренка[263]

Дорогой мой Слава!

Никто не знает и не понимает, почему я не пишу тебе, да и сама я не знаю, что творится со мной. Вот возьмусь за перо и… не могу. Не могу примириться с той мыслью, что тебя, уже немолодого, глубоко штатского человека, одели в форму, обучают военному искусству, тогда как ты, кроме возни и работы с детворой, заботы о школе и семье, не знал иной работы, и прожил бы, как и другие, многие тысячи тебе подобных, в деревне или городе до старости. А вот ворвался к нам это исчадие ада, это чудовищная пародия на человека – Гитлер, залил кровью нашу молодую прекрасную страну, истребил тысячи прекрасных, талантливых, счастливых жизней, и ты пошел (а ты не мог не пойти, как и всякий сознательный советский человек), стал в одну тесную шеренгу со всеми лучшими людьми нашей страны, и железной поступью своею, надеюсь, раздавите гадов, имя же ему – Гитлер. Но это имя

262 Вероятно, в тексте ошибка, следует: *обоснуемся*.

263 Село Сестренка Избердеевского района Тамбовской области (см. биографию В. С. Каменева).

войдет в историю народов, как нарицательное, как синоним всего преступного, бесчеловечного, противоестественного, ужасного. И я благословляю тебя на истребление этого кошмара – немецких оккупантов. И я уверена, что ты жизни своей не пощадишь для того, чтобы отомстить за кровь стариков, детей и жен, за испоганенную землю нашу. А об нас ты не беспокойся ни в коей мере, необходимым для существования мы обеспечены, пока все здоровы. Весна идет, огород засадим. Сейчас ночь. Ребята спят, нянька спит. Маруся третий день живет в Избердее, она – зав[едующая] роно, а я директор. Видишь, наша карьера тоже ползет вверх. Сознаюсь, что мне трудно, здоровье неважное, силы тают, и все же я не уйду с трудового фронта, пока вы не уничтожите немецких фашистов, и пока не дождусь тебя и Валентина. Пишу тебе его адрес: 922 полевая почта, 10 отд. бат. мех. ж.-д. работ[264], и ему. Мне до сих пор кажется, что ты на сессии или еще где-то близко и скоро должен приехать. И я жду. Целую тебя.

Подпись

ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 86. Л. 5-6. Подлинник. Рукопись.

№ 20

Письмо В. С. Каменева жене

17 марта 1943 г.

Здравствуй, мое солнышко, моя любимая Мусенок! Как далеко от меня и как долго нет от тебя никаких известий. Что с Вами? Как живете? Живы ли, здоровы ли? Каждый день с нетерпением ожидаю письмоносца и бесполезно. Сегодня получил письмо от бывшего сослуживца, но все его слова я с великой радостью променял бы на одно слово от любишки. Две недели провели в беспрерывных боях, теснили немцев назад, на запад. Под пулями, под грохот разрывов ожидал старуху, но нет, очевидно, еще не пришло время. Сейчас нахожусь в тылу, с передовой слышен только шум отдаленной канонады. Что будет со мной дальше, куда пошлет другая воля – неизвестно. Пока живем в сравнительно мирной обстановке. Отдыхаем, насколько возможно при здешних условиях, ожидаем дальнейших событий.

Все время стоит весенняя ясная погода. Порой холодно, ветер, порою тепло. Но воды достаточно и снега в некоторых местах на поле осталось мало. На

264 Вероятно, *отдельный батальон механизации железнодорожных работ.*

поле боя в некоторых местах лишь одни воронки, наполненные водою. За последнее время получил 3 индивидуальных подарка. В них – сухарики, пряники, мыло, катушка ниток, карандаш, конфеты, даже полплитки шоколада, кусочек свинины отварной к вину, вино и водка, самодельный сыр, сахар и… ни в одном записочки. Так хотелось теплым словом поблагодарить простого советского человека за его нехитростный подарок и заботу о нас. И еще б очень хотелось часть этих подарков посылать домой, ребятишкам, так совестно все это истреблять, в то время как они, возможно, забыли уже и вкус. Да, много было получено из Туркмении сушеных дынь, урюка, джуды. Сварили 2 раза замечательный компот из урюка, который чуть было не погиб от снаряда, а сушеной дыни все, можно сказать, объелись и перестали глядеть на нее.

Вчера с великим удовольствием был в бане, прожарил все свое барахло, и теперь чувствую себя очень хорошо. Посмотрел бы кто-нибудь со стороны, с каким наслаждением мы мылись, плескались, натирались, скреблись, как хрюкали от удовольствия, смывая с себя, кто месячную, кто двухмесячную грязь! Такое обыкновенное в нормальной жизни явление здесь превращается в величайшее удовольствие.

Попробовал однажды применить свое когдашнее увлечение эсперанто при разговоре с пленными, но времени не было. Один на мой вопрос поднял руки вверх, другой понял не так. Разговорника же сыскивать некогда было, да и без меня было кому с ними беседовать.

Ну, что же тебе еще написать, дорогая? Отошли немного от передовой, велели нацепить погоны; вот и ходим сейчас щеголяем – красные офицеры. Новенькие погоны, серебряные звездочки на них.

Предлагал мой начальник ехать на одни курсы, да больно не хотелось сидеть и корпеть над чем-то, и отказался. Другие поехали с удовольствием – отдых, перерыв в боевой деятельности. А я решил представить свою судьбу естественному ходу вещей.

От Валентина что-то тоже давно не получал вестей. Должно быть, некогда или мое письмо с новым адресом до него не дошло.

Вот пока все, моя родная! Желаю тебе счастья, здоровья, хорошо встретить весну. Крепко, крепко тебя обнимаю и целую. Поцелуй ребятишек. Очень жалею, что не могу им прислать сувениров. Правда, я не обращал внимания ни на какие заманчивые трофеи, как-то не лежит душа к тому. Низкий поклон матери. Пожелай ей от меня здоровья и бодрости. Привет всем родным и знакомым. Посылаю на хранение карточку моего лучшего друга, погибшего в бою. В одном мы с ним были одинаковы – в верности любимой.

Твой С.

ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 86. Л. 9-10. Подлинник. Рукопись.

№ 21

Письмо В. С. Каменева жене

12 августа 1943 г.

Здравствуй, дорогая!

Привет тебе шлю, и любовь мою услышь через сотни километров, разделяющие нас. Еще один лес здравствуй, еще один лес прощай. Сколько таких лесов впереди, и из какого ведет дорога к дому, к твоим объятьям, ласкам? Хочется сказать тебе что-то большое и значительное, отчего бы твое терпение усилилось, а трудности показались ничтожными по сравнению с той радостью, которая ожидается впереди. Но за два года разлуки ласковые слова забылись, мысли привыкли быть направленными на другое, и где-то далеко в глубоких тайниках души хоронится любовь и ждет своего часа, боюсь, что вернувшись, я не узнаю прежней Мусенки, которую оставил два года назад. И снова придется объясняться ей в любви. Хотя нет, не боюсь, изменилась Мусенка, изменился я, но любовь наша осталась прежней и неизменной и ждет своего проявления, обновленная, закаленная разлукой, и потому более крепкая. Ты спросишь, с чего это я взялся расписывать тебе? А объяснение простое, дорогая, – ночь и утро прошли в шагании, день достаточно длинен для меня, чтоб спать в светлое время, кроме того, я перечитал еще раз ту газетную вырезку, которую ты когда-то мне прислала, вот и вся причина. Ведь, что можно мне написать о себе? Что новый лес веселый, смешанный, что на этот раз лубяного дома у меня нет и его заменяет с успехом куст орешника, что с неба все время доносится яростное гуденье и трескотня, а я лежу под орешником и с удовольствием перебираю голыми пальцами и вспоминаю, какое это бывало наслаждение – ходить голыми ногами по голой земле, по зеленой траве. Низменное удовольствие и то Гитлер отобрал. Вот и все. Кроме того, ты обижаешься за редкие письма, а сегодня день незагруженный, а ты будешь рада и коротенькому нескладному письму. Посмотрел на себя внимательно в зеркальный осколок, любишка, какой я стал седой и, наверное, по возвращении ты или отвернешься от меня, или заставишь краситься! И что-то смешно и грустно мне стало при мысли о том, что вот с седыми волосами, с солидным верстовым столбом за спиной, имея уже почти взрослого сына, через неизвестное количество длинных дней придется снова начинать старую любовь и прерванную жизнь, которая для меня остановилась на августе 41 года. Впрочем, лишь бы пришлось, а начать и жизнь прерванную, и любовь старую мы сумеем.

Так, любимая?

Должен быть в августе перевод на 600 руб. и, кроме того, майский был на 700 руб. Ты, кажется, мне о нем не писала, получен ли он. Ну, за июнь и июль не взыщи, надо было разделываться с займом.

Как идут дела, Маруся, со школой, уборкой, личным обеспечением. Сумеете ли достать соли на заготовки огурцов и помидоров? Поцелуй ребятишек, привет матери передай, Невзоровым, Сабуровым.

Твой С.

ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 86. Л. 16. Подлинник. Рукопись.

№ 22

Письмо В. С. Каменева жене

12 сентября 1944 г.

Здравствуй, друг мой дорогой!

Ночь. Началось 12-е сентября. Тихо. Дневной бой закончился, и обе стороны отдыхают. Одни для того, чтоб, подкрепившись, продолжать гнать врага дальше в свое логово, другие – для того, чтоб продолжать бесполезное сопротивление. Впрочем, вторым не дают спать ночные труженики – «Яшки», «Огородники». Без устали стрекочат в небе, развешают фонари и долбят. Один за другим, беспрестанно. Из пулеметов построчат. Не знаю, насколько эффектна будет их работа, но уже спать не дадут, так то, бесспорно. В блиндаже сейчас тихо. Кругом храпят в разных мыслимых и немыслимых позах. Клюют в трубку телефонисты и время от времени, как испуганные грачи на ветке, кричат хриплым голосом: «Орел слушает!». Блиндажи, конечно, занимаем фрицевские. С толком подлецы строили. Наши обычно не гонятся за удобствами: лишь бы не прокапывал дождик, да было бы возможно печку топить, если холодно. А уюта себе не думают создавать, знают, что временное жилище это, и не стоит тратить на него силы и время. Но эти «завоеватели» устраиваются так, как будто намерены всю жизнь провести под землей. И стенки обшивают или обивают, потолки, полы настелят, натаскают от жителей стульев, коек и прочей рухляди. Вот, к примеру, где я нахожусь: по-

толок, стены обиты тесом, пол дощатый; овальный большой дубовый стол для гостиной, на нем бронзовая лампа с белым абажуром (предмет мечтаний моих до войны), букет астр на столе и еще какие-то безделушки комодного назначения; стулья обыкновенные и с плюшевым сиденьем; шкаф со стеклянными дверцами; патефон с пластинками; липкая бумага с потолка свешивается; нары двухэтажные дощатые, а под ними разная рухлядь – тарелки, бутылки, тряпье, и все гражданского образца. А траншеи их ты бы посмотрела! Настоящая барахолка!

Вот возьми наши брошенные или оставленные траншеи. Что можно в них обнаружить? Гильзы, старые портянки, котелки, иногда противогазы, скатки (летом при наступлении наши солдаты обычно бросают их и обходятся плащ-палатками) и больше ничего.

А в немецких все можно найти: и скатерти, и полотенца с петухами, разные ведра, кастрюльки, тарелки, чашки, юбки и рубахи, елочные игрушки и куклы и прочую дребедень, назначение которой никак не вяжется с аскетической жизнью солдата. Входишь в город, оставленный немцами, и видишь – жителей нет (попрятались, убежали или угнали), а в домах такой хаос, что, ей Богу, если вздумаешь сделать так нарочно, то никак не сумеешь. Буквально все вверх дном.

Посмотрела бы ты, как бедные жители убегали из города в тот момент, когда наши были на одной окраине, а фрицы на противоположной! Просто жалко. Фриц бьет, с нашей стороны пушки хлопают, и снаряды над головой свистят. А ведь они не знают, что безопасно, а от чего прятаться нужно. С узлами, тележками, козами, ребятишками, задыхаются, пот градом и искренно или нет говорят, что давно ждали нас, насилу дождались, слава Богу, что вы пришли и т. д.

Вот так идет жизнь. Пока все в порядке. Стало пахнуть осенью. Ночью уже замерзаешь – шинель то с собой не таскаешь, а плащ, да сумку под голову. Когда читал твои строчки о Егоре, то подумал: «Наверно, Маруся ожидает от меня каких-нибудь особенных героических подвигов, а у меня всего лишь один орден, да и тот недавно получил». Хотел писать после получения второго (была надежда), да помешали обстоятельства.

Ну, пока, желаю приятных снов. Будьте все здоровы и веселы. Привет от меня матери и ребяткам. Тебя крепко целую. Твой Славный.

P.S. Получена ли моя вторая грамота?

ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 86. Л. 28-29. Подлинник. Рукопись.

№ 23

Письмо В. С. Каменева семье в Тамбовскую область из города Ельца о встрече Дня Победы в Орловском суворовском училище

9 Мая 1945 г.

Здравствуйте, мои дорогие!

Я нахожусь сейчас под свежим впечатлением долгожданного торжественного дня. Этот день еще не кончился, но то, что я сам чувствовал и что видел, хочется рассказать вам по порядку и немедленно!

Ложился спать на дежурную койку в военное время, а проснулся – в мирное. Война кончилась, и многим не верится до сих пор. Вот он «праздник на нашей улице», пришел!

Ночью просыпаюсь от громкого и взволнованного говора – снизу прибежал сержант и сообщает новость моему помощнику. Слышу слова: «Победа», «Капитуляция», «Всенародный праздник». Понял в чем дело. Оба сержанта убежали вниз слушать радио (у нас сломался репродуктор). Лежу и тоже слушаю через пол. То, что долетает до моего слуха, убеждает меня в том, что действительно победа пришла. Думаю: воспитанники пусть спят, утром я подниму их и торжественно поздравлю. Вот будет шум! Внизу усиливается шум, люди просыпаются. Под окном раздались выстрелы – обрадованный офицер опорожняет магазин. В разных концах города слышу ответную пальбу. Вбегает сержант и трясет за плечи: «Капитан, капитан, вставайте, война кончилась, победа!» И снова убегает. Старшина с улыбкой во всю физиономию врывается в дверь и, встретив мой взгляд, взгляд уже посвященного, убегает. Задаю вопрос себе – рад ли я? Да, за Родину, за других, рад. За себя – нет, не рад. Я мог бы быть в Берлине, мог бы всю жизнь быть гордым этим, а оказался в дыре, без своих боевых друзей. Уже мне кажется, что близость к родным, к Вам – малая цена. Ведь еще вчера я был страшно разозлен и обижен обыденной равнодушной тупой невнимательностью к себе со стороны других.

Дежурный начинает названивать по телефону к генералу и сообщает ему новость. За стеной заворочались на койках воспитанники, послышались голоса, затопали по коридору ноги – новость полетела по спальням. Встал и оделся. Воспитанники в одном белье бегают по залу, по коридору и

орут «Ура». Пропало мое задуманное торжественное преподнесение им радостной вести. Предоставил им возможность излить возбуждение. Выхожу на улицу. Слышны громкие голоса, освещенные окна раскрыты, из одного слышится «Интернационал» – завели патефон. Вышел на главную улицу. В сумраке многочисленные движущиеся фигуры, разговоры, песни и кругом выстрелы. Столкнулся на углу с женщиной. – Господи, выстрелы-то приятно как-то слушать! Ходят обнявшись. Медленно иду на квартиру. Хочется плакать не то от радости, не то от обиды. У бабки огонь. Поздравил ее, закурил и пошел обратно. Понемногу рассветает. Из магазина уже выходят с бутылками люди. В 6 часов прослушал радио. Воспитанники драят ботинки, пуговицы, пряжки. Внутри двора наш митинг. За решетками забора – толпа. Мальчишки набились во двор и бегают по стене. Торжественно проследовали по улице до кинотеатра. По тротуарам толпы. Под ногами грязновато. Это солнышко начинает с трудом выбираться из-за туч. Уже подгулявший кричит: «Суворовцам, будущим офицерам – Ура!» Возвращаемся в городской сад. Общегородской митинг. Жалкий сад, очевидно, никогда не видал такой толпы. Ораторы прерываются аплодисментами и «Ура». Воспитанники стараются изо всех сил. Многие женщины плачут. Одни от радости, другие от еще не забытого горя. Но вот она – всенародная, стихийная, настоящая радость, настоящее торжество! Взвод красноармейцев стреляет залпами. Вниз летят сбитые сучья. Там и сям из толпы поднимаются вверх руки с пистолетами, разрозненно трещат выстрелы. Победе – салют. Митинг кончился. Народ не расходится. Мы с трудом пробиваем себе дорогу домой. Через окно видна часть улицы и на ней кучки народа. Оживленно о чем-то разговаривают девушки. Предмет разговора один, а впереди – встречи, радость свидания. Красноармеец в расстегнутой шинели, с кобурой на брюхе, бутылкой в кармане медленно бредет, покачиваясь. Неверной рукой козыряет офицеру, приближается к девичьей стайке, останавливается и бредет дальше. На лице – пьяная радостная застывшая улыбка. Мне впервые захотелось потолкаться в толпе. Но – нельзя. Усаживаю своих ребят за парты учить уроки сейчас, чтоб они до самого вечера могли быть спокойны. Они уселись и усердно зубрят. Зубрят, а во взорах – «скорее выучить, скорее получить отпуск».

Потом выбрался все же на улицу. По главной «магистрали» на тротуарах фланирующие группы. Кучка женщин разных возрастов поет, пляшет и танцует на панели. Они что-то поочередно выкрикивают и им отвечают «Ура». В городском саду – гуляющие. На газонах в «убийственных» позах несколько излишне обрадовавшихся. Кто-то сказал: «Для них война кончилась». Милиционер, глядевший двигающуюся и пляшущую кучку женщин, тронулся навстречу к ней. Мои опасения оказались напрасными. Он что-то с улыбкой проговорил и прошел мимо. После обеда распустил всех желающих воспитанников – это неслыханное в истории нашей роты. Для такого праздника

стоит. Для этого же праздника я простил им свои взыскания. День пока не кончился. Теплый прошел дождь и на небе сияет радуга. Да здравствует Победа!

<…>

Ваш (Подпись)

***Примечание*:**
Военное письмо-треугольник, на лицевой стороне стоит печать:
ПРОСМОТРЕНО военной цензурой 04877

Чернилами написан адрес:
Тамбовская обл.
Избердеевский район
село Сестренка
Сабуровой М.Н.
г. Елец ОрСВУ[265] *1-я рота Каменев В.С.*

Также автором письма чернилами сделана приписка:
Для Мусёнка! Как хочу быть в такой день вместе с тобой! Вспрыснуть Победу и бродить по людной улице.

Твой С.

ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 86. Л. 34-35. Подлинник. Рукопись.

265 Орловское суворовское военное училище.

Именной указатель

А
Аверкиева В. (Роберт) – 66, 77, 79, 80, 88, 90, 102
Акопян – 129
Аксенов – 131
Антоненко – 60, 67, 103
Анцупов А. – 127, 131
Афанасович – 122, 123
Ахматов А. – 122

Б
Бабенко Е. – 122
Баканова Г. – 61, 98, 102
Балабанова – 104
Балыбердин А. – 121
Басмакова – 73, 84
Безматерных А. И. – 162, 165
Безматерных А. М. – 162, 164
Безматерных В. А. см. Наумов В. А.
Безматерных М. А. – 164
Бекетов И. П. – 50
Белоус – 81
Белоусов – 85, 103
Блохина Ю. А. – 19, 49
Болотова Л. – 69
Борхерт Э. В. – 177-179
Бригалда А. – 122, 123
Бухтияров И. Я. – 127, 130, 131

В
Васильев И. В. – 115
Вахрушев Ф. Е. – 50
Великанов С. – 155
Великая Т. – 79, 84, 87, 88, 91, 95, 102, 103
Великосельцев Б. – 125, 127
Винокуриев С. И. – 145-149
Витюков – 123
Власов [А. А.] – 117
Волкова – 104
Воробьева С. – 67
Воронов [Н. Н.] – 66
Ворошилов [К. Е.] – 66

Г
Гаврилович – 133-135
Гагарина В. – 73, 79, 93
Гедговд – 77
Гитлер [А.] – 47, 145, 160, 189, 192
Гоголь [Н. В.] – 120, 124, 125, 129
Головлин – 36
Гопкинс – 26
Горб. Р. – 73
Горшков М. – 128
Горький [М.] (Пешков А.М.) – 120, 124, 129
Гребнева В. – 79, 80, 89, 102
Громов А. И. (Сорокин И. Н.) – 127, 130, 131
Грузков А. Я. – 107, 108
Гусаров – 130

Д
Данилов – 122, 125
Дегтярь – 129
Денисов – 77
Драчева – 169, 170
Дьякова – 72, 92

Е
Еременко М. В. – 125
Еремин (Письменный) – 127, 130, 131

Ж
Жабон – 83, 103
Жаров [М. И.] – 64

З
Землянова М. М. (Иванова М. М.) – 180-183
Земляков – 103
Зейферт И. – 83, 86
Зоркова М. – 169
Золотарева – 79, 87

И
Ибраев Н. – 122
Иваненко В. – 123
Иванов В. М. – 181-183
Иванов М. П. – 180-183
Иванов Ю. М. – 181, 183
Иванова А. И. – 180, 181, 183, 184
Иванова М. М. см. Землянова М. М.
Иванчин – 130
Ипатова Т. – 114
Исаковский [М. В.] – 119, 124, 129

К
Кабанов С. И. – 144, 145
Каменев В. С. – 185-190, 192, 193, 195, 197
Каменев С. М. – 185
Каменева Д. Я. – 185, 189
Каменева И. В. – 186
Каменева М. Н. – 186
Каплун Л. – 73
Капустин – 78, 101
Караваев – 130
Каргаполова А. – 66, 74
Карпенко С. Ф. – 125
Кашпок – 79
Киров С. М. – 128
Козина Л. – 176
Козявкин – 121
Колбин Д. – 127, 130, 131
Колпаков Г. И. см. Копылов Г. И.
Колпащиков И. М. – 165
Кондрашов М. – 122, 127
Коньков Ф. И. – 125
Копылов – 130
Копылов Г. И. (Колпаков Г. И.) – 132, 136
Копытов – 123
Коробка – 129
Коробков – 121
Корженевский – 126
Котельников – 50
Котус И. И. – 50
Кравцова – 67, 86, 93, 102
Кравченко А. П. – 121
Кравчук М. К. – 129
Крамской – 19
Краснов Л. И. – 123, 126
Кригер-Лебедь – 122
Крутошинский А. М. – 171-174, 176
Крутошинский М. О. – 171
Крутошинская Н. В. (Шангина Н. В.) – 171
Крылов Д. – 124, 125
Крючков [Н. А.] – 76, 88
Кудрявцева И. – 61, 69
Кузьмин Ю. С. – 129

Л
Ладынина М. [А.] – 64, 76, 88
Лазарько Г. В. – 125, 127, 130
Лапин Л. Д. – 50
Ларин И. Т. – 121, 123
Лебедев А. – 121, 123, 130
Лебедев-Кумач [В. И.] – 124
Ленин [В. И.] (Ульянов В. И.) – 117, 128, 130
Лемешев [С. Я.] – 96
Лепинский – 22
Лермонтов [М. Ю.] – 96, 124
Либкнехт К. – 59
Лобанова Л. – 77
Лобова – 79, 80
Ломоносов [М. В.] – 45

Лузин А. Л. – 119, 130
Луценко Ф. – 123
Лучинина П. – 69
Люксембург Р. – 52
Лялькина С. – 83, 84, 89, 90, 96

М
Мазур – 72
Малыкин – 77
Малышев – 125, 127
Манторова В. – 77, 80, 83
Марков (полковник) – 78
Марков (капитан) – 121
Маслов В. – 129
Маслов Д. – 129
Маслова Г. – 79, 87, 102
Матвеева С. В. – 177, 178
Матвеева Э. – 177, 179
Маяковский [В. В.] – 119, 124, 129
Медведев А. М. – 50
Мезенов В. Г. – 53, 55
Мезенов И. Г. – 53
Мезенова Р. Г. – 52, 53
Мельник Н. М. – 122
Меньшиков Б. В. – 126
Мерзлов – 121
Митрофанова – 82, 83, 96
Михалков [С. В.] – 119, 129
Молчанов Л. И. – 121, 122, 123
Мордвинов [Н. Д.] – 76
Морозов – 129
Морщинин – 70
Мосин [С. И.] – 112
Москвичева – 80

Н
Надсон [С. Я.] – 71
Назарук – 126
Накоряков Н. Е. – 50
Наполеон [Бонапарт] – 27
Наумов – 122
Наумов В. А. (Безматерных В. А.) – 159, 162-164
Наумова А. Т. – 159, 160, 163
Невшута Г. – 123
Некрасов [Н. А.] – 120, 129
Нилова Т. – 63

О
Окишева В. – 66, 79, 85, 87, 95, 96
Очков – 78

П
Палистрат – 129
Персиянов И. М. – 151
Печерица М. – 69
Письменный см. Еремин
Плаксина М. – 94
Плиев – 117
Плотников – 19, 20, 29
Подгузов – 130
Подольский – 78, 89, 93, 100, 101
Подыниногина А. – 80, 84, 93, 96
Покрасс (братья Покрасс) – 124
Покровская Е. А. – 172-174, 176
Покровский А. А. – 172-174
Полещук Н. Ф. – 129, 130
Полоса – 71, 72, 83, 103
Попов А. – 128
Попов В. – 124
Пресняков И. А. – 119, 122, 125
Проскурин С. Д. – 124-127
Прудников А. С. – 124, 125, 131
Пряхин А. В. – 17, 18, 50
Пряхин В. – 17
Путинцева Т. – 79, 83, 104
Пушкин [А. С.] – 120, 124, 129

Р
Рогожкина А. – 69, 77
Роберт см. Аверкиева В.
Ромась – 98

Рощин А. – 141, 151, 155
Рудакова З. – 59, 93, 102
Руденко П. – 141, 151, 155
Рузвельт [Ф. Д.] – 29
Рыкова А. – 169

С
Сабурова М. Н. – 188, 197
Салютин – 122
Самойлов – 122, 125
Сафонова С. – 89, 102
Севастьянова – 70
Сергеев С. – 127
Сергиенко – 103
Симонов [К. М.] – 119, 124, 129
Смышляев – 20, 36, 37
Солнцев А. Н. см. Солонцев А. Н.
Солонцев А. Н. (Солнцев А. Н.) – 124, 125
Сорокин И. Н. см. Громов А. И.
Сталин [И. В.] – 26, 46, 66, 70, 90, 93, 130
Струков П. А. – 121, 123
Сударева Г. – 67
Субачева – 83
Суровцев – 129
Сусоров – 59, 66, 103

Т
Тарасов И. А. – 124
Татарчук В. – 79, 81, 87, 92
Твардовский [А. Т.] – 119, 124, 129
Тито [И. Б.] – 129
Тиханова В. Ф. – 73
Тихомиров – 161
Толбухин [Ф. И.] – 116
Трофимова А. – 93, 96
Трубячков – 50
Турман – 123

Ф
Фролов Д. С. (Юнгблют) – 130, 131

Х
Хабибуллин Ш. – 50
Хивов Я. И. – 125

Ч
Черноскутова С. – 69
Черчилль [У.] – 29
Чирков [Б. П.] – 76

Ш
Шабалина З. – 58, 65, 67, 71, 84, 87, 96, 102
Шамала И. В. – 123, 126
Шангин – 51
Шангина О. Л. – 171
Шангина Т. В. – 171
Шапиро – 115
Шафалович – 126
Шевченко [Т. Г.] – 62, 79
Шмитков – 72, 78
Шолохов [М. А.] – 112

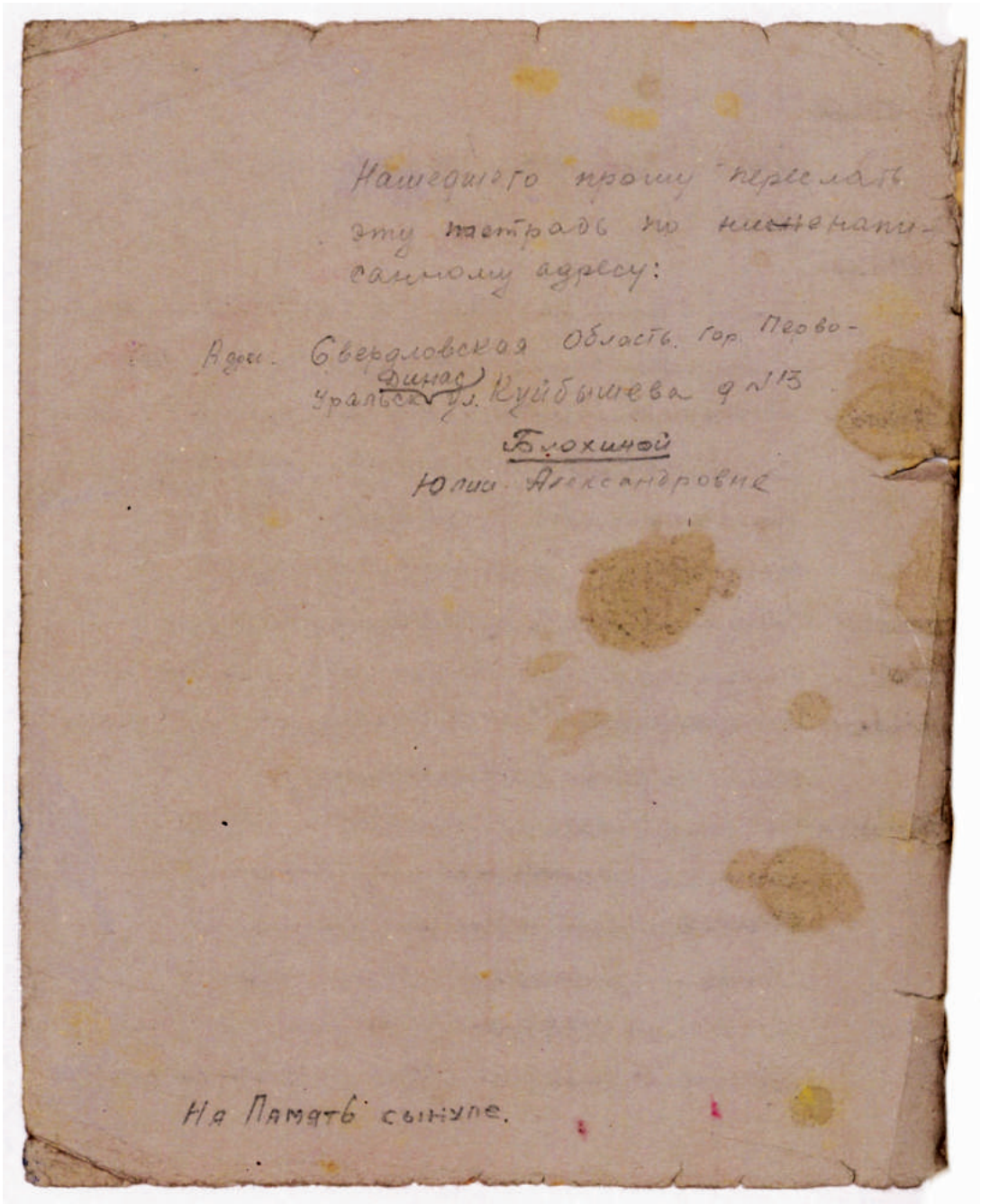
Щ
Щербаков – 82

Э
Эйхман – 66, 70, 78, 84, 89, 95, 101

Ю
Юнгблют см. Фролов Д. С.

Я
Якорнова Е. – 169
Яскин – 86

Страницы дневника А. В. Пряхина – командира 2-го отделения связи
336-го артполка 178-ой стрелковой дивизии

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 34136. Л. 18об. Подлинник. Рукопись.

23 Июня!

Первый день, когда получено назначение в часть. Кругом творится нивесть что

24 Июня.

Спали в клубе на столах. В 5[45] поездом поехали в Свердловск. Получили обмундирование, оружие.

25 Июня. Распределили людей по отделениям, получили Свердловск. Получили назначение 3 дивизион управление ст. Н/ком. взвода Плотников, К/взвода мл. лейтенант Крашкой.

26-27-28. Организационное оформление. Получали

Июня. имущество, для связи имущества нет.

29 Июня. Отправляют 1[й] и 2[й] дивизион. Мы должны ехать завтра. Давали присягу.

30 Июня. В 12 часов пошли на вокзал пытались петь, но петь-то не знали песен. Ночевали на военной площадке на улице. Дождь холодновато. Спали часа 1,5.

1 Июля. В 8 часов эшелон двинулся. Катятся по Перв. Дороге, на юго по Казанской.

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 34136. Л. 19. Подлинник. Рукопись.

значит больше не видать родных мест. Шагаем с Плотниковым и молимся спать.

2-3-4. Едем не быстро. Кругом лежат (и пролежат) трупы.

Июля. Эшелонов исключительно много. Значит будут большие дела.

5 Июля. Стоим в Москве. Эшелонов видимо невидимо. Страна Напрасно Бойцу.

6 Июля. Получил один патрон. Едем на Минск очень медленно.

7 Июля. Встречаем много эшелонов эвакуированного населения. Рассказы самые жуткие.

8 Июля. Стоим в 5 км. от Смоленска. На сортировочной. Мимо идут эшелоны один за другим. Населения кругом нет. Рассказы о первой жертве красноармеец на могилу, которого ходили со Семиляевым. Настроение у большинства бодрое.

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 34136. Л. 19об. Подлинник. Рукопись.

Дорогой мой!

Вот видишь где был конец. Что было все позабудешь, но прошу при всех явлениях в твоей жизни не бросай сына. Воспитай и постарайся из него сделать все что в твоих будет силах, а покойный хотел бы его „видеть" Инженером Электриком. Нам умирать не потому, что жить хочется, а потому, что хочется увидеть, что будет после такой войны, а надо полагать, что будет хорошо.

Пишу, а над головой свистят гремят ческого оружия, что-то против нас замышляет и надо полагать хорошее для них и плохое для нас. Ну, вот и все. Вспомни как ты говорила „Мой черниньский", а теперь не твой.

Крепко поцелуй сына и всех, а тебя жму через

Сдаю тетрадь
Жму на память.
Ах!!! Жить хочется!!!

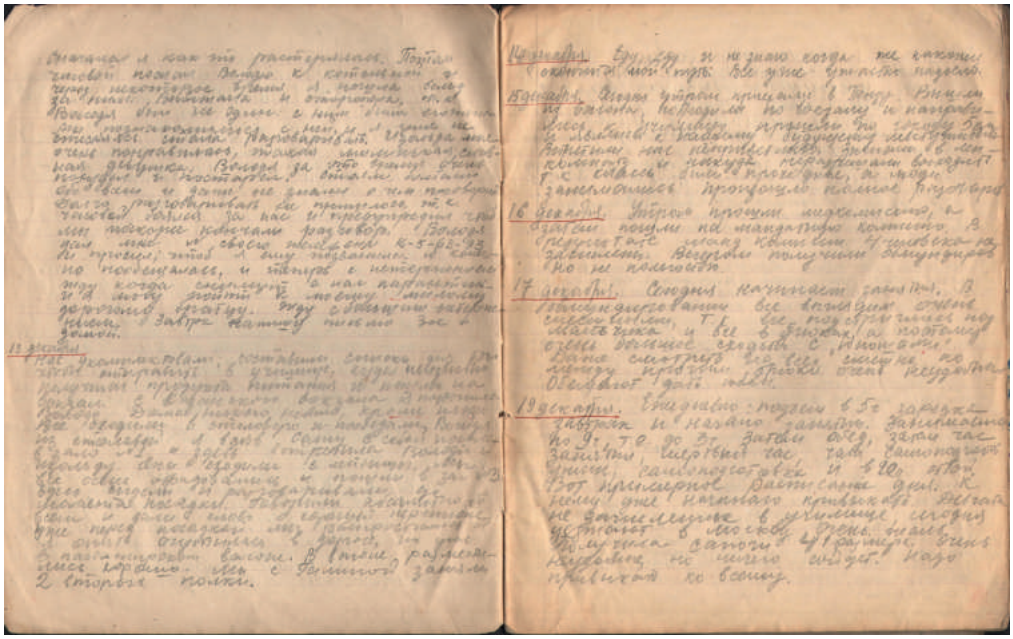
ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 34136. Л. 62об. Подлинник. Рукопись.

Р. Г. Мезенова в годы службы в органах МВД. Свердловск. 1947 г.

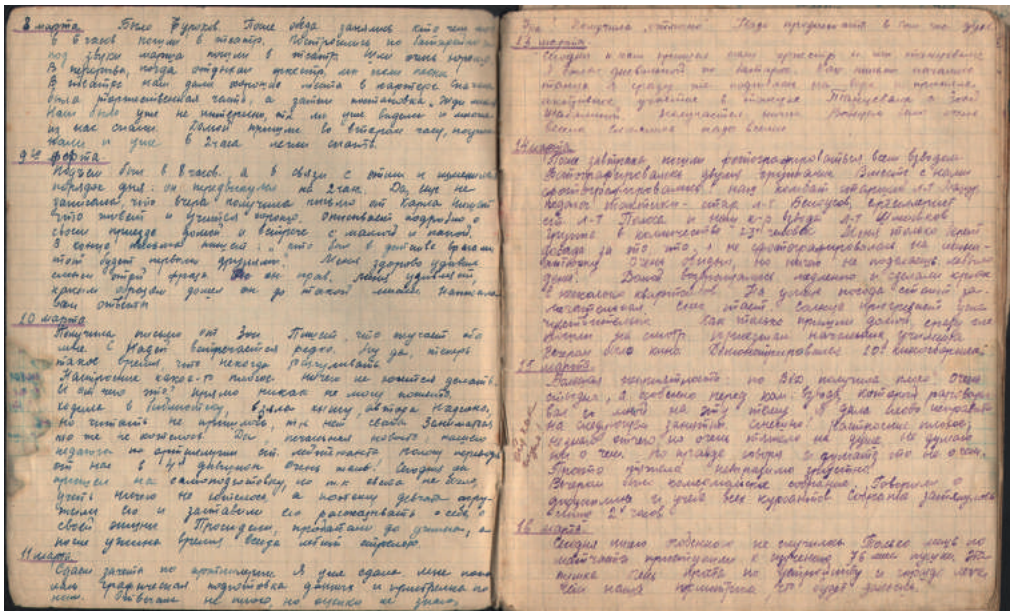

ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 2. Д. 40. Л. 1. Подлинник.

Страницы дневника Р. Г. Мезеновой

ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 50. Л. 2. Копия. Рукопись.

ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 50. Л. 11. Копия. Рукопись.

А. Я. Грузков с матерью Прасковьей Григорьевной
перед отправкой на фронт. 1942 г.

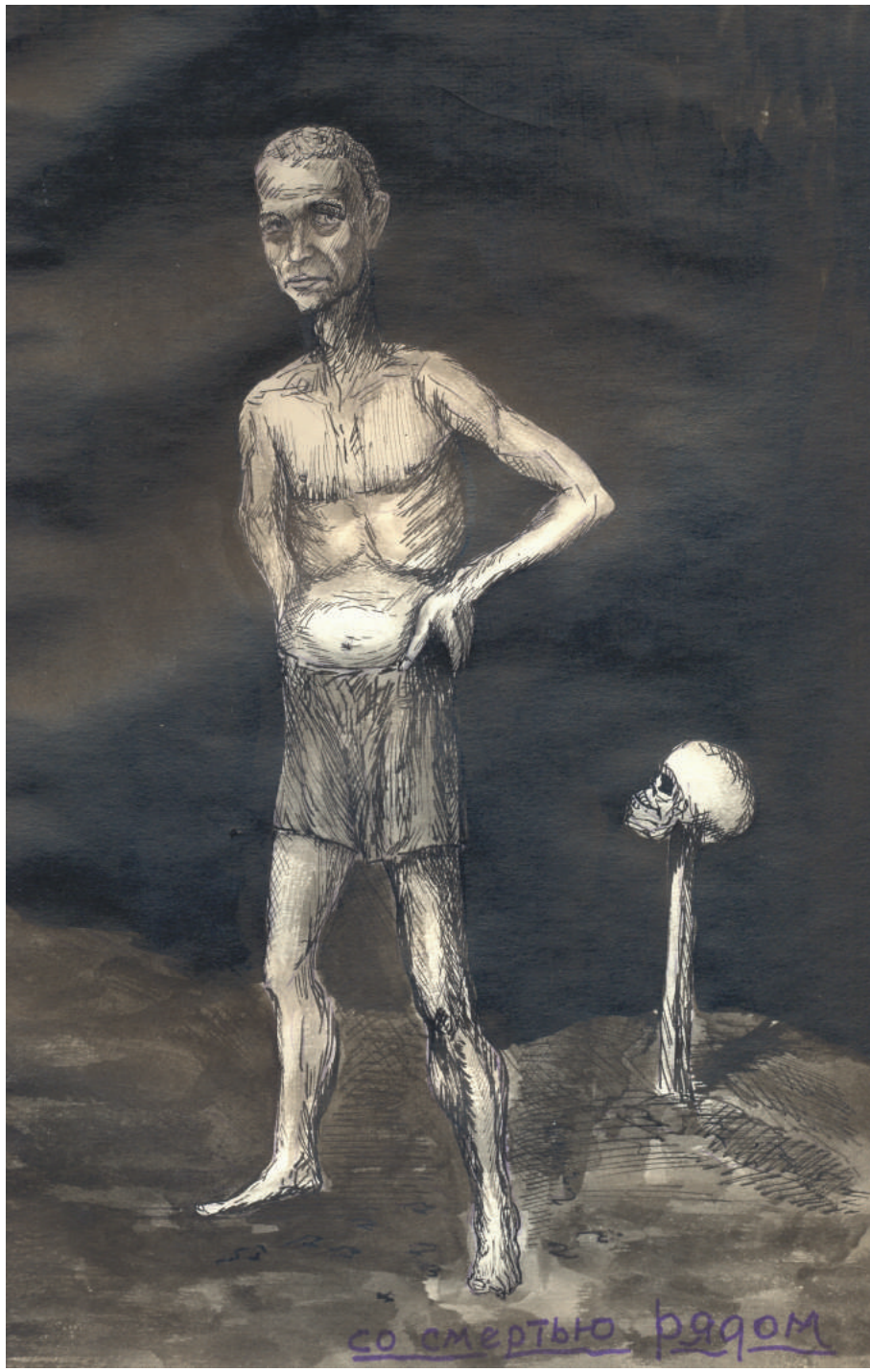
ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 2. Д. 1. Л. 1. Подлинник.

Александр Васильевич Пряхин. Б/д

Из личного семейного архива.

Г. И. Копылов. Рисунок из альбома с иллюстрациями. [После 1944 г.]

ГААОСО. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 14. Л. 14. Копия.

Бывшие узники лагеря «Бухенвальд», освобожденные
частями англо-американских войск. 1945 г.

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 20055. Л. 116. Подлинник.

Отец В. А. Наумова Безматерных Александр Михайлович (справа). 1924 г.

ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 3. Л. 8. Копия.

Благодарность командования отцу В. А. Наумова Безматерных А. М. 1944 г.

ГОРОД СВЕРДЛОВСК, МАШИННАЯ УЛИЦА, ДОМ 17, кв. 1

ДОРОГИЕ АНТОНИНА ИВАНОВНА, МАРГАРИТА и ВЛАДИМИР!

От имени Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических республик за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками Военный Совет наградил Вашего мужа и отца красноармейца БЕЗМАТЕРНЫХ Александра Михайловича орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА" /ранее награжденного медалью "За боевые заслуги"/.

Красноармейцы, офицеры, сержанты части поздравляют Вас с высокой оценкой работы Александра Михайловича.

Наш коллектив знает красноармейца БЕЗМАТЕРНЫХ, как самоотверженного труженика, который без устали на своем посту, в трудных условиях фронта, выполняет большое и ответственное дело. С первых дней войны Александр Михайлович квалифицированный свердловский полиграфист печатает красноармейскую газету. Из-под его рук выпущено много миллионов оттисков. Красноармеец БЕЗМАТЕРНЫХ по заданию командования неоднократно выполнял сложные печатные работы, которыми любовались наши доблестные воины.

Александр Михайлович не щадит своих сил для того, чтобы газета, несущая на фронт большевистскую правду, выходила в срок по графику. Дисциплинированнейший и исполнительный красноармеец БЕЗМАТЕРНЫХ, бесспорно всю войну работающий у печатной машины, показал себя преданным сыном Родины, достойным сыном славного седого Урала.

Антонина Ивановна, Маргарита и Владимир, Вы можете гордиться своим мужем и отцом-орденоносцем.

Не за горами час полной победы над немецкими захватчиками. Мы желаем Вам доброго здоровья и успехов в труде и учебе.

Желаем Вам скорой радостной встречи с дорогим Вам человеком, которого все мы так ценим и любим.

КОМАНДИР В/ЧАСТИ 48999-У
М а й о р:- (Д. ЧМУТЕНКО)

Полевая 1102

Октябрь 1944 г.

ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 3. Л. 4. Копия.

Анна (Нюся) (фамилия неизвестна).
г. Верхний Тагил. 12 января 1941 г.

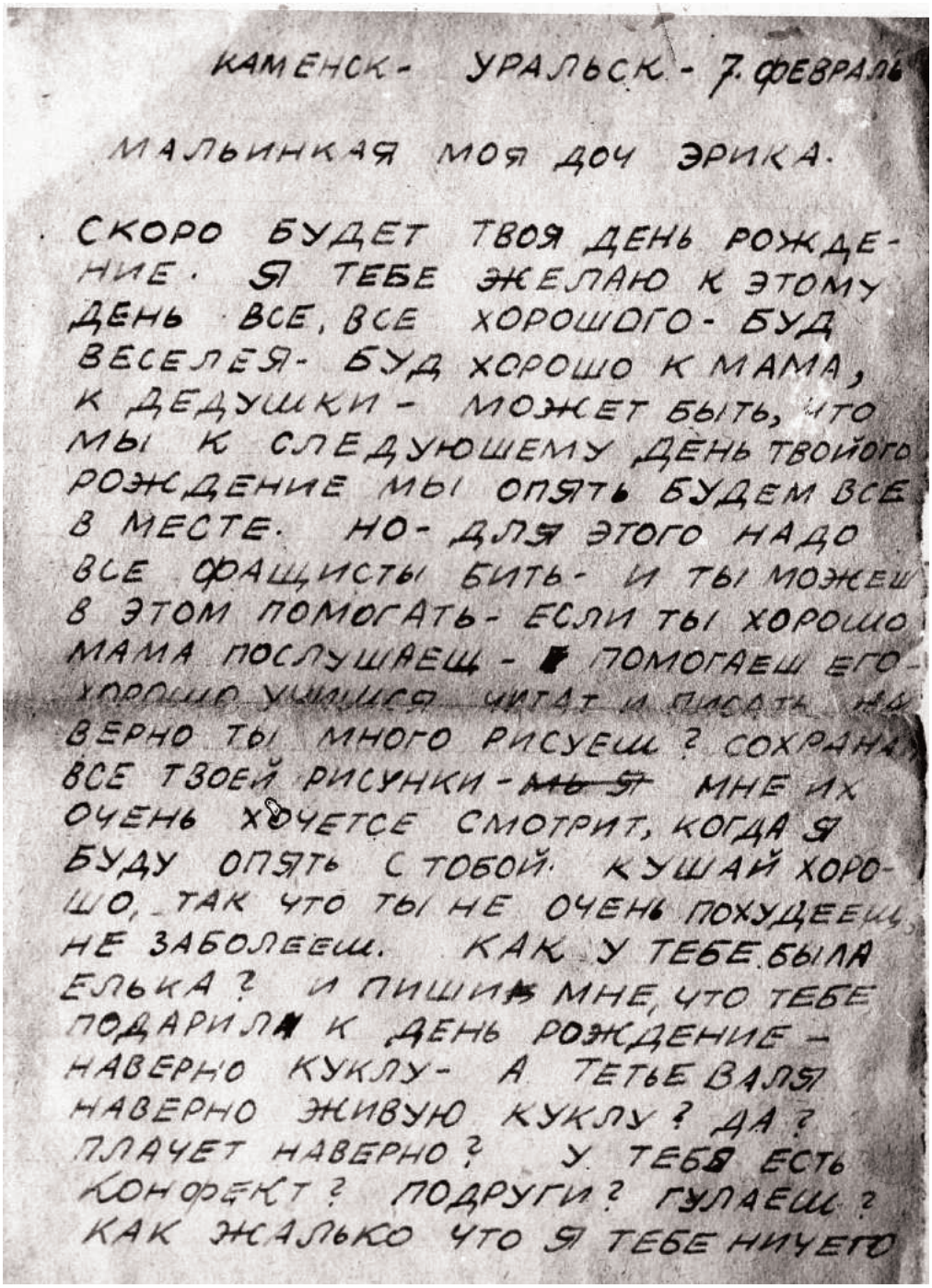
ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 43829. Л. 90. Подлинник.

Е. А. Покровская – подруга А. М. Крутошинского по переписке
в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск. 1942 г.

ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 2. Д. 71. Л. 1. Копия.

Письмо Э. Борхерта дочери Эрике.
7 февраля 1942 г.

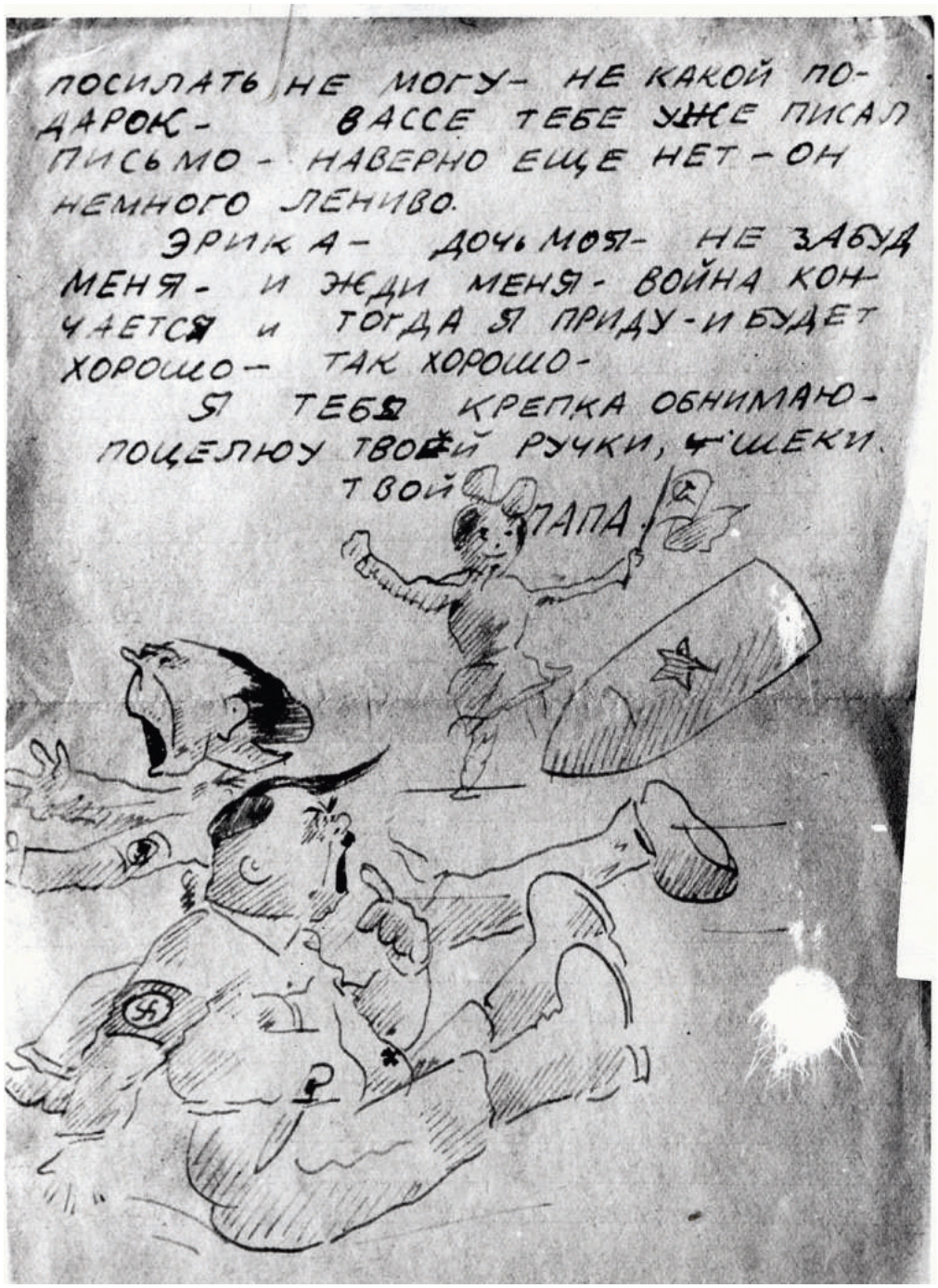

КАМЕНСК - УРАЛЬСК - 7. ФЕВРАЛЬ

МАЛЬИНКАЯ МОЯ ДОЧ ЭРИКА.

СКОРО БУДЕТ ТВОЯ ДЕНЬ РОЖДЕНИЕ. Я ТЕБЕ ЖЕЛАЮ К ЭТОМУ ДЕНЬ ВСЕ, ВСЕ ХОРОШОГО - БУД ВЕСЕЛЕЯ - БУД ХОРОШО К МАМА, К ДЕДУШКИ - МОЖЕТ БЫТЬ, ЧТО МЫ К СЛЕДУЮШЕМУ ДЕНЬ ТВОЙОГО РОЖДЕНИЕ МЫ ОПЯТЬ БУДЕМ ВСЕ В МЕСТЕ. НО - ДЛЯ ЭТОГО НАДО ВСЕ ФАЩИСТЫ БИТЬ - И ТЫ МОЖЕШ В ЭТОМ ПОМОГАТЬ - ЕСЛИ ТЫ ХОРОШО МАМА ПОСЛУШАЕШ - И ПОМОГАЕШ ЕГО - ХОРОШО УЧИШСЯ ЧИТАТ И ПИСАТЬ НА ВЕРНО ТЫ МНОГО РИСУЕШ ? СОХРАНИ ВСЕ ТЗОЕЙ РИСУНКИ - ~~МЬ Я~~ МНЕ ИХ ОЧЕНЬ ХОЧЕТСЕ СМОТРИТ, КОГДА Я БУДУ ОПЯТЬ С ТОБОЙ. КУШАЙ ХОРОШО, ТАК ЧТО ТЫ НЕ ОЧЕНЬ ПОХУДЕЕШ, НЕ ЗАБОЛЕЕШ. КАК У ТЕБЕ БЫЛА ЕЛЬКА ? И ПИШИ МНЕ, ЧТО ТЕБЕ ПОДАРИЛА К ДЕНЬ РОЖДЕНИЕ - НАВЕРНО КУКЛУ - А ТЕТЬЕ ВАЛЯ НАВЕРНО ЖИВУЮ КУКЛУ ? ДА ? ПЛАЧЕТ НАВЕРНО ? У ТЕБЯ ЕСТЬ КОНФЕКТ ? ПОДРУГИ ? ГУЛАЕШ ? КАК ЖАЛЬКО ЧТО Я ТЕБЕ НИЧЕГО

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 43423. Л. 362. Копия.

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 43423. Л. 362. Копия.

Рисунок Э. Борхерта. [Не позднее 1942 г.]

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 43423. Л. 322. Копия.

Рисунок Э. Борхерта. [Не позднее 1942 г.]

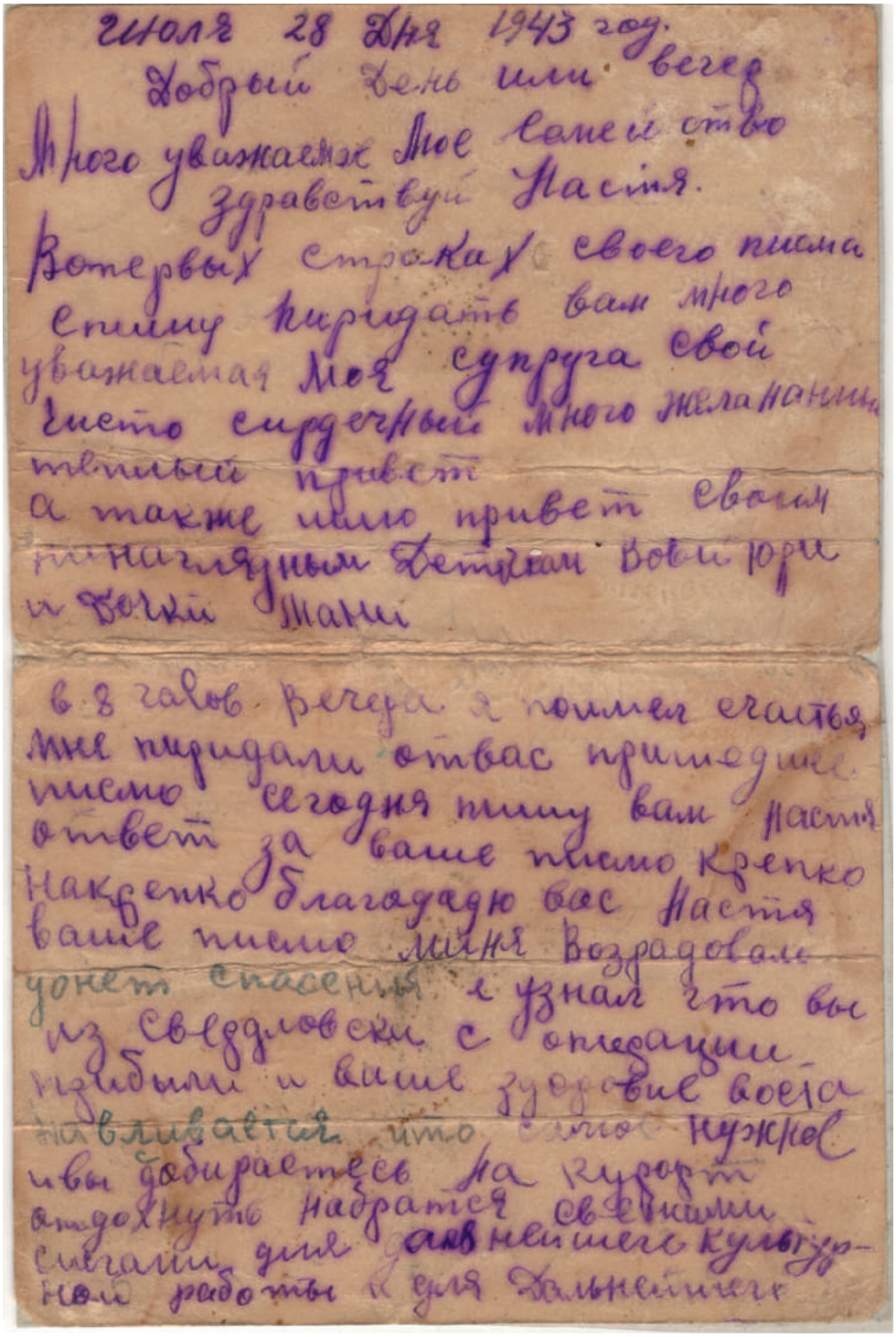
ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 43423. Л. 346. Копия.

Рисунок Э. Борхерта. [Не позднее 1942 г.]

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 43423. Л. 384. Копия.

Письмо с фронта красноармейца М. П. Иванова жене и детям. 28 июля 1943 г.

28 июля 1943 год.

Добрый день или вечер
Много уважаемое Семейство
Здравствуй Настя.
В первых строках своего письма
спешу передать вам много
уважаемая Моя супруга свой
чисто сердечный много желаний
тёплый привет
а также свою привет своим
малолетним детям Вовы Юры
и Дочки Жанны

в 8 часов вечера я получил ваше
мне передали от вас письмо
письмо сегодня пишу вам Настя
ответ за ваше письмо крепко
накрепко благодарю вас Настя
ваше письмо меня возрадовало
что вы спасены и узнал что вы
из Свердловски с операции
излечились и ваше здоровье всегда
желаю что самое нужное
и вы собираетесь на курорт
отдохнуть набраться сил
силами для дальнейшего культур-
ной работы и для дальнейшего

ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 5. Л. 10. Подлинник. Рукопись.

воспитания детей
Настя Вы правильно решаете
вам необходимо нужен отдых и хорошая
спокойная чистая работа усиленное
питание спокойной отдых и
вкусная жизнь я думаю что Вы
Кай гебо добьетесь для себя и для
детей Настя я много писать
не буду ибо умыть время нет
соберусь несколько слов осенью
Настя я с х/ч 43г нахожусь
На фронте где гремит Канонада
самолетов танок и ракет боевая
огня от наших сокрушительных Катюш
Но все это бичам нам не страшно
Выбем немцев закоченим войну
навязанною проклятым гитлером
будим живы и будим свалим не
будим будим там встрой зимне
все грунда прикрасная Маркиза
Все хорошо все хорошо
а самое главное прошу вас живи-
ти не растраивайтесь обоими
особо тоже думать не надо ибо
все мечты и думы никчему непри-
ведут вдалеке время сто все никчему

ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 5. Л. 10об. Подлинник. Рукопись.

Письмо с фронта красноармейца М. П. Иванова жене и детям.
10 июля 1941 г.

ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 5. Л. 1об. Подлинник. Рукопись.

В. С. Каменев в военном училище. г. Катта-Курган. УзССР. 1941 г.

ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 2. Д. 75. Подлинник.

В. С. Каменев (первый слева в первом ряду) с сослуживцами.
Предместье г. Варшава. Польша. 1944 г.

ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 2. Д. 80. Подлинник.

Курсанты и преподаватели Орловского суворовского военного училища.
г. Елец. 1947–1948 гг.

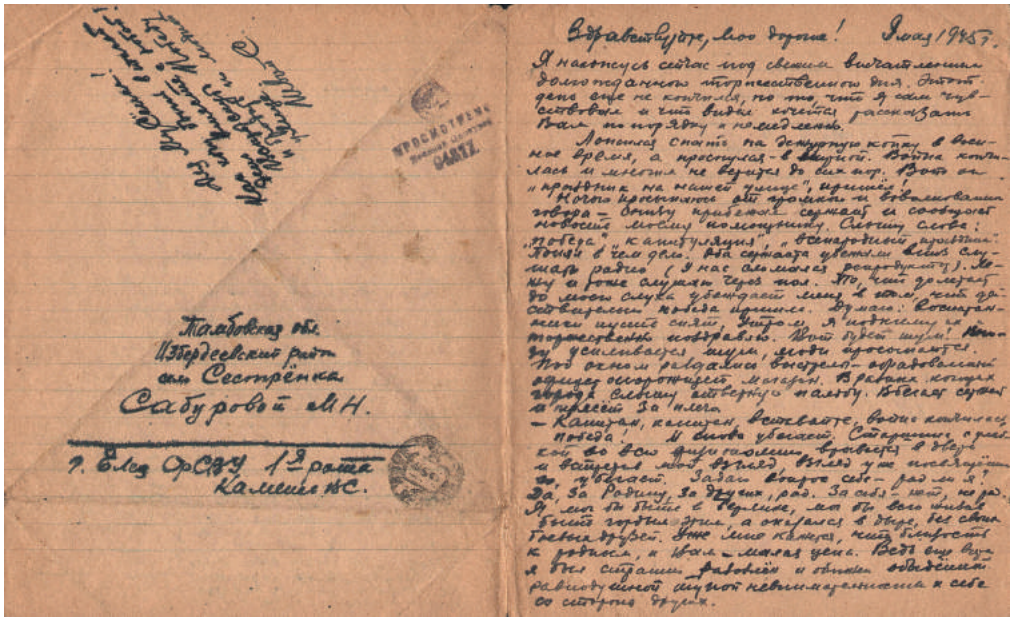
ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 2. Д. 83. Подлинник.

В. С. Каменев с семьей. Свердловск. 1951 г.

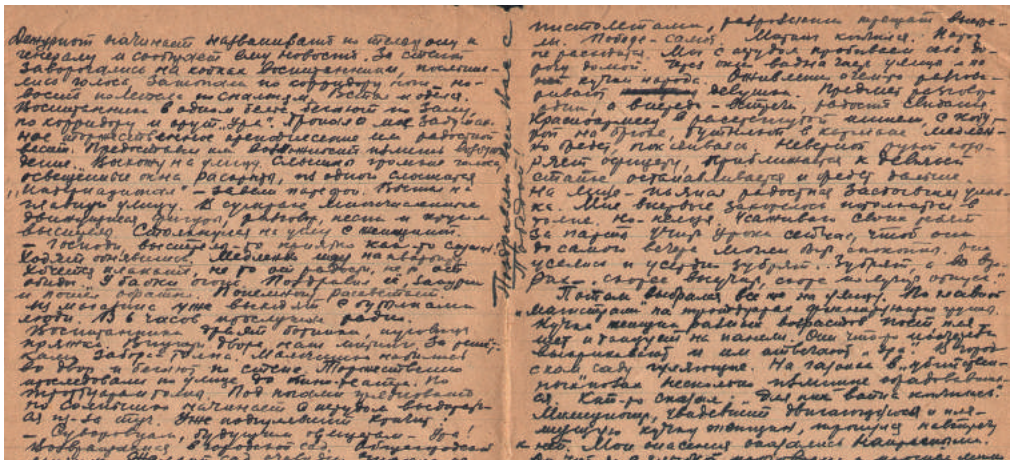

ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 2. Д. 89. Подлинник.

Письмо В. С. Каменева, адресованное своей семье в Тамбовскую область из города Ельца, о встрече Дня Победы в Орловском суворовском училище. 9 мая 1945 г.

ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 86. Л. 34. Подлинник.

ГААОСО. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 86. Л. 35. Подлинник.

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателям Губернатора Свердловской области 3
Обращение к читателям Начальника Управления архивами Свердловской области 5
ГКУСО «Государственный архив административных органов Свердловской области 7

Предисловие 9

Дневники участников Великой Отечественной войны 1941–1945 годов
Александр Васильевич Пряхин 21
Роза Григорьевна Мезенова 56

Воспоминания участников Великой Отечественной войны 1941–1945 годов
Александр Яковлевич Грузков 111
Анатолий Леонидович Лузин 123
Георгий Илларионович Копылов 136

Воспоминания детей участников Великой Отечественной войны 1941–1945 годов
Александра Тимофеевна Наумова 163
Владимир Александрович Наумов 166

Письма периода Великой Отечественной войны 1941–1945 годов
Письмо Нюси 173
Андрей Михайлович Крутошинский 175
Эрих Вильгельмович Борхерт 181
Михаил Петрович Иванов 184
Вячеслав Сергеевич Каменев 189

Именной указатель 202

Иллюстрации 207

УДК 001.92
ББК 63.3(2)622

Под общей редакцией начальника Управления архивами
Свердловской области Р. С. Тараборина

Составители: Э. А. Богомолова, О. А. Гришина, И. Н. Демаков, И. В. Каменева, А. В. Лясковская, Ю. Е. Рыжкова, О. В. Селезнева, Т. А. Семенова

Рецензенты: А. Ю. Золотина, И. С. Огоновская, к. и. н., А. Н. Торопов, к. и. н.

Эх!!! А жить хочется!!!/Сборник/Составители: Э. А. Богомолова, О. А. Гришина, И. Н. Демаков, И. В. Каменева, А. В. Лясковская, Ю. Е. Рыжкова, О. В. Селезнева, Т. А. Семенова; под общ.ред. Р. С. Тараборина; авт. вст. ст. И. Н. Демаков; ГКУСО «ГААОСО».

Настоящий сборник знакомит читателя с документальными свидетельствами жителей Свердловской области об их участии в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, хранящимися в ГКУСО «Государственный архив административных органов Свердловской области». Документы, вошедшие в сборник, относятся к категории документов личного происхождения: переписка, дневники и воспоминания, созданные по инициативе и замыслу частных лиц.

УДК 001.92
ББК 63.3(2)622

© Государственное казенное учреждение Свердловской области «Государственный архив административных органов Свердловской области», 2022
© Дизайн и верстка С. Ю. Дорохов, 2022